

Научно-популярное приложение «Большой взрыв»

Выпуск 8

Содержание:

Павел Амнуэль	Восемь всадников Апокалипсиса
Вит Ценёв	Бить или не бить?
Владимир Юровицкий	Атомное тепло России
Михаэль Лайтман	Все о деньгах (Часть 2)
Ольга Велейко	Оклеветанная Жанна (Продолжение)
Константин Жоль	Тернистый путь рационализма (Окончание)

* * *

Павел Амнуэль

Восемь всадников Апокалипсиса

Пора поговорить серьезно. А то случится одно из двух: или народ окончательно перепугается, и начнется паника, которую ничем остановить не удастся, или, наоборот, все окончательно поймут, что журналистам доверять нельзя, и перестанут смотреть и слушать научные новости. И то, и другое недопустимо.

Смотришь новости: сначала сообщают о терактах, потом о цунами, землетрясениях, оползнях и тайфунах, зачем наступает очередь убийств, автокатастроф и авиационных (а также морских, железнодорожных и прочих) происшествий. На закуску – новости науки. Тут расслабляешься, ждешь успокаивающей душу и полезной для мозга информации об открытиях новых планет или об интересных исследованиях в области нанотехнологий. Об этом говорят тоже, но потом, после главного, а главное... Ну, конечно: "Астероид угрожает жизни на Земле", "Излучение Сверхновой не оставит на Земле ничего живого", "Озоновая дыра может привести к концу цивилизации"... А уж если доходит дело до пресловутого глобального потепления, то только держись: "Через полвека мы все сваримся заживо!", "От гигантских цунами погибнет сто миллионов человек!", "Океан затопит Европу!", "Ледяные горы на месте Парижа и Лондона" (да, мы не только сваримся, но, похоже, одновременно замерзнем, поскольку в науке еще нет полного согласия относительно того, что же нас, в конце концов, ожидает: глобальное потепление или новый ледниковый период).

В общем, похоже, что если нам удастся выжить после терактов, войн, цунами и

землетрясений (я еще не упомянул пришельцев – они, если верить новостям, то ли уже среди нас, то ли могут напасть в любую минуту!), то космические катастрофы нас все равно достанут, ибо если на Бин-Ладена, ХАМАС и Ахмадинежада можно найти управу, а от землетрясений и цунами переехать в более безопасное место, то с астероидами, Сверхновыми звездами и рентгеновскими вспышками человечество справиться не в состоянии, это точно. И остается, как предлагал старый советский анекдот времен холодной войны: натянуть на себя саван и тихо ползти...

Не хочется.

На самом деле, и не надо, поскольку у меня лично после просмотра программ новостей сложилось устойчивое впечатление: журналисты нынче совершенно уверены в том, что если зрителя, слушателя или читателя не напугать, то он предлагаемую ему информацию пропустит мимо ушей или тут же забудет.

За последние годы сложился вполне определенный список причин, по которым в ближайшее время жизнь на Земле может погибнуть. Список не такой уж большой, но зато достаточно универсальный, и любую причину из этого списка достаточно легко подверстать к той или иной совершенно невинной научной информации. Недавно один из научно-популярных американских журналов такой список опубликовал – правда, без комментариев. Рейтинг "концов света" составила Международная группа ученых из Гарвардского университета, Ливерпульского университета Джона Морриса и французского Национального центра научных исследований (CNRS). Эксперты предупреждают, что по большому счету список этот условный, он может меняться по мере получения новых данных.

Полагаю, результат публикации оказался диаметрально противоположен тому, на который рассчитывали авторы (впрочем, кто знает, может, именно на такой результат авторы и рассчитывали?). Прочитав в научном издании о том, какие причины в ближайшие годы угрожают жизни не Земле, читатель теперь точно будет знать, что все ужасы, о которых сообщают журналисты, – чистая правда!

А на самом деле?

Давайте этот список прочитаем и сделаем свои выводы. А я заодно и от себя добавлю пару причин, в результате которых жизнь на нашей планете, как сообщают в теленовостях, станет невозможна в принципе.

Итак, восемь видов Апокалипсиса.

* * *

Апокалипсис № 1. Смена магнитных полюсов.

В последнее время часто пишут о том, что вот-вот северный и южный магнитные полюса поменяются местами. Магнитные полюса, оказывается, не стоят на месте, а перемещаются, и от этого на нашей планете могут проистекать всяческие ужасные события.

К примеру, из-за дрейфа магнитных полюсов, если верить сообщениям в печати, "12 тысяч лет назад произошло всемирное оледенение, от которого вымерли многие животные". Для этого, оказывается, оказалось достаточно, чтобы магнитные полюса сместились на две тысячи километров. Потом они, правда, вернулись обратно, и оледенение, на наше счастье, закончилось.

А в наши дни опять началось! Цитирую: "Сегодня полюса вновь двинулись в путь. Как зафиксировали приборы Центрального военно-технического института, северный магнитный полюс Земли сместился за 10 лет на несколько сотен метров. А полная переполусовка может произойти уже в конце нынешнего столетия.

– И тогда погибнет большинство живых организмов, – утверждает заместитель директора Института физики Земли им. Шмидта Алексей Диденко. – Из-за "дрейфа" полюсов уменьшается магнитное поле, благодаря которому поверхность Земли защищена от смертоносного воздействия солнечной радиации".

Как можно не поверить? Какие титулы и организации! Значит, все верно, и скоро всему придет конец, даже если Иран не создаст свою атомную бомбу, а Бин-Ладен так и не осуществит угрозу уничтожить Америку? Зачем сегодня покупать новую квартиру, если завтра...

Спокойно, господа. Магнитные полюса Земли, в отличие от географических, никогда не стояли на одном месте. Магнитное поле нашей планеты создается движением раскаленных масс вещества в ядре, на глубине тысяч километров. Это раскаленное и частично ионизованное вещество (в основном, жидкое железо, как предполагают геофизики) вращается вокруг своей оси не за 24 часа, а чуть быстрее. В результате возникают индукционные электрические токи, а они, в свою очередь, порождают магнитное поле, силовые линии которого простираются до поверхности планеты и дальше в космос.

Вращается же расплавленное земное ядро неравномерно – жидкость все-таки. Потому и магнитные полюса "гуляют" по поверхности планеты. Первое точное измерение местоположения северного магнитного полюса было произведено в 1831 году, а 73 года спустя, когда провели новую серию измерений, оказалось, что полюс "уехал" на 50 километров.

Наши прадеды этого не почувствовали. Деды и отцы – тоже, хотя магнитные полюса и в XX веке на месте не стояли. И ничего – все мы живы. Величина магнитного поля действительно постоянно меняется, и многие люди на эти изменения реагируют состоянием своего здоровья. Виноваты в изменениях магнитного поля, однако, не путешествия полюсов, а вспышки на Солнце и порождаемые ими быстрые частицы.

Время от времени – примерно раз в миллион лет – магнитные полюса и вовсе меняются местами: северный становится южным, а южный северным. Почему это происходит, ученые еще точно не выяснили, предсказать, когда произойдет очередная "переполусовка", тоже никто не может, хотя в печати то и дело появляются сообщения: "Скоро (чуть ли в следующем месяце! – П.А.) полюса поменяются местами, и все живое погибнет, потому что без магнитного поля жизнь на Земле существовать не может!"

Верно – не может. Но "переполусовка" происходила уже множество раз, и ничего – животные и растения как-то эти периоды пережили. Динозавры, во всяком случае, погибли не из-за смены полюсов, и мамонты тоже не из-за этого вымерли. А обезьянам, от которых мы вроде бы происходим, все эти магнитные аномалии, похоже, вовсе оказались «по барабану».

Ну и замечательно. Если от изменений магнитного поля человечество в ближайшее время не вымрет, то нас ожидает...

* * *

Апокалипсис № 2. Пробуждение вулканов.

Об этом варианте конца света говорят реже, но если уж говорят, то пугают сильнее – трудно представить себе невидимое, хотя и всепроникающее, магнитное поле, а вот какой-нибудь вулкан, выбрасывающий в атмосферу миллионы тонн лавы и пепла, можно чуть ли не каждый день увидеть на телевизионном экране. Совсем недавно индонезийцы спасались бегством от вулкана Мерапи на острове Ява, а теперь представьте, что вдруг просыпаются одновременно если не все, то большая часть вулканов на планете, и что же

тогда начнется? Светопреставление, конечно. Тот самый Апокалипсис.

В прессе пишут, что у россиян наибольшие опасения вызывает Эльбрус, который, правда, спит уже 900 лет, но во время последнего извержения забросил кусок лавы размером около семи метров на расстояние 700 километров – в район нынешней Астрахани, где каждый желающий сам может полюбоваться на эту каменную "бомбу" и представить, что будет, если все вулканы планеты начнут "плевать" такими камешками.

Говорят, что 250 миллионов лет назад что-то такое уже было, лава затопила нынешнюю Сибирь, а вся атмосфера планеты была отравлена ядовитыми вулканическими газами. Погибло почти все живое. Так что если это сейчас повторится...

И вот читаю в газете: "Предупреждение о том, что недра снова могут подготовить столь жуткий сюрприз, высказал академик РАН Олег Богатиков. А за извержениями, по его словам, начнутся и наводнения – потоп. Словом, кто не задохнется, тот утонет".

Ну да – а кто не задохнется и не утонет, тот точно выживет.

Правда, есть одна немаловажная деталь. Предсказывать такие глобальные вулканические катастрофы современная геофизика не в состоянии, как и время смены магнитной полярности. Лет через сто миллионов нечто подобное действительно может произойти. Или через двадцать миллионов. Через тысячу лет – уже менее вероятно. А вот на следующей неделе или даже в следующем десятилетии – это вряд ли. Настолько вряд ли, что читателям "Вестей" беспокоиться точно не стоит.

Но ведь есть еще...

* * *

Апокалипсис № 3. Падение астероида.

О том, что на Землю вот-вот грохнется астероид, регулярно сообщают уже который год. Вот очередная информация к размышлению: "Астероид под номером 29075 диаметром 1100 метров может столкнуться с Землей. Об этом журналистам сообщил директор Института прикладной астрономии Российской Академии Наук Андрей Финкельштейн".

Информации этой, безусловно, надо верить. Следовательно...

Успокойтесь, господа. Во-первых, обратите внимание на слова "может столкнуться". Во-вторых, это возможное событие если и произойдет, то через 874 года. Так что можете в очередной раз успокоиться – никакая опасность нашей планете не грозит. Во-первых, потому что никто еще не научился (да и вряд ли это вообще возможно, поскольку орбиты малых небесных тел довольно нестабильны) точно рассчитать орбиту малой планеты на сотни лет вперед. Во-вторых, к тому времени люди придумают способ, как с подобными астероидами расправляться в случае реальной опасности.

Более того, такие методы разрабатываются уже сейчас. Методы эти дорогостоящие, в бюджетах научных институтов (тем более при нынешнем финансировании науки и тем более – в России) таких денег нет. Значит, нужно просить деньги из бюджета государства. А государство раскошеляться не торопится, есть много научных программ, на которые нужны деньги. "Чем ваша программа лучше?" – спрашивают чиновники. И слышат ответ: "Наша не лучше, но если нам не дадите денег, то упадет через год астероид, и тогда никому уже никакие деньги не помогут, так что давайте сейчас".

Науке нужно финансирование. Трудновато объяснять парламентариям, почему нужно выделить миллионы долларов на строительство огромных телескопов, чтобы изучать никому из чиновников не нужные галактики. А если сказать, что это – для борьбы с астероидной опасностью, тогда вероятность получить финансирование во много раз увеличивается. А потом, построив телескопы, можно действительно выделить некоторое

количество времени для поиска в космосе опасных астероидов, тем более, что программа изучения малых небесных тел всегда существовала – независимо от пресловутой астероидной опасности.

За миллиарды лет огромные космические глыбы падали на Землю тысячи раз. Только на суше сейчас известны 26 метеоритных кратеров с размерами более 300 километров! А более «мелких» следов падения гораздо больше. Обнаружить такие гигантские кратеры, кстати, очень трудно, поскольку за миллионы лет рельеф местности успел сгладиться.

Изучая космические фотографии провинции Квебек на востоке Канады, специалисты несколько лет назад обратили внимание на строение давно, кстати, известного кратера Маникуаган. То, что не замечалось, если стоять на его склонах, оказалось видно из космоса, с высоты трех сотен километров: Маникуаган очень похож на лунный или марсианский кратер – такая же практически правильная окружность, такие же пологие стенки изнутри, более крутые снаружи...

Вывод последовал незамедлительно: Маникуаган образовался в результате падения гигантского метеорита. Произошла эта катастрофа примерно 210 миллионов лет назад. Диаметр кратера – сто километров. Это значит, что взрыв при его образовании был в 40 миллионов раз более мощным, нежели взрыв атомной бомбы над Хиросимой в 1945 году. А размер упавшего "камешка" достигал пяти километров.

Следы этого падения удалось обнаружить не только в Канаде, но и в удаленной на тысячи километров Англии! Геологи из Абердинского университета, которые проводили свои изыскания на юго-западе Британских островов, недалеко от города Бристоль, утверждают, что обнаружили там фрагменты породы, разлетевшейся в разные стороны при взрыве, произошедшем во время падения канадского болида. Они сравнили химический состав пород на юго-западе Англии с составом пород в кратере Маникуаган и доказали их тождество. Примерно таким же образом Шерлок Холмс в свое время изобличал преступника, сравнивая состав почв на его башмаках с составом почв на месте преступления. Проверенный способ – и совершенно надежный.

По словам доктора Саймона Келли из Открытого университета города Милтон Кейнис (именно он определял возраст бристольских камней), это первое зарегистрированное материальное свидетельство столкновения Земли с астероидом.

То была ужасная катастрофа – канадский астероид был больше, чем тот, который уничтожил динозавров! Почему же, в таком случае, двести миллионов лет назад не погибла существовавшая тогда живность? Ведь и в те далекие годы уже были на Земле динозавры – но ту, первую катастрофу им почему-то удалось пережить.

Дело в том, – говорят ученые, – что канадский астероид был обычной скалой, просто камнем, свалившимся с неба – пусть и огромных размеров. А тот астероид, что упал в Аризоне 65 миллионов лет назад, содержал ядовитые соли, которые, испарившись при взрыве, отравили на долгие годы атмосферу нашей планеты. Динозавры, возможно, не погибли бы, будь состав Аризонского астероида немного иным.

Иными словами, от простых (пусть даже очень больших) небесных камней человечество, как и динозавры, не погибнет. Гигантские камни с неба много раз падали в прошлые годы и будут, конечно, падать еще не раз. К счастью – достаточно редко. Вы ведь спокойно летаете на самолетах и ездите на своих автомобилях, не говоря уж о том, что отправляетесь в круиз на лайнере или из Тель-Авива в Иерусалим – на поезде. Так вот, учтите, риск погибнуть в авто-, авиа- или любой иной подобной катастрофе, по всем оценкам, гораздо больше, чем риск окончить свои дни из-за падения на Землю большого или даже маленького астероида.

Правда, есть, говорят, еще возможность погибнуть от космической пыли...

* * *

Апокалипсис № 4. Космическая пыль.

Еще одна напасть, способная вызвать конец света на одной, отдельно взятой планете – это, оказывается, космическая пыль.

Цитирую: "Из другой галактики на нас может налететь огромная пылевая буря. И вот почему: раньше магнитное поле Солнца отталкивало космическую пыль прочь, служа надежным зонтиком для планет своей системы. Но внутри светила как будто сломался какой-то механизм, и теперь оно стало работать, как пылесос, притягивая к себе электрически заряженные частицы. Эта грязь валится с нарастающей силой. Так, по данным Европейского космического агентства (ESA), за четыре последних года пыли в окрестностях Солнечной системы стало втрое больше. Только в нашу атмосферу ее попадает до 40 тысяч тонн в год. И если пыль в итоге соберется у Солнца в очень плотное облако, то оно будет поглощать тепловое излучение, что, по словам научного сотрудника Астрономического института Льва Паньшина, Земле грозит новым ледниковым периодом".

Вот типичный образец "научной" информации, где правда так переплетена с измышлениями, что неподготовленный читатель все примет за чистую монету и, конечно, перепугается насмерть. Как же не испугаться, если "за четыре последних года пыли в окрестностях Солнечной системы стало втрое больше"? Подумать только, 40 тысяч тонн космической пыли в год! Какое огромное количество!

Оставляю на совести журналиста странное утверждение о том, что солнечное магнитное поле раньше отталкивало межзвездные пылинки, а теперь почему-то стало их притягивать. А вот о космической пыли поговорить действительно стоит – и вовсе не потому, что из-за нее нам всем грозит гибель.

В сентябре 2004 года в атмосферу Земли ворвался огромный болид величиной с пятиэтажный дом. Произошло это южнее Кейптауна, и в Южной Африке полет яркого метеора был виден лучше всего. Болид до Земли не долетел – как это часто бывает, он взорвался в атмосфере, распавшись на рой мельчайших пылинок (1000 тонн космической пыли!), которые и выпали на ледяной покров Антарктиды неподалеку от станции Дэвис.

Австралийские ученые, работой которых руководил Андрей Клекочук, собрали для исследований немного космической пыли, оставшейся от взорвавшегося метеора. Ожидалось, согласно многочисленным расчетам, что размер космических пылинок должен быть примерно равен миллионной доле миллиметра, на самом же деле пылинки оказались в тысячу раз больше.

– Мы думали, – говорит Клекочук, – что когда большие тела разрушаются в атмосфере, то от них остаются мельчайшие частицы, такие, как частицы дыма, но реальные наблюдения показали, что это совсем не так!

Какая, собственно, разница: миллионная доля миллиметра или тысячная? Пыль есть пыль. На самом деле разница принципиальная: частицы, обнаруженные в Антарктиде, оказались достаточно большими, чтобы влиять на погоду. Конечно, разрушение одного метеора, пусть даже и большого, не окажет на погоду (и тем более – на климат) существенного влияния. Однако, метеоров много, пусть и не таких больших. Возникает эффект накопления, причем – пока совершенно непредсказуемый. Эффект, о котором раньше ученые вообще не задумывались!

В зависимости от свойств пылинок климат на нашей планете может стать более теплым или более холодным. Дело в том, что пылинки частично рассеивают, а частично поглощают солнечный свет. Что больше – рассеяние света или поглощение – зависит от размеров пылинок и их химического состава. Если пылинки больше рассеивают свет, чем поглощают, то климат становится холоднее, потому что рассеянный пылинками

солнечный свет уходит за пределы атмосферы, в космос, и наша планета теряет тепло. А если пылинки больше поглощают, чем рассеивают, то на Земле становится теплее.

И еще: пыль образует в стратосфере большое облако, на котором начинают конденсироваться капли воды. Тогда возникают обычные водяные облака и тучи, проливающиеся дождем и, понятное дело, влияющие на погоду и климат.

Вернемся к оценке, упомянутой выше: ежегодно на нашу планету выпадает около 40 тысяч тонн космической пыли. В основном, эта пыль на Землю не оседает – остается в воздухе. В том числе, кстати, в воздухе вашей квартиры.

– Если вы проведете пальцем по стеклу в вашем окне, – говорит Клеочук, – то часть пыли, оставшейся на пальце, будет в действительности иметь космическое происхождение.

И еще больше метеорной пыли вы соберете тряпкой, когда будете проводить сухую уборку квартиры.

Влияние метеорной пыли на климат еще предстоит исследовать, это очень интересная научная задача. Только при чем здесь Апокалипсис? От космической пыли человечество тоже не погибнет.

Правда, есть еще одна напасть...

* * *

Апокалипсис № 5. Взрыв Сверхновой.

Цитата: "Космос грозит смертельным излучением – гамма-вспышками, как от взрыва термоядерных зарядов. Только несравненно мощнее".

Страшно? Успокойтесь. Да, космические гамма-вспышки – реальность. И они действительно гораздо мощнее, чем любой устроенный людьми термоядерный взрыв. Настолько мощнее, что и сравнивать нельзя: все равно, что взрыв вулкана Кракатау по сравнению с комариным укусом.

Значит, действительно нужно бояться гамма-лучевого Апокалипсиса? Не нужно, потому что гамма-вспышки происходят очень далеко от Солнечной системы.

Вспышки происходят по нескольким причинам. Одна из них: взрыв Сверхновой звезды. Другая: взрыв ядра далекой галактики. Третья: столкновение двух нейтронных звезд или двух черных дыр (или нейтронной звезды с черной дырой – выбирайте на свой вкус). Во время взрыва Сверхновой действительно выделяется столько энергии (и не только в виде смертельного гамма-излучения, есть еще всепроникающие потоки нейтрино, и обычная световая вспышка, и выброс быстрых частиц), что, окажись Земля поблизости от погибающей звезды, на расстоянии, скажем, нескольких световых месяцев, то от нашей планеты точно остались бы одни воспоминания.

Однако, на самом деле ближайшая из Сверхновых, наблюдавшихся в XX столетии, располагалась в Большом Магеллановом облаке, карликовой галактике, расстояние до которой 170 тысяч световых лет. Излучение этой вспышки дошло до нас ослабленным в миллиарды раз и, конечно же, не представляло ни малейшей опасности. Для астрономов это было событие, а «простой человек», читатель газет и зритель телепрограмм, об этой космической катастрофе и не узнал бы, если бы ему о ней не сообщили ("Какой ужас! Смертельная опасность для земной жизни!") вездесущие журналисты.

Самая близкая к Земле вспышка Сверхновой (из ныне известных) произошла почти тысячу лет назад – в 1054 году, и наблюдали ее китайские астрономы, а сейчас остаток взрыва можно увидеть на небе в телескопы, это знаменитая Крабовидная туманность. Красивое было зрелище, звезда-гостья (так китайцы называли подобные звезды) сияла на небе так ярко, что видна была даже днем.

Никто от этого зрелища, к счастью, не умер.

Однако, разве не могли быть в далеком прошлом и более близкие вспышки, действительно способные погубить на Земле все живое? Могли, конечно. Более того, существует гипотеза, что именно из-за взрыва близкой Сверхновой погибли в свое время динозавры (бедные ящеры – их могли погубить взрыв звезды, падение астероида, глобальное потепление, космическая пыль, но никто все еще не знает, от чего же они погибли на самом деле!).

А раз так, то... Цитата: "По мнению сотрудников Техасского университета Джона Укейло и Крейга Уилера, это космическое излучение могло губить обитателей Земли каждые пять миллионов лет. И как раз сейчас приближается срок очередного катаклизма. В этом случае небо заволочут бурые ядовитые облака, не пропускающие солнечный свет, а потоки жесткого ультрафиолета будут бомбить Землю. Чтобы засечь опасность, ученые запустили в космос гамма-телескоп".

Вообще-то гамма-телескоп запустили в космос совсем по другой причине. А фразу "как раз сейчас приближается срок очередного катаклизма" наверняка добавил журналист – не могли уважающие себя ученые сморозить подобную глупость. И о сроке в пять миллионов лет сказать не могли. А говорили они наверняка о тех действительно интересных задачах, которые можно будет решить с помощью запущенного в космос гамма-телескопа. Но разве "простого читателя" привлечешь скучными вещами вроде дискуссии между сторонниками локальной и космологической природы гамма-вспышек?

Даешь гамма-лучевой Апокалипсис! Читать об этом интересно. Только пугаться не надо.

Правда, есть иная опасность...

* * *

Апокалипсис № 6. Сверхвспышка на Солнце.

Цитата: "Еще меньший срок отпускают землянам астрономы из Йельского университета. Наблюдая за поведением солнцеподобных звезд, они пришли к выводу: на нашем светиле в середине XXI века может произойти сверхвспышка, в результате которой солнечный ветер превратится в радиоактивный шквал, несущийся по направлению к нам со скоростью 400 тысяч км в час. И будет огненный ад".

Дался журналистам этот огненный ад! Видимо, гибель в пламени "среднему читателю" представить (и следовательно, испугаться) легче, чем вообразить медленную смерть от космической пыли или гамма-излучения.

Солнечные вспышки – явление действительно очень интересное и на наше самочувствие, без сомнения, влияющее. Во время солнечных вспышек генерируются быстрые частицы, который летят во все стороны – в том числе, понятно, и к Земле. Здесь они захватываются магнитным полем планеты и своей энергией это поле искажают. Отсюда – магнитные бури и скверное самочувствие у хронических больных. Конечно, произойди на Солнце уж очень-очень яркая сверхвспышка, это может так повлиять на магнитное поле Земли, что мало не покажется. Вот только даже в этом случае огненный ад не возникнет – для этого Солнце должно взорваться целиком, как взрываются Сверхновые (см. Апокалипсис № 5), а это принципиально невозможно, слишком мала масса у нашего светила. Как Сверхновая Солнце не взорвется, а сверхвспышки, как бы сильны они ни были, причинят, конечно, немало неприятностей (тысячи людей действительно могут погибнуть от инфарктов или инсультов!), но до Апокалипсиса дело не дойдет.

Впрочем, и предсказать время солнечной сверхвспышки наука пока не в состоянии.

Почему "астрономы из Йельского университета" говорят о середине XXI века? Может, они обнаружили какую-то новую тенденцию, наблюдали, как на протяжении последнего века мощность вспышек на Солнце катастрофически увеличивалась?

Нет, такой тенденции не существует. Есть вспышки яркие, есть слабые – всякие.

В общем, и этот Апокалипсис можно считать отмененным еще до его наступления.

Правда, существует еще одна возможность погибнуть...

* * *

Апокалипсис № 7. Озоновая дыра.

Об озоновой дыре, обнаруженной над Антарктидой в 1992 году, много писали в девяностых годах прошлого века – растет, мол, и скоро все мы помрем от жесткой солнечной радиации. Разумеется, в появлении озоновой дыры ученые (некоторые!) обвиняли прогрессивное человечество, загрязняющее атмосферу вредными промышленными газами.

Но несколько лет назад дыра вдруг расти перестала. Более того, дыра начала "зарастать". Все вроде бы успокоились (относительно, конечно – окончательно успокоиться журналисты, пишущие о науке, читателю все равно не дадут). Наблюдая за тем, с какой скоростью уменьшалась озоновая дыра, ученые даже успели предсказать, что, если так будет продолжаться, то лет через 50 озоновый слой над планетой полностью восстановится, и никаких дыр не останется вовсе.

Но у природы в запасе есть еще множество загадок, одна из которых и проявила себя. Два года назад озоновая дыра все над той же Антарктидой неожиданно начала увеличиваться опять. Несколько недель ученые выжидали (вдруг дыра "передумает" и расти перестанет?), но потом все-таки сообщили беспокоящейся мировой общественности неприятную новость.

Правда, за прошедшие годы геофизики накопили достаточно наблюдательного материала не только для того, чтобы заставить человечество впасть в новую панику, но и для того, чтобы прийти к выводу, что паника эта безосновательна.

Да, – говорят ученые, – количество озона над Антарктидой уменьшилось, озоновая дыра увеличилась. Но многолетние наблюдения показывают, что происходит это в той или иной степени каждую зиму. Зимой в Антарктиде температура воздуха в нижней стратосфере опускается до 80 градусов по Цельсию ниже нуля, и на высоте около 10-20 километров возникает полярный вихрь. Вихрь порождает в стратосфере сильную облачность, и на поверхности этих облаков оседают соединения хлора.

Зима продолжается несколько месяцев, к наступлению весны в полярных вихрях и облаках накапливается большое количество хлора и других веществ, влияющих на образование озона. Когда в начале весны над Антарктидой восходит солнце, облака быстро распадаются, и образуются активные частицы хлора, из-за которых распад озона приобретает характер цепной реакции. Озоновая дыра начинает расти, а с какой скоростью – зависит от конкретных метеорологических условий, которые, конечно, от зимы к зиме могут сильно меняться.

Интересно, что об увеличении озоновой дыры журналисты исправно сообщают читателям, а когда озона становится больше, писать об этом "забывают". Забыли и на этот раз – когда в Антарктиде наступило лето, дыра расти перестала, а в научных новостях об этом, конечно, никто не сообщил...

Впрочем, что такое озоновая дыра по сравнению с гибелью от искусственного вируса?

* * *

Апокалипсис № 8. Искусственный вирус.

Цитата: "Гений современности, руководитель Департамента прикладной математики и теоретической физики Кембриджского университета Стивен Хокинг недавно выступил с очередным прогнозом на завтра для человечества. По его мнению, "мы сами полностью уничтожим себя из-за какой-нибудь катастрофы, к примеру, ядерной войны". Еще больше Хокинга тревожит биологическая угроза. Он считает, что случайно или намеренно мы можем создать вирус, который окажется смертоносным для всех землян.

– Ведь то, что сегодня происходит в генетических лабораториях различных стран, невозможно контролировать или регулировать, – возмущается физик. – Манипуляция же генами, которую сегодня пока проводят на растениях и животных – а скоро кто-то возьмется и за человека, – может породить генетическую "бомбу", способную за несколько лет уничтожить все живое".

Вообще-то Хокинг прав, и для того, чтобы это сказать, не нужно быть "гением современности". Фантасты предсказывали подобную возможность четверть века назад.

Пожалуй, среди всех перечисленных сценариев Апокалипсиса этот – самый реальный, поскольку зависит не от космических катастроф, а от самого человека. А уж что способен сотворить с самим собой человек – это нам всем известно не понаслышке.

* * *

Если так уж необходимо пугать читателей (зрителей, слушателей) научными новостями, то делать это надо с умом, продумывая последствия. Если пугать природными (в частности, космическими) катастрофами, то со временем читатель не только перестанет их бояться (время идет, а предсказанных катастроф нет как нет!), но перестанет и на новости науки обращать внимание – пишут, мол, всякое... А если пугать катастрофами, проистекающими из достижений самой науки (экологическая катастрофа, например), то надо и здесь сказать правду: не так уж сильна и могущественна наша современная цивилизация, чтобы оказывать существенное влияние на глобальные процессы – климатические, в частности.

Это, впрочем, уже другой миф и другая история...

И если вам завтра в программе новостей скажут, что "отравленный межзвездный газ грозит гибелью человечеству", – не верьте. Но послушайте (посмотрите, прочитайте), что вам расскажут после этого алармистского вступления. Наверняка это будет что-то очень интересное из области современной астрофизики.

И совсем не страшное!

Вит Ценёв

Бить или не бить?

Семинар воспитательного наказания

Меня часто спрашивают о том, можно ли применять физические наказания в

воспитательных целях. «Нас же лупили?», говорят. «Лупили». Драли как сидорову козу. И ничего. Выросли и поумнели. И даже благодарны. А сейчас психологи что говорят?!

Бить нельзя. Пороть нельзя. И что теперь? Он в аквариум клея налил, а я его за это – по головке погладить? Он из школы двойку принес, а я ему «чупа-чупс» за это должна купить? Надо пороть, мы так думаем, надо. А то вырастут дебилами, которые понимают только «лзя», а «нельзя» не понимают.

Хорошо. Я их собрал, кто думает, что «лзя» пороть, чтобы научить, как делать это наиболее правильным образом. Что-то вроде семинара. «Воспитательное наказание». Пришли. И отцы, и матери. Пришли, расселись по рядам. Я говорю (со сцены):

– Поднимите руку, у кого в семье трое и больше детей.

Никто не поднял.

– Поднимите руку, у кого в семье двое детей.

Две руки. А их человек четырнадцать, наверное. Тех, кто хочет научиться правильно пороть. Научно апробированным способом.

– Поднимите руку, у кого в семье один ребенок?

У большинства. Тут я говорю им – спасибо, сограждане! – и прошу кого-нибудь подняться на сцену. Поднимается Дунька Водокачкина.

– Меня отец, если что не так, велосипедным насосом лупил, – говорит. – Очень, знаете ли, от всякого нехорошего отучивало. И я ему за это по гроб жизни благодарна.

Все заплодировали. Я дождался, пока зал утихнет, и приступил к объяснениям. Что есть ведь такое простое понятие, как «кнул и пряник». Иногда пряником надежнее. А иногда кнутом. И в качестве примера Дуньке Водокачкиной – бац! – затрещину.

– Вот так, – говорю, – вполне можно. Психология, граждане, разрешает, и ничего страшного с вашими детьми не будет, а урок они усвоят надолго.

Дунька побагровела, но молчит. Тогда я ей еще – бац! – пинка по заднице. И комментирую:

– А вот так, дорогие мои, лучше не надо, потому что психология этого не одобряет. И следует ограничить свои воспитательные...

Но тут Водокачкина меня перебивает, завопив на весь зал:

– Вы что это себе позволяете?

Мои слушатели вскочили, удивленные. То на Дуньку смотрят, то на меня. То на Дуньку, то на меня. Округлившимися глазами.

– Вот тебе раз! – тоже удивился я. – Мы же тут собрались обсуждать что? Педагогику битья. Я должен показать, проиллюстрировать.

Дунька пыхтит, глазами сверкает.

– Так что, вас, значит, нельзя, да? – спрашиваю Дуньку.

– Я взрослая уже, – огрызается Дунька.

– А детей, значит, можно, потому что они дети, так что ли?

Вскочил какой-то мужик и закричал:

– Так что, нельзя что ли и детей бить, вы это нам хотите сказать?

– Нет, – отвечаю я, – я хочу понять, почему мне нельзя бить вас. С педагогической целью. Вы кем работаете, простите?

– Бухгалтером, – отвечает мужик.

– А если отчет бухгалтерский вовремя не сдадите? Что тогда с вами делать? Может, выпороть? Или велосипедным насосом по хребту?

– Но мы же не дети, черт возьми! – орет мужик. – Мы взрослые люди!

– Так и что? Ребенок принес двойку из школы, и вы его насосом или затрещину.

Предполагая, что это поможет ему лучше учиться. Так может и вас следует насосом иногда? Или затрещину? Определенно должно помочь вам выполнять свою работу своевременно. Разве нет?

– Так бы и сказали сразу, что нельзя, – рычит мужик. – И не надо было ее (кивает на Дуньку) по голове трескать.

– Ну, почему же нельзя? – пожимаю я плечами. – Иногда, наверное, можно.

Зал облегченно вздохнул.

– Осталось только определить, в каких случаях нельзя, и в каких других случаях – можно. Но для этого вы должны понять смысл физического наказания как такового. Зачем оно? Какой смысл в том, чтобы причинить другому человеку физическую боль?

– Чтобы он так больше никогда не делал! Никогда! – выкрикнула женщина из зала.

– Тепло. Почти горячо. Если ваш ребенок пытается засунуть в розетку шпильку для волос, то подзатыльник поможет ему отказаться от этой затеи.

Иначе говоря, физические наказания призваны исключить вредное, и, тем более, опасное для жизни поведение. Парадоксально, но таким образом родители защищают свое потомство. Это важнейшая функция физического наказания. А что еще?

– Меня отец за колы бил, – вздохнула Дунька. – Чтобы лучше училась.

– А меня за жвачку «Турбо», – сказал кто-то из зала. – Украл у бархольщицы целый блок.

– Меня тоже за двойки. И когда плохо ел еще, тоже...

– А я кошке нашей «бээфом» хвост приклеила к полу.

Зал засмеялся. Я подошел к доске и написал:

Желаемое и нежелательное

– Желаемое и нежелательное? – воскликнул мужчина. – В каком смысле?

– Сейчас поясню. Но все очень просто. Очень-очень просто.

Если вы хотите, чтобы ребенок что-то **делал**, физические наказания исключены.

Если вы хотите, чтобы ребенок чего-то **не делал**, физические наказания не исключены.

Встаньте, пожалуйста, те, кто наказывает своего ребенка за плохие отметки в школе.

Поднялись несколько человек.

– Вы идиоты! – сказал я, после чего поднявшиеся возмущенно засопели. – Как можно научить ребенка **не получать** плохих отметок с помощью кулаков?

Можно научить ребенка **получать хорошие оценки**. И если вы хотите, чтобы он их получал, то физические наказания исключены. Садитесь (это я тем, кто в зале).

Повторяю еще раз.

Если вы хотите, чтобы ребенок что-то **делал**, физические наказания исключены.

Если вы хотите, чтобы ребенок чего-то **не делал**, физические наказания не исключены.

А теперь ответьте на вопрос. Если ребенок не хочет есть – стоит ли для профилактики врезать ему черпаком по лбу?

– Получается, что нет, – ответил мужчина, почесав затылок.

– Получается, что нет, – эхом отозвалась Дунька Водокачкина.

– Хорошо. А если плохо сделал уроки?

– Нет.

– Нет.

– Нет!

– Хорошо. Я думаю, что теперь вы поняли. Физическое наказание имеет функцию **запрета**. Не делай этого, потому что не делай этого. И точка.

Если же вы хотите, чтобы ребенок что-то **делал**, физические наказания не только совершенно бессмысленны, но и вредны. Понятно?!

– Понятно! – хором ответила довольная аудитория, и разошлась. Но через минуту в аудиторию вернулась... Дунька Водокачкина, и с порога выпалила.

– А почему вы в самом начале спрашивали, у кого сколько детей?! Какое это имеет отношение к вашей теме?

– Это очень просто, – отвечаю я. – Раньше в семьях было много детей. Если не

ошибаюсь, то в России начала XX века в семье было в среднем 13 детей.

– И что?

– А то, что когда кто-то из детей провинился, и его наказывают, остальные извлекают из этого важный **урок**. На примере своего брата (сестры) они понимают, что так, как сделал он, делать нельзя.

Иными словами, воспитательный смысл наказания был адресован не столько провинившемуся отроку, сколько его собратьям.

Ту же самую цель преследовали публичные порки (или казни): «не делайте так, сограждане, а иначе и вас постигнет та же участь».

Но сегодня, когда в семье, как правило, один ребенок, физическое наказание перестало быть назидательным.

Раньше, когда родитель бил ребенка, он преподносил урок остальным.

Сегодня, когда родитель бьет ребенка, он бьет ребенка, и только. Ничего воспитательного или назидательного в этом больше нет.

Владимир Юровицкий

Атомное тепло России

Существующая ядерная энергетика — величайшая инженерная ошибка в истории человечества

Так считают сотни миллионов людей во всем мире. Причем самые образованные, цвет современной цивилизации — немцы, швейцарцы, австрийцы, шведы и многие другие. И высокомерное пренебрежение ученых этим мнением вряд ли делает им честь. У ученых есть рассудок. А у миллионов — чутье. И чутье миллионов бывает часто глубже и вернее разума ученых.

Достоинства ядерного топлива

1. Высочайшая энергоемкость, превышающая энергоемкость химического топлива в тысячи раз.
2. Отсутствие потребности в атмосферном воздухе.

Недостатки ядерного топлива

1. Потенциальная возможность аварии с самыми катастрофическими последствиями глобального характера.
2. Опасные отходы, сохраняющие это свойство в течение сотен и тысяч лет.
3. Сложность ликвидации ядерного энергетического объекта.
4. Ядерная энергетика как источник распространения ядерного оружия.
5. Доступность для терроризма и шантажа с катастрофическими последствиями.

Первое показал Чернобыль. Но он показал это отнюдь не в полной мере. Представим, что такая авария произошла в Европе. Кто бы пошел ее ликвидировать, кто из европейцев пошел бы на крышу сбрасывать осколки графита, кто из них полетел бы на вертолете сбрасывать песок в жерло реактора? Я лично даже не представляю, как бы смогли европейцы справиться с этой аварией. Только мужество и самоотверженность советских людей, отдававших собственные жизни и здоровье, смогли укротить Чернобыль.

Но если бы над АЭС был бетонный колпак, то наступил бы полный апокалипсис. Ведь тогда вообще было бы непонятно, как заглушить реактор. Реакция развивалась бы до момента, пока давление и температура не взорвали бы колпак изнутри, и что было бы дальше — даже трудно представить.

Все уверения об абсолютной безопасности нынешней ядерной энергетики можно принять на веру. Но ведь существуют вещи невероятные. И если результатом этой “невероятности” может стать радиационное заражение континентов, гибель или заболевание десятков и сотен миллионов людей, то надо и ее учитывать и не принимать решения, где такая “невероятность” присутствует, как это сделали миллионы европейцев.

Современная ядерная энергетика

Современная ядерная энергетика пошла по пути механического использования пароводяного цикла и конструкции тепловой (угольной) электростанции, в которой угольная топка лишь заменена ядерной.

Образно говоря, газифицировали сельские дома, вставив газовую горелку в русскую печь.

Это величайшая инженерная ошибка. Ведь ни одно из преимуществ ядерного топлива не использовано, ни один недостаток не нейтрализован. Любую АЭС можно легко заменить на ТЭЦ и наоборот.

Единственное, пожалуй, исключение — это атомные подводные лодки, в которых ядерный реактор дал принципиально новое качество.

К тому же и сама АЭС получилась низкокачественной, с низким КПД, так как характеристики ядерного топлива и ядерного реактора, в отличие от угля и угольной топки, плохо сопрягаются с пароводяным термодинамическим циклом.

Концепция безопасной ядерной энергетики

Представим себе, что из земли выходит конец трубы, из которой истекает пар. Этот пар можно направить либо на турбину, либо прямо подавать в дома для отопления.

Сам пар — рабочее тело — создается на глубине под землей с помощью ядерного реактора. Другими словами, имеем искусственный гейзер, создаваемый с помощью атомной энергии. А использование рабочего тела происходит уже на поверхности земли. Таким образом, безопасная ядерная энергетика есть смешанная подземно-наземная энергетика. Создающий наибольшую опасность ядерный реактор — генератор рабочего тела — под землей, на безопасной глубине, устройства использования рабочего тела, не создающие опасности — на поверхности земли.

С поверхности к ядерному реактору ведет только шахта лифта, которая находится постоянно под замком, так как в нормальном режиме под землей нет обслуживающего персонала. Опасность терроризма, а также военного нападения полностью исключается.

Этим полностью используются достоинства ядерного топлива — отсутствие потребности в атмосферном воздухе и малая потребность в топливе. Ведь доставить на глубину раз в два-три года сборку ТВЭЛов совсем не то же, что доставлять туда ежедневно эшелоны с углем, если бы мы на его месте разместили угольную топку.

Ядерный реактор чрезвычайно компактное устройство. И это также благоприятствует размещению его под землей.

Но разместив ядерный реактор под землей, мы этим самым включили новый физический фактор — гравитацию. И новый принципиальный момент состоит в том, чтобы сделать этот фактор технологическим. Другими словами, размещать ядерный реактор не просто на безопасной, а на **технологической** глубине, определяемой требуемыми характеристиками пара. Вместо ненадежного механического насоса, являющегося источником движения рабочего вещества в реакторе, использовать

абсолютно надежную гравитационную силу, отказ которой невозможен.

Итак, две главные сущности безопасной ядерной энергетики:

1. Разделение устройств создания рабочего тела и его использования по глубине.
2. Размещение ядерного реактора на технологической глубине, обеспечивающей получение рабочего тела с требуемыми характеристиками.

Подземный ядерный реактор

Подземный ядерный реактор— устройство гораздо более простое и дешевое, чем наземный. В земле делается полость, которая футеруется слоем бетона. В сравнительно рыхлых породах толщина его может составлять, к примеру, метр, в скальных — порядка двадцати сантиметров. Внутри эта полость облицовывается металлом, который несет не силовую, а лишь изоляционную нагрузку. Толщина его может составлять 5-10 миллиметров, а не десятки сантиметров, как в наземных. Сверху эта полость закрывается крышкой, к которой прикреплены тепловыделяющие элементы и стержни управления.

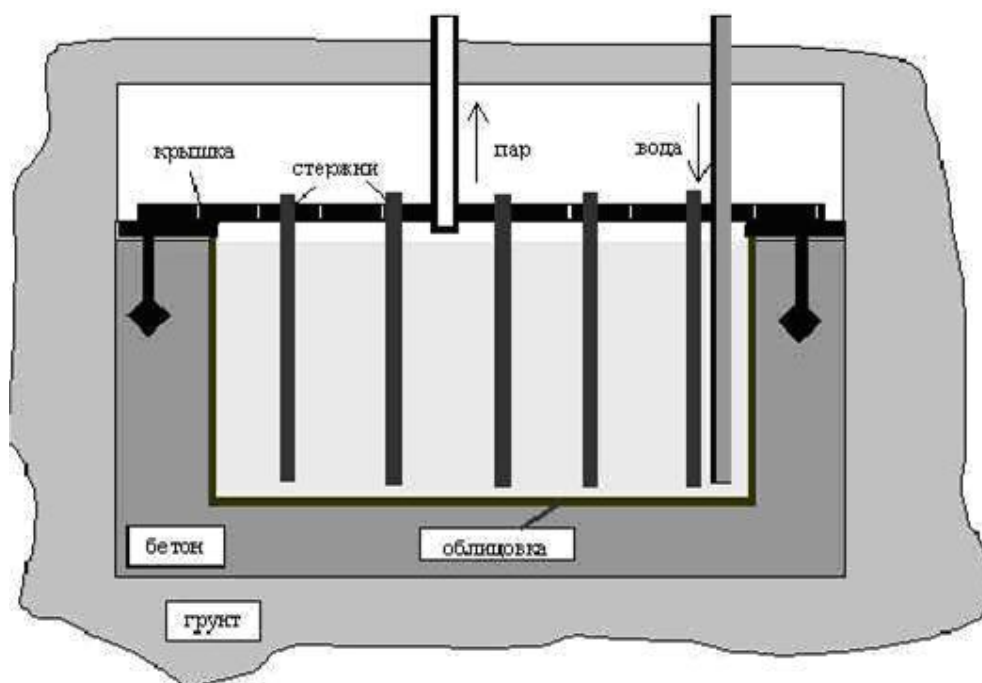

Рис.1 Схема подземного ядерного реактора

Легко видно, насколько удешевляется сама конструкция реактора. Вместо толстостенного металлического корпуса используется лишь металлическая облицовка. А силовым элементом становится более дешевый бетон и грунт. Заводское производство ядерных реакторов заменяется их изготовлением прямо на месте под землей. Размеры ядерного реактора и его конфигурация могут быть любыми.

Гидравлическая система подземно-наземной атомной станции

Гидравлическая система двухконтурной подземно-наземной атомной станции показана на рисунке 2.

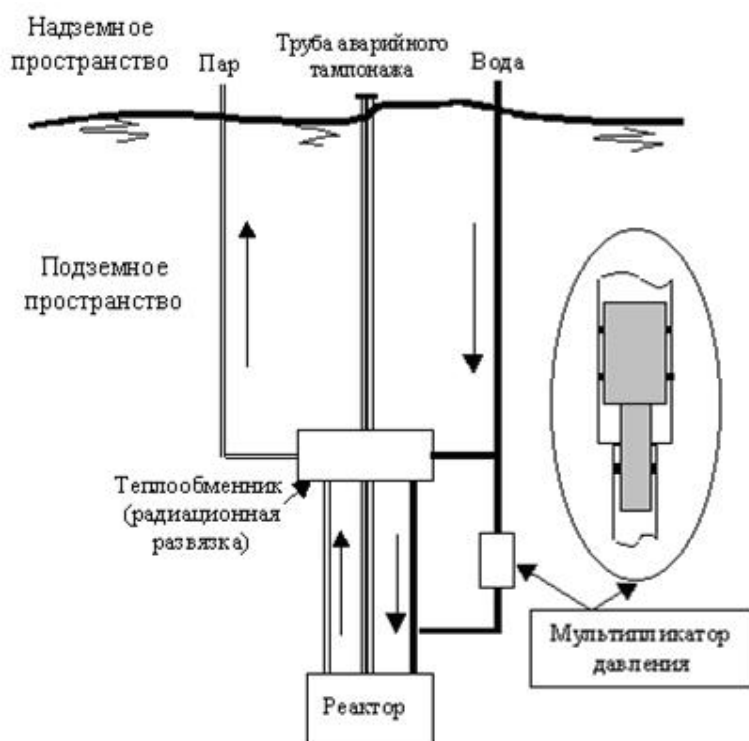

Рис.2. Гидравлическая схема подземно-наземной атомной станции

С целью радиационной развязки используется промежуточный теплообменник. Именно его глубина размещения и определяет параметры пара на выходе. Вода поступает с поверхности самотеком, преобразуется в рабочее вещество и по вертикальному каналу выходит на поверхность для полезного использования. Использованная вода в замкнутом контуре водоснабжения вновь поступает самотеком в теплообменник. Однако может использоваться и разомкнутый контур водоснабжения. Тогда конденсат, представляющий собой пресную воду, используется на цели водоснабжения, например, на жилищно-коммунальные нужды, для орошения или на технические цели. А вода, как правило, минерализованная, поступает из внешних источников — моря или из подземных источников. Теплообменник в этом случае конструируется как опреснитель, а атомная станция становится источником пресной воды.

В первом контуре может циркулировать вода или иной теплоноситель. Поддержание давления в этом контуре также осуществляется столбом жидкости через мультипликатор давления. В принципе, рабочее вещество в первом контуре может быть любым. Высота первого контура может составлять несколько десятков метров.

Мы видим, что в гидравлической системе нет ни одного механического устройства, так что система обладает высшей степенью надежности. В ней просто нечему ломаться. Но на случай катастрофы имеется специальная труба аварийного тампонажа, через которую можно осуществить заливку аварийного ядерного реактора специальными смесями, в каком-то состоянии ядерный реактор может находиться в течение сотен и может тысяч лет без опасности для окружающей среды. В любом случае, выброс радиоактивных веществ на поверхность исключается.

Атомная станция теплоснабжения (АСТ)

Наиболее простой вариант использования ядерной энергии есть использование ее для целей теплоснабжения в виде атомной станции теплоснабжения (АСТ). Для этих целей вполне достаточен пар давлением 10-20 атмосфер. Это соответствует глубине размещения порядка 100-200 метров, т.е. на так называемых “метростроевских” глубинах, работа на которых хорошо освоена. Сам реактор может размещаться в центре города, что резко сокращает теплотрассу и уменьшает теплопотери. Для этой цели вполне могут использоваться ядерные реакторы атомных подводных лодок. С помощью такого реактора можно обогреть город с числом жителей 100-200 тысяч жителей. Реакторы хорошо разработаны и надежны, что показала авария на АПЛ “Курск”. Использование АСТ позволит решить проблему тепла в северных, сибирских и иных городах России кардинально, раз и навсегда. Для северных территорий России это сыграло бы просто неоценимую роль. Дешевое тепло позволило бы, фактически, решить проблему комфортной жизни на северах, создать, например, целые парки под крышей. А пока мы видим, как трудно решается проблема тепла на Севере. Потребность в таких установках можно оценить только для России в несколько сотен единиц. Должна быть принята государственная программа “Атомное тепло России” на двадцать лет с целью обеспечить все российские города, в первую очередь северные, атомным теплом.

Для тех, кого пугает возможность размещения ядерного реактора под центром города, заметим, что в самой Москве, в самых густонаселенных районах работают ядерные реакторы (в ИАЭ им.Курчатова на Соколе, в МИФИ на Каширке и др.). Так почему мы должны бояться размещения ядерного реактора на глубине двести или тысячу метров под Москвой? Москва должна быть со временем переведена на атомное тепло. Возможно, потребуются построить около десятка МАСТ (Московских атомных станций теплоснабжения), размещаемых на глубинах ниже метро и связанных им друг с другом.

Атомная станция электроснабжения (АСЭ)

Для получения электроэнергии пар направляется на паровую турбину. Для экономичности АСЭ желательно иметь уже большие глубины размещения ядерного реактора, порядка 1-4 тысячи метров. Это уже шахтные глубины. На таких глубинах добывают уголь, алмазы и другие полезные ископаемые.

Отметим, что в АСЭ условия для работы паровых турбин резко улучшаются. Дело в том, что в настоящее время в атомной энергетике используются менее эффективные турбины влажного пара. В вертикальном канале АСЭ будет происходить осушение пара за счет проскальзывания частичек воды, и на выходе будем иметь сухой, а при определенных конфигурационных воздействиях даже перегретый пар. Таким образом, экономичность подземно-наземной АСЭ может быть даже выше наземных АЭС.

Для размещения АСЭ, по-видимому, можно будет использовать шахтные выработки с почти готовой подземной инфраструктурой.

Атомная станция водоснабжения (АСВ)

В подземно-наземной энергетике используются не сложные паровые котлы перегретого пара, а установки насыщенного пара (попросту, кипятильники), что позволяет легко использовать минерализованные воды во втором контуре, превращая установку в атомную станцию водоснабжения (АСВ). Для АСВ можно использовать совсем малые глубины — порядка десятков метров. Естественно, что должна осуществляться утилизация энергии пара, например, путем выработки электроэнергии на турбинах низкого давления. Причем для целей АСВ чем ниже энергетическое КПД станции, тем лучше.

Использование АСВ позволит решать проблемы орошения земель. Более того, в будущем именно использование атомного водоснабжения станет главным средством

решения проблемы водоснабжения в засушливых странах, а для Средней Азии позволит решить проблему Аральского моря.

Атомная станция нейтронов (АСН)

АСН есть атомная станция, в которой главным продуктом являются нейтронные потоки. Это может быть исследовательская атомная станция, либо станция для использования нейтронных потоков (или вторичных излучений) с производственными целями. Ее схема остается той же самой, глубина расположения выбирается из условий безопасности.

Преимущество подземного размещения ядерного реактора, кроме безопасности, состоит в том, что он строится прямо по месту и может иметь любую желаемую конфигурацию — прямоугольную, шарообразную, вертикальную цилиндрическую, плоскую, коническую, треугольную и любую иную в зависимости от требуемого нейтронного поля. Ведь проблема прочности решается совсем по иному. Он равно доступен с трех сторон для вывода нейтронных потоков. Думается, что роль АСН будет в будущем возрастать, так как нейтронные (или иные радиационные) воздействия будут все больше использоваться в промышленности и науке. Сейчас использование нейтронных воздействий сдерживается их труднодоступностью. Ведь исследовательские реакторы зачастую маломощны и нацелены на научные исследования, а к крупным реакторам электростанций широкий допуск невозможен ввиду их высокой опасности и по соображениям антитеррористической защиты. А подземная нейтронная станция откроет широкий доступ к мощным нейтронным потокам всех потребителей, которые в них нуждаются. А для слабых радиационных воздействий можно использовать радиоактивные отходы атомных станций.

Комплексные атомные станции

Естественно, что кроме специализированных возможны и комплексные установки — АСТЭ, АСВЭ, АСТВ и АСТВЭ. Можно их все комплексировать также с АСН. И здесь глубина размещения выбирается из компромисса требований. В комплексных установках возможно наиболее эффективное использование ядерной энергии, и даже низкий энергетический КПД таких установок становится вовсе не пороком, а в некоторых случаях даже достоинством.

Проблема радиоактивных отходов

Проблема радиоактивных отходов находит простое решение в системе подземно-наземной энергетики. Они могут храниться прямо возле станции в подземных штреках, которые создаются по мере накопления отходов. Важно отметить, что это не могильники, не свалки, а производственные цеха при атомной станции, которая может функционировать сотни и тысячи лет, и все это время отходы будут храниться под наблюдением. Можно надеяться, что через сотни лет найдут и другое решение этой проблемы. Более того, эти отходы есть источник ценного физического воздействия — радиоактивного и могут стать подсобными производствами при атомной станции, например, по стерилизации продуктов, материалов и т.д. При крупных станциях возможно создание установок по регенерации топливных элементов. Этим самым резко сокращаются перевозки радиоактивных материалов.

Постепенно все работы с радиоактивными материалами или большая их часть будет переноситься под землю в окрестности атомных станций, очищая поверхность земли от радиоактивных воздействий.

Ликвидация атомных станций

Ликвидация современных атомных станций — это та головная боль, которая уже нависает над атомщиками. По подсчетам их ликвидация может стоить больше, чем само строительство.

Подземно-наземные атомные станции рассчитаны на работу не на десятки, а на сотни и даже тысячи лет, аналогично тому, как на неограниченный срок службы рассчитан, к примеру, городской метрополитен. Ведь с самой подземной инфраструктурой ничего не может произойти, она изнашивается, но может ремонтироваться. Могут меняться части реактора и других устройств. Но вся подземная инфраструктура, фактически, вечна.

Иногда может возникнуть проблема ликвидации атомной станции. Решается она просто. Радиоактивные помещения и сам реактор просто тампонируются — заполняются или заливаются специальными материалами. В таком виде они могут находиться сотни и тысячи лет.

Проблемы нераспространения ядерного оружия

Мирная атомная энергетика стала источником распространения ядерного оружия. Но подземно-наземная ядерная энергетика решает проблему нераспространения наиболее эффективно. Так как реактор может работать в безлюдном режиме с управлением с поверхности, то в договоре на строительство атомной станции оговаривается работа реактора под замком. Лишь на смену топлива приезжают представители МАГАТЭ, под наблюдением которых производится замена топлива, старые топливные элементы вывозятся, а реактор снова закрывается на замок. Этим самым полностью исключается возможность создания ядерного оружия на базе атомной станции и использования для этих целей извлекаемых расщепляющихся материалов.

Экологические проблемы ядерной энергетики

Подземно-наземные атомные станции не дают загрязнения поверхности земли и атмосферы, не оказывают радиационного и теплового воздействия. Возможное радиационное загрязнение подземного пространства в любом случае гораздо менее опасно, чем загрязнение поверхности земли и может быть легко сведено до самого безвредного уровня. Именно подземно-наземная ядерная энергетика есть путь резкого улучшения экологии в России.

Более того, она будет способствовать улучшению экологии и косвенным образом. Мы имеем в окрестности реактора большое трехмерное подземное пространство с дешевой энергией и хорошими коммуникациями и транспортной связью с поверхностью. И постепенно под землю, по соседству с атомной станцией будут перемещаться с поверхности земли различные вредные производства, что также будет способствовать улучшению экологии.

Создание кругооборота минеральных ресурсов

АСВ могут использовать подземные источники воды. Соответственно в окрестности водозабора АСВ создается воронка депрессии давления, благодаря которой подземные воды движутся к водозабору. Можно на периферию этой воронки депрессии закачивать сточные воды, которые будут двигаться контролируемым образом к водозабору, по пути фильтруясь и очищаясь, а через кипячение полностью доводясь до кондиций чистой воды. При этом можно иметь разные точки закачки сточных вод в зависимости от их характера. Например, в одну точку закачивать сточные воды с тяжелыми металлами, в другую — с другими загрязнителями. При этом будет происходить концентрация загрязняющих материалов, фактически, создаваться искусственные месторождения, которые в дальнейшем смогут разрабатывать будущие поколения.

В настоящее время человек ведет хищническое истребление минеральных ресурсов

Земли. Разрабатываются месторождения, полезные элементы концентрируются, используются, а затем рассеиваются по всей земле хаотичным образом. Атомная энергетика позволит создать кругооборот минеральных ресурсов. Для этого отработанные материалы растворяют, разбавляют и закачивают в воронку депрессии, создавая при этом вторичные месторождения для потомков.

Экономика подземно-наземной ядерной энергетике

Подземно-наземная ядерная энергетика дает кратное удешевление ее продуктов.

1. Стоимость реактора снижается в несколько раз ввиду замены дорогостоящего металлического силового корпуса тонкостенной металлической и бетонной облицовкой. Строительство и сборка реактора по месту будет гораздо дешевле, чем изготовление его в заводских условиях, перевозка и монтаж. Ядерный реактор также удешевляется за счет упрощения функции — это не паровой котел перегретого пара, что сильно усложняет конструкцию ТВЭЛОВ, так как заставляет рассчитывать на работу в нескольких фазовых средах, а кипятильник, в котором ТВЭЛЫ рассчитываются на работу в одной фазе — водной. Эксплуатационные затраты вообще почти нулевые за исключением затрат по периодической смене топлива.

2. В случае использования реактора в системе АСЭ стоимость наземных сооружений снижается в десять и более раз. Нет нужды в бетонном колпаке, нет нужды в специальных средствах безопасности, нет необходимости строить специальные городки с особой системой допуска, нет необходимости выделять охранные зоны, нет необходимости в высокой оплате труда работников с учетом ответственности и опасности работы.

Производимая энергии станет на порядок дешевле, чем на химических электростанциях.

3. В случае АСТ размещение ее под центром населенного пункта резко снижает теплопотери и длину теплосетей. Тепло будет уже дешевле на два порядка по сравнению с производством его из химического топлива, причем абсолютно экологически чистое.

4. Использование ядерной энергии в АСВ почти не имеет аналога в современной технике. В настоящее время имеется лишь считанное количество атомных опреснителей, и надеяться на массовое их строительство в существующем виде просто не приходится. А АСВ могут стать одним из самых массовых применений атомной энергии, особенно в южных регионах Земли ввиду дешевизны получаемой пресной воды, которая будет конкурентоспособна даже с переброской ее по каналам.

5. Главными затратами в подземно-наземной энергетике будут начальные затраты на горные работы. Но эти затраты более чем умеренны и даже не могут сравниться с затратами при строительстве гидростанций. Действительно, объем самого помещения для ядерного реактора порядка 1000 кубометров. Плюс подсобные помещения, считаем 10 тысяч. Это примерно одна десятая объема станции метрополитена. Остается шахтный ствол. Для АСЭ эта стоимость существенна, но для АСТ и АСВ шахтный ствол в сто-двести метров весьма небольшая затрата. Паро- и водопроводы создаются средствами буровых технологий, стоимость их будет вообще ничтожной.

6. Эксплуатационные затраты становятся малыми и сводятся практически только к стоимости замены топлива.

Все сказанное выше говорит о совершенно уникальной дешевизне подземно-наземной атомной энергетике.

Историческая ответственность за ложное развитие в области ядерной энергии

Первую атомную бомбу создали Соединенные Штаты Америки и несут историческую ответственность за военное использование атомной энергии, за Хиросиму, за испытательные взрывы, за расползание ядерного оружия по всему миру.

СССР создал первую атомную электростанцию, направив этим самым развитие мирной

атомной энергетики по ложному и опасному пути, результатом которого стал Чернобыль. На СССР и его правопреемнике России лежит историческая ответственность за этот ложный и опасный путь мирного использования ядерной энергии. И эта ответственность может быть снята, если именно Россия направит ядерную энергетику по безопасному пути.

Развития в России безопасной атомной энергетики и атомного энергостроения

Российская атомная энергетика и атомное энергостроение в глубоком кризисе. После Чернобыля у населения России сформировалось неприятие ядерной энергии. И эта отрасль промышленности находится в кризисе, за последние десять лет не введено в строй ни одной АЭС.

Атомные власти России не должны пытаться насильно навязать народу России атомную энергию. Ничего хорошего из этого не выйдет.

А надо честно сказать народу России, что именно он прав, а не ученые-атомщики и атомные власти. И полностью прекратить строительство наземных атомных станций.

Нужно направить все силы на строительство подземных атомных станций теплоснабжения и прежде всего в городах Севера, Сибири и Дальнего Востока, для которых проблема теплоснабжения становится самой острой проблемой, буквально проблемой физического выживания людей. Для этого у России есть великолепный потенциал. Можно использовать уже имеющиеся реакторы для АПЛ. Потребность в АСТ составляет несколько сот единиц, и должна быть сформулирована государственная двадцатилетняя программа “Атомное тепло России” по переводу большей части городов страны на атомное тепло.

Эта программа даст экономию средств и химических энергоресурсов, которые можно направить на выработку электроэнергии и на экспорт.

Лишь на втором этапе можно будет перейти к строительству АСЭ и АСВ.

Одновременно можно было бы начать экспорт атомных станций и технических решений, полученных при их строительстве. Мировая потребность в таких станциях практически неограниченна, и здесь мог бы появиться шанс для России занять в этой области лидирующие мировые позиции.

Но первое и неотложное — патентование.

История развития идей подземной атомной энергетики

Идеи подземной атомной энергетики имеют длительную историю. Самые первые ядерные реакторы в СССР размещались и до сих пор работают под землей (в Красноярске и возможно в других атомных центрах).

В некоторых странах, например, в Норвегии, были построены подземные атомные электростанции.

Горячим приверженцем подземной ядерной энергетики был академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

При создании советских ядерных реакторов для подводных лодок специалисты уже тогда высказывали предложения о размещении этих реакторов под землей для целей энергетики.

Однако, эти идеи до сих пор не нашли своего развития ввиду дороговизны подземных атомных станций.

Автор впервые высказал идею подземной атомной энергетики в 1979 году, и тогда же им была направлена заявка на изобретение. В ней и была сформулирована концепция подземно-наземной ядерной энергетики.

По этому вопросу в начале восьмидесятых годов автор имел научные контакты с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, и в своем обращении к Президенту АН СССР

Г.И.Марчуку после чернобыльской катастрофы с предложением развивать подземную атомную энергетику А.Д.Сахаров ссылаясь на мои работы. Отметим, что в первых своих работах А.Д.Сахаров говорил о подземных атомных электростанциях, но в последней своей работе по атомной энергетике, опубликованной незадолго до смерти в журнале “Искусство кино”, он перенес акцент на подземные ядерные реакторы.

В 1987 году автором была опубликована на тему ядерной энергетики статья в журнале “Изобретатель и рационализатор”. Но делопроизводство по заявке автором было прекращено в связи с некоторыми жизненными обстоятельствами. После Чернобыля автор обращался с предложениями в Минатом и ГКНТ, но проявленный в первое время после Чернобыля интерес быстро угас.

В дальнейшем эти разработки были размещены автором в интернете на сайте www.yur.ru.

Атомное тепло России

Россия — северная, холодная страна. Нигде в мире не живет в таких северных условиях такое количество людей, нигде нет большей части страны в таких северных и холодных условиях. И тепло есть главная проблема России, самый ценный для нее продукт.

В свое время существовала даже партия “Субтропическая Россия”, которая ставила своей целью создать в России субтропики. Конечно, это была “прикольная партия”. Но сама мечта об обеспечении России теплом вовсе не шуточна.

И именно атомное тепло сможет решить ту задачу, которую ставила себе “Субтропическая Россия”. Ведь обеспечение северных городов России дешевым атомным теплом меняет все. Создает комфортные условия жизни даже в самых суровых условиях, дает возможность круглогодично обеспечить овощами и тропическими фруктами население севера, дает возможность общаться с цветущей флорой в самые трескучие морозы путем создания оранжерей и теплиц. Так, как это имеет место в суровой и безлесной Исландии, которая в изобилии обеспечена дешевым теплом подземных недр.

Программа “Атомное тепло России” — это программа создания сотен атомных станций тепло и электроснабжения. Это очень дешевые станции, стоимость строительства которых при полной разработке технологии будут составлять буквально несколько миллионов долларов, а эксплуатационные расходы вообще будет стоить не более, чем обслуживание гидроэлектростанций. И они могут работать десятки и сотни лет. Не загрязняя ни поверхность земли, ни атмосферу, и лишь в малой степени воздействуя на подземную среду, в которой, впрочем, человек ведь и не обитает. Эти станции изменят само лицо страны, позволят, наконец, создать даже в северных регионах конкурентную индустрию, ибо именно большие затраты на тепло и являются главным фактором слабой конкурентоспособности российской индустрии.

Наконец, это также и создание станций электроводоснабжения в степных и пустынных районах Волгоградской, Астраханской, Ставропольской областей, Калмыкии и Дагестана, а это обеспечение страны сельскохозяйственной продукции.

“Атомное тепло России” — программа для России двадцать первого века.

Заключение

Показана возможность создания безопасной и экологически чистой ядерной энергетики.

Показано, что перед Россией стоят задачи освоения безопасной ядерной энергетики, она имеет необходимый научный и производственный потенциал и может завоевать мировые позиции в этой области.

Михаэль Лайтман

Все о деньгах

Часть 2

Е. Литварь: *Даже герои мультфильмов поют: "А я денежки люблю".*

Итак, начинаем. Здравствуйте, дорогие друзья. Мы вновь встречаемся в цикле передач «Каббала – шаг навстречу». Сегодня в эфире продолжение темы «Все о деньгах». И первый вопрос: «Можно ли за деньги купить настоящую любовь?» – спрашивает каббалиста Леонид из Ярославля.

М. Лайтман: Я не знаю, что значит, «настоящую любовь». В нашем мире вся любовь – эгоистическая, то есть так, как я люблю рыбу, так я люблю и девушку, потому что она доставляет мне наслаждение, дает наполнение моему эгоизму. В таком аспекте купить любовь, наверное, можно.

А вот если наш слушатель – неисправимый романтик, тогда я не знаю. Это уже такой психологический настрой... В любом случае, если он чего-то требует или ждет от объекта своей любви, то этого не получит.

Однажды на одной из встреч, на которой присутствовали порядка 300-400 человек, мне в самом начале беседы задали вопрос: «Все-таки объясните нам, что такое любовь и существует ли она?». И полтора-два часа – это уже вышло за пределы беседы, стало целой лекцией – я их убеждал, что любви все-таки нет. И они со мной согласились.

Е. Литварь: *Да, я читал большую статью в газете о том, что профессор Лайтман утверждает: «Любви - нет».*

М. Лайтман: Романтическая любовь предполагает бескорыстную любовь. Если возникает взаимное гормональное удовлетворение, тогда речь идет о животном уровне: два существа обнюхивают друг друга. И физиологи, и биологи, и генетики доказывают, что именно таким образом мы различаем друг друга, и в результате получается удачное спаривание. Но если мы говорим о романтической бескорыстной любви, вкладывая в это элемент выше животного уровня, - то такого в нашем мире нет.

Е. Литварь: *А когда Вы говорите «романтическая», то, что имеете в виду – выше или все-таки на нашем уровне? Вопрос касался нашего мира.*

М. Лайтман: Я надеюсь, что придет время, когда мы будем немножко больше разбираться в биологии человека и сможем, допустим, пройти какой-то тест и определить, что Леониду из Ярославля подходит, скажем, Татьяна из Ростова.

И как только он ее увидит, после короткого общения они обнаружат «романтику» между ними в полном объеме, вспыхнувшую и не угасающую.

Е. Литварь: *Но Леонид спрашивает: «Можно ли купить за деньги?»*

М. Лайтман: Нет. Как же он может купить за деньги романтическую любовь, когда она базируется на четком соответствии между внутренними гормональными условиями двух субъектов? Никак не сможет!

Е. Литварь: *Есть вопрос от нашего постоянного зрителя, Руслана из Петербурга: «Каковы шансы человека получить социальное пособие, если его фамилия Абрамович?»*

М. Лайтман: Я не знаю. Имеется в виду тот Абрамович?..

Е. Литварь: *Да, который содержит Чукотку. На самом деле, Абрамович – большой*

меценат, он много помогает и очень искренне, и больницы строит, и делает много другого.

М. Лайтман: Он получает от этого удовлетворение. Он добивается этим выражения своего «Я», самоуважения. Люди понимают, люди знают, люди уважают. Даже, может быть, иногда никто и не знает, что он жертвует большие суммы или оказывает другую помощь, но при этом он приподнимает себя в своих собственных глазах. Это очень много значит для человека.

Е. Литварь: *Мы говорили, что самоуважение и уважение людей со стороны намного важнее, чем деньги.*

М. Лайтман: Конечно. Уважение - по рангу наслаждений стоит значительно выше, чем деньги.

М. Санилевич: *«Есть ли предел зла, которое готов совершить человек во имя денег?» – спрашивает Аня из Киева.*

М. Лайтман: Конечно, есть! Иерархия наслаждений построена так: деньги, власть, слава, знание.

Деньги – это самый минимальный уровень из наслаждений, которые человек получает от общества. И мы убеждаемся в этом, когда богатые люди вдруг начинают помогать, бескорыстно расходуя большие суммы денег. Допустим, Билл Гейтс видит наслаждение в том, чтобы улучшать окружающую среду. То же самое мы видим у многих людей в России.

Те, кто жертвуют: меценаты, поклонники искусств или футбольных клубов и так далее, – это люди, которые уже немножко перерастают уровень погони за деньгами, стремятся к чему-то другому. Для достижения новых целей, разумеется, им тоже нужны средства. Допустим, сегодня Хилари Клинтон нужны деньги на рекламу, чтобы пройти в Белый Дом. Но в этом случае деньги уже не являются целью, они становятся средством достижения цели. Поэтому в шкале наслаждений деньги занимают самый нижний, довольно ограниченный уровень.

И есть, конечно, граница, перейти которую человек не готов даже ради того, чтобы у него были деньги. Потому что деньги – это все-таки средство. Бывают, конечно, всевозможные мании, но деньги в любом случае остаются лишь средством для достижения других наслаждений: власти, славы.

М. Санилевич: *А ради уважения человек готов пойти на все?*

М. Лайтман: Вся эта комбинация: власть и слава – дает и уважение, и все остальное.

Е. Литварь: *Если человек внутри себя взвешивает, что для него важнее, миллиард долларов или презрение общества, то он наверняка выберет не деньги?*

М. Лайтман: Это зависит от его уровня развития. Есть такие, которые возьмут деньги и не почувствуют пренебрежения со стороны общества. Им не важно, как общество относится к ним. Дело в том, на каком уровне своего внутреннего эгоистического развития находится человек.

Е. Литварь: *То есть Вы имеете в виду не образование человека, а внутренняя ступень развития?*

М. Лайтман: Конечно. Дело в том, от чего он получает удовольствие.

Если вы предложите ему стакан кофе за десять долларов или за тысячу, он возьмет за тысячу, потому что этим он покупает для себя большее наслаждение. Большее уважение, может быть. Ведь не важно, на какой машине ездить. Например, машина стоит 10 тысяч долларов, и есть автомобиль за миллион долларов. В чем разница? Не столько в самой машине, а в том, как на тебя смотрят другие. То есть все зависит от престижа, от того, как преподнести человеку его покупку.

Е. Литварь: *Помните старый анекдот о новых русских: «Ты за сколько купил галстук? – За 300 баксов. – Ну, что ж ты?! За углом можно было купить за 600».*

М. Лайтман: Да. И это действительно так! На первый взгляд, это кажется совершенно неестественным. У них несчитанные деньги? Нет, абсолютно неверный подход. Богатые люди умеют считать, и они жадные. Просто за деньгами они видят наслаждение: возможность потратить большее количество денег доставляет большее наслаждение.

Е. Литварь: *У меня есть тогда уточняющий вопрос. Человек, у которого много денег и который реально любит наслаждаться, купит ли он чашку кофе за 10 тысяч долларов вместо пятидолларовой точно такой же, в месте, где он будет один, где его никто не видит?*

М. Лайтман: Это зависит от внутреннего развития человека. От того, насколько он ценит деньги и самоуважение, самонаслаждение, влияние на остальных.

Наслаждение на самом деле является наполнением! А оно зависит от суммы всех внутренних потребностей человека: к деньгам, к уважению, к самоуважению, к знатности, к славе, к очень многим факторам, которые мы взвесить не можем. У нас отсутствует аппарат для четкой ориентации в этих наших многообразных внутренних свойствах.

И поэтому вопрос ваш очень расплывчатый – для меня, по крайней мере. Каббала – это наука, которая взвешивает наши желания, причем весь спектр желаний. Учитывается и прошлое, и будущее, и родные, и знакомые, и я, и все остальное. Миллионы всевозможных внутренних расчетов производится в человеке, чтобы затем в итоге он что-то сделал. И может быть, в последний момент возникает какая-то маленькая причина, вроде бы незаметная, которая меняет все.

Но всегда человек ищет оптимального наслаждения.

Е. Литварь: *Проще говоря, когда человек принимает какое-либо решение, то в принятии этого решения участвует целый комплекс различных желаний, поджеланий, чувств, реакций, информации и прочее, и прочее...*

М. Лайтман: Все «Я» человека.

Е. Литварь: *И именно поэтому очень трудно себя проанализировать и вычленив подлинную причину принятого решения?*

М. Лайтман: Конечно. Ты спрашиваешь у человека: «Почему ты так поступил?» Он начинает объяснять, оправдываться...

Но на самом деле, что его толкнуло на это, он не знает. Он может быть совершенно иным, с минуты на минуту, с любыми внутренними мотивациями. Ты с ним говоришь, как будто с совершенно другим человеком. Это мы знаем и по себе.

Что делает наука каббала? Она объясняет человеку его внутреннее устройство, и каким образом он действительно может себя стабилизировать, и как он может совершать в себе, для себя, внутренний расчет, понимать, что ему требуется, что внутри анализируется, производится, что важно и неважно, почему и как. И после этого он совершает тот или иной поступок. Именно каббала позволяет четко определить все внутренние мотивации.

М. Санилевич: *Вот этим занимается каббалист? Ежесекундно постоянно делает какие-то расчеты о себе?*

М. Лайтман: Да. Но эти постоянные внутренние расчеты у него производятся не по сравнению с собой, зная себя, и не только по сравнению с обществом, а по сравнению со всем мирозданием, с его Высшей силой. Они производятся для того, чтобы максимально раскрыть для себя всю систему и достичь ощущения высшего наслаждения.

Каббала – от слова «получать», получать Высшее наслаждение. Оно заключается в том, чтобы ощущать весь объем мироздания в его вечном совершенном движении. Когда человек начинает это ощущать, тогда все остальное, что происходит с ним в этой жизни, попадает под эту формулу расчета. И его действия могут казаться нам очень странными.

М. Санилевич: *А не устаешь от этого? Эти постоянные расчеты...*

М. Лайтман: Нет! Он в этом живет!

М. Санилевич: *Это жизнь?*

М. Лайтман: Это жизнь! Это течение – течение наслаждения, информации, ощущений, влечений. Более того, он раскрывает себя, он понимает внутренний мир, в котором находится! Прекрасно понимает, естественно, остальных людей и то, что ими руководит. И самое главное, он входит в контакт с Высшими силами управления, которые нисходят на наш мир. Получая от этого огромное энергетическое наслаждение, наполнение, он не устает, наоборот, все время находится, как маленький ребенок, в процессе роста.

М. Санилевич: *А внешне это никак не проявляется?*

М. Лайтман: Нет. А как может проявляться? Как можно узнать? Подключить к человеку какие-то приборы?

М. Санилевич: *Вернемся к нашим вопросам. "Почему денег всегда мало?" – спрашивает Дима из Минска, в надежде, что Вы все же подскажете волшебное слово, и их станет много.*

М. Лайтман: Их никогда не будет много. Допустим, сегодня мне сообщил директор банка: «У тебя 10 миллионов!». Значит, теперь я продумываю уже свой следующий этап. А у кого-то другого – 10 миллиардов или там 100 миллиардов.

У меня уже пятьдесят? Хорошо. Я теперь смотрю на следующего, у которого еще больше. Как мне этого, понимаешь ли, обогнать? Я работаю, работаю – еще больше денег. А дальше что?

Для меня, в сущности, не имеет значения количество, я не измеряю сами деньги. Я не сижу на мешке – сегодня маленьком, потом – побольше, а завтра – еще больше. Я измеряю себя относительно других. И вся моя жизнь нацелена на то, чтобы возвыситься относительно них. На это она и уходит. И в этом мое наслаждение. Но оно преходящее, оно исчезает вместе с телом. Я становлюсь старым, дряблым. И с чем я остаюсь? Даже, если на моем счету есть миллионы, миллиарды.

Для того чтобы помочь человеку ускорить путь осознания зла эгоизма, который никогда не приведет его к наслаждению, – для этого и развивается финансовый кризис.

Е. Литварь: *То есть можно ли это понимать так, что когда, скажем, тот же Абрамович заработает свой пятидесятый миллиард и, возможно, обгонит Дерипаску, или, наоборот, Дерипаска к тому моменту заработает сотый миллиард, то на самом деле его уже давно интересуют не сами деньги, поскольку их слишком много, а какой-то внутренний процесс, игра, желание быть круче, больше, значительней?*

М. Лайтман: Изначально не интересуют человека деньги!

Есть шкала наслаждений. Наше внутреннее свойство только одно – желание насладиться. Начиная с нуля, когда хочешь только сосать маму, и это единственное твое наслаждение, и до самого наивысшего, когда человек выходит на высший духовный уровень. Все это движение по шкале наслаждений.

Просто относительно нас наслаждения облачаются во всевозможные одеяния: пища, кров, семья, секс, свобода, деньги, за которые все можно купить. Деньги, кстати, – это уже довольно абстрактный уровень наслаждения, потому что за них можно купить всевозможные другие виды, якобы, наслаждений. Затем по шкале наслаждений следуют власть, слава, знания и так далее.

Мы желаем наслаждения! Мы не желаем сами деньги. То, что вы написали о деньгах, – это вы спросили о наслаждении, которое мы воспринимаем в виде этих монет.

Е. Литварь: *Когда Вы говорите «наслаждение», то Вы имеете в виду...*

М. Лайтман: наполнение моего внутреннего желания.

Е. Литварь: *То есть какую-то энергию, которая в моих пяти органах чувств реализуется в виде, допустим, денег или славы, в виде почета или автомобиля, стоимостью миллиард. Так?*

М. Лайтман: Да. Или на более низких уровнях. Еда, дом, секс. Это все энергия, которая нас наполняет.

Е. Литварь: *Значит деньги тоже энергия, которая материализовалась, огрубела до состояния денег?*

М. Лайтман: Нет, она не огрубела.

Дело том, что за деньги я могу купить, кроме того, что необходимо моему телу: еду, семью, секс, дом, – еще и другие, более высокие наслаждения.

В этом случае деньги, богатство являются эквивалентом надежды на будущее, уверенности. На них ты можешь купить славу, знатность, знания, можешь купить все! Поэтому деньги занимают определенный уровень в шкале наслаждений, в иерархии ценностей, потому что являются эквивалентом всех этих ценностей.

Но в конечном итоге, деньги – это всего лишь мера взвешивания наслаждения.

Е. Литварь: *Деньги – это материализовавшаяся энергия или нечто другое? Как в нашем мире появились деньги с точки зрения каббалы? Вы сказали, что корень денег – это «правда».*

М. Лайтман: Деньги на иврите называются «кесэф». «Кесэф» – от слова «кисуф» – экран, скрытие, занавес. Деньги являются прикрытием любого вида наслаждения, наполнения, которое желает человек.

В нашем мире деньги являются единственным эквивалентом, мерой стоимости: сколько стоит твоё время, сколько стоит какой-то предмет, вещь, услуга и так далее. Это все мы взвешиваем, потому что желаем слишком много разных наслаждений. Как мы можем обменять одно наслаждение на другое? Мы ставим их между собой в определенную зависимость, которая имеет соответствующий денежный эквивалент. Это экономически понятно всем.

Е. Литварь: *А корень духовный?*

М. Лайтман: Духовный корень денег исходит из экрана, из скрытия наслаждения. Скажем проще, что и в духовном мире духовный смысл денег – это эквивалент затраченных усилий. Это сложно объяснить, потому что в духовном мире деньги действуют не как наши деньги, а как духовная сила, которая называется «деньгами». Это – экран, «кисуф» – скрытие.

Человек прилагает определенное количество своих внутренних усилий, и эти внутренние усилия в духовном мире измеряются в силе, которая в нашем мире эквивалентна деньгам.

Е. Литварь: *Как эта сила – экран - проявилась в нашем мире в виде бумажки?*

М. Лайтман: Эта сила проявилась в нашем мире в виде бумажки, потому что в духовном мире экран является измерением усилий человека.

Когда произошло разбиение духовного желания на огромное количество разных мелких желаний, то и этот экран разбился, и его эквивалент из скрытия превратился в эквивалент раскрытия. И поэтому вместо кесэф (скрытие) появился металл, который называется «кесэф» – деньги, серебро. На иврите «кесеф» – это также серебро. Оно стало первым эквивалентом, универсальным эквивалентом усилий человека, которыми он измеряет свой труд и любую ценность, которую желает приобрести.

В духовном мире экран работает как общий эквивалент любых усилий каждого человека и называется «кесэф», «кесуфа» – «скрытие»

В нашем мире тот же экран действует как кесэф, как серебро, которое четко соответствует этому корню...

Е. Литварь: *Как он проявился в нашем мире в виде серебра?*

М. Лайтман: Это я тебе рассказать не могу. Это тайна, потому что постичь ее может только сам человек, когда будет подниматься сверху вниз.

Из Высшего мира наслаждение в его абстрактном виде, облаченное в силу, которая экран, нисходит в наш мир и постепенно реализуется в свой вещественный материальный эквивалент, который в нашем мире называется деньги. Что значит духовное наслаждение?

Включающее в себя абсолютно все. Ведь человек все время хочет наслаждения, и даже не важно, в каком виде. Нет наслаждения в чашке кофе, если я ее не хочу, есть – если я ее желаю. Человек хочет наслаждения – не самого напитка, как в нашем примере. В нашем мире через денежный эквивалент наслаждение облачается во всевозможные виды материальных наслаждений. Так появляются деньги и любые, якобы, наслаждения за их счет.

Каббала говорит о том, как избавиться от попыток гоняться за всевозможными наслаждениями и платить за них деньгами (если ты можешь платить), как подняться от этого к Высшему уровню, когда ты получаешь непрекращаемое наслаждение, в миллиарды раз большее.

Здесь таков механизм получения наслаждения: что-то купил сегодня, завтра тебе надо нечто большее, потому что постоянно растет эгоизм, он требует все новых и новых наполнений и по качеству, и по количеству, новых возможностей, других ощущений.

Как сделать, чтобы наслаждение не пропадало, как вскоре после любой покупки, любого приобретения, а чтобы оно только увеличивалось, неограниченно росло, и чтобы я ни от кого не зависел? Как сделать, чтобы я и каждый из нас стал счастливым?

Наука каббала рассказывает о том, как превратить денежный эквивалент в средство достижения вечного, совершенного наслаждения. Вечное и совершенное – то есть я действительно наслаждаюсь: что захотел, то у меня и есть, и еще, и еще. Я хочу нового и всегда это получаю, и так иду от счастья к счастью, бесконечно и постоянно, непрерывно. Это и называется вечной жизнью. Это тоже покупается за деньги – только за духовные деньги, которые каждый может приобрести сам, независимо ни от кого другого. Это и объясняет каббала. Потому каббала и называется «наука получать».

Е. Литварь: *Получается, понятие «скука», «скучно» существует исключительно в нашем мире. В духовном мире не может быть скучно?*

М. Лайтман: Ну, конечно! Каббала и раскрывается сегодня, потому что углубляется депрессия, отчаяние, ужасная пустота, в которой находится человечество. И каббала прямо говорит о том, что в современном мире раскрываются огромные желания, с одной стороны, и невозможность их удовлетворить, с другой.

Е. Литварь: *Никакими деньгами?*

М. Лайтман: И даже очень большими деньгами. И не только. Власть, слава тоже не способны принести человеку успокоение. Уже треть человечества в мире страдают от депрессии. Что им надо?! Они сами не знают, что, но им плохо, им пусто. И эту пустоту ты можешь наполнить только за духовные деньги, которые называются «экрэн». То есть в духовном ты обретаешь особый инструмент получения особого наслаждения.

К этому идет человечество! Поэтому не надо замыкаться – надо смотреть выше, на общую проблему человечества. И не только на богатых, которые относительно других играют, изображая себя счастливыми. Мы знаем о том, в каком состоянии они находятся внутри себя. Но деваться-то им пока некуда.

Е. Литварь: *Большая часть наших собеседников – люди небогатые, бедные. Вы сейчас говорите, что никакие деньги все равно не помогут избежать страданий. А они сидят и думают: «Господи, да дайте мне деньги! Я уж управлюсь как-нибудь. И мне будет, слава Богу, хорошо. И лучше страдать, будучи миллиардером, чем оставаясь бедным». И думают они так только потому, что находятся на ступени еще ниже, чем некий миллионер.*

И они не понимают, что на деле богатые тоже обречены на те же самые страдания.

М. Лайтман: Мы не успокаиваем человека. Мы не предлагаем ему какую-то систему, которую надо немножко изучить, и потом ты увидишь, как можешь себя наполнить, и что тебе будет лучше, чем любому Абрамовичу. Нет, мы никому ничего не обещаем. Мы просто показываем человеку, как устроен мир, каким образом развиваются желания.

Каждый желает удовлетворить свои желания, все время наполняться наслаждениями. Но есть ли возможность их наполнить? Человеку кажется, что он сможет наполнить себя. А на самом деле? Постепенно человек начинает понимать, что в нашем мире невозможно это сделать. И он приходит к этому выводу естественно, потому что это понимание и есть наша природа. Далее он уже начинает правильно использовать каббалу.

М. Санилевич: *Человек сам должен пройти эти все состояния? То есть я сам должен быть богатым, чтоб понять, что нет смысла в этих деньгах? Или мне об этом кто-то расскажет? Ведь чтобы разочароваться, допустим, в деньгах, надо их иметь.*

М. Лайтман: Совершенно не обязательно, не все должны быть миллионерами и разочароваться в этом. Достаточно чисто умозрительного осознания.

Для того чтобы не быть убийцей, не обязательно убивать и потом заниматься самоанализом, разочаровываться в этом. Я могу все пройти в себе через осознание как бы теоретическое.

Мы в нашем мире замкнуты друг на друге. Я получаю информацию от других, я питаюсь чувствами, восприятием от других. Я не обязательно должен проходить все состояния. Потому что внутренне мы взаимно связаны в одной системе.

У нас существует общая внутренняя связка. И поэтому если кто-то сделал какую-то большую ошибку или, допустим, достиг огромного успеха, я могу представить себе эти состояния и не должен сам их проходить.

В этом и заключается необходимость разбиения одного человека – Адама – на множество людей – его потомков, из которых каждый проходит огромное количество всевозможных состояний. Но все они взаимосвязаны друг с другом. И в итоге, когда они объединятся, то получится, будто каждый из них прошел жизни всех остальных.

Е. Литварь: *Билл Гейтс проходит страдания по поводу того, что никакие деньги ему не помогут получить искреннюю любовь окружающих его людей. Все постоянно хотят чего-то от него. Я прохожу что-то другое. Миша проходит свое, а Вы – еще что-то.*

М. Лайтман: Мы – один единый организм. Разобщение, разделение между собой и позволяет каждому из нас прожить что-то свое, но каждому и впитать все, что есть у других.

Е. Литварь: *То есть семь миллиардов человек в одну единицу времени проходят семь миллиардов каких-то огромных состояний, и это все – одна душа?! Эта душа настолько огромна?*

М. Лайтман: И это все – одна душа. И, кстати говоря, каждая частная душа в итоге своего духовного развития должна будет впитать в себя впечатления от всех остальных душ, от всех их кругооборотов жизней, от всего того, что прошло с ними во все времена.

Каждая душа при этом вмещает в себя все остальные души с их переживаниями, впечатлениями, наполнениями, накопленными за всю историю.

М. Санилевич: *Дима из Минска спрашивает, обращается к Вам как к каббалисту: «Есть ли волшебное слово, чтобы денег стало больше?» Вот такие утверждения он слышал себя в городе.*

М. Лайтман: Ходят такие слухи о каббале.

М. Санилевич: *И я думаю, что не только в Минске.*

М. Лайтман: Каббала абсолютно не занимается никакими волшебствами, мистиками, гаданиями, загадыванием будущего. Это – наука, которая говорит человеку о том, как он может себя изменить для того, чтобы раскрыть Высший мир, чтобы Высший мир стал для него реальным миром в его жизни. То есть каббала раскрывает человеку всю природу, в которой он существует, изображает общую картину. Он видит, ясно понимает, где он, в каком мире находится. При этом он получает возможность оптимально использовать свою жизнь.

Но если ты мне задаешь вопрос: «Станешь ли ты при этом миллионером или нет?» – то

вполне возможно, что нет. А может быть, и да, ты будешь миллионером, для того чтобы реализовывать какие-то действия, осуществлять какие-то деяния относительно других.

Е. Литварь: *«Могут ли каббалисты наколдовать много денег и раздать их людям?» – спрашивает Вас человек, точно знающий, что все настоящие каббалисты – маги и колдуны. Но при этом он не уверен, что каббалисты любят людей так, как любит он их сам, потому что, если бы у него было много денег, он бы их раздал.*

М. Лайтман: Ты представляешь, если бы у людей было много денег? И что бы они на них купили? Если бы у всех были миллионы, и каждый в магазине отсчитывал миллион за пачку сигарет, то произошла бы инфляция.

Е. Литварь: *В России десять лет назад так и было – миллионы.*

М. Лайтман: И скоро снова будет. Дальше что будет, если каждый получит миллион?! Ничего из этого не получится! Каббалисты – не колдуны. Посмотрите, что значит, «каббала».

Каббала – это наука о раскрытии человеку общей Высшей управляющей силы. Это – физика Высшего слоя природы, которая объясняет нам: каким образом мы созданы, каким образом мы запускаемся природой, к какой цели она нас ведет. Мы видим, что все время находимся в каком-то движении, в развитии. К чему все это идет? Каббала нам объясняет.

Она ничего больше не дает! Она предоставляет возможность человеку, если он все правильно понял, улучшить свою судьбу, движение вперед, сделать его комфортным, легким. Но не более того.

Чудес на свете не бывает. Уже миллионы лет жизнь существует на этой земле. Мы знаем, что происходило с человечеством, допустим, десяток тысяч лет, – никогда никаких чудес не было. Так же как не существуют неопознанные летающие объекты, так же как не существует вурдалаков, чертей и ведьм, так нет никаких чудес. Есть физика. Каббала – это физика Высшего слоя природы. Но людям хочется верить в чудеса.

Недавно я прочитал огромную статью о каббалистах, которые занимаются лечением, изгнанием дурных сил, сближением мужа с женой или, наоборот, могут развести их, оторвать мужа от жены и так далее...

Я заявляю абсолютно чистосердечно, что это все – абсолютная ложь! Но она психологически помогает человеку в его маленькой несчастной жизни. И за это он платит. Что сделаешь? Пока не поднимется, не подрастет, не разочаруется, не увидит, что это ему ничего не дает.

Е. Литварь: *«Деньги не пахнут, потому что их отмывают», – утверждает пожелавший остаться неизвестным владелец китайской прачечной.*

И еще: «Грязные деньги мешают хорошо жить, поэтому чистоплотным мафиози приходится заниматься сангигиеной?» – спрашивает Юра из Лапино Московской области.

М. Лайтман: Это вопрос, который я в своей каббалистической деятельности не исследовал, и я просто не знаю, что он имеет в виду.

Я могу сказать одно: если бы в основе построения государства и нашего общества лежала правильная, справедливая система, тогда не надо было бы ее дополнять всевозможными побочными силовыми структурами: как мафии, теневая экономика, всевозможные «крыши» и так далее.

Поскольку наше общество сломано, искажено, то естественно, в мере этих искажений, напряжений, неправильных построений и связей, возникают дополнительные структуры. Поэтому представление о том, где тень и где свет, «крыша» государственная или "черная", кто отмывает больше и каким образом, – в нашем мире очень условно. Как говорится, правда с тем, у кого сила. И поэтому я не знаю, как разбираться в этих вопросах.

Е. Литварь: *Если помечтать немножко: вот настанет день, когда необходимое число людей, серьезно занимающихся каббалой, будет достаточным для того, чтобы мир*

стал меняться. Как только он начнет меняться, исчезнут все эти мафии, уголовные преступления, коррупции, теневые кабинеты, – все, что портит и отравляет нам жизнь? Мир будет меняться в сторону того, чтобы человечеству стало мягко и тепло? Или он будет еще более жестким?

М. Лайтман: Наш мир является проекцией внешних сил. Ничего самостоятельного в нем нет. Если мы внутренне будем меняться, то изнутри себя мы повлияем на внешние силы, а внешние силы, в свою очередь, повлияют на наш мир. Внешне мы мир исправить не можем. У нас нет орудий для изменений нашего мира.

Е. Литварь: *Внешне – это имеется в виду внешними действиями, привычными нам?*

М. Лайтман: Действиями, силами, деньгами, чем угодно. Ничего мы не можем сделать! Мы будем помогать бедным – ничего не изменится, мы будем строить – тоже ничего. По сути, мы двигаемся все время только к разрушению.

Наш мир строится Высшими силами, их структурой, векторами, направленными из Высшего слоя. Но на Высший слой мы можем влиять только своим внутренним состоянием, своим внутренним ростом.

Если мы будем внутренне расти, силы, нисходящие на наш мир и создающие ту или иную атмосферу в нашем мире: все структуры, отношения между людьми, – будут строить другой мир.

Вот вы говорите «мистика». Нет в каббале такой практики: сделай и получи – с помощью денег, надписей, заклинаний, трав, наговоров, зелья приворотного и так далее. Но в ней есть другая огромная сила, которая действует в этом мире не в прямом виде.

Ты можешь изменить наш мир на самом деле – каждый человек может это сделать, – но только в том случае, если он правильно воспользуется методикой влияния на Высшую силу. Смотри, что дает каббала! В том случае, если он влияет на Высшую силу, она в свою очередь влияет на наш мир. Но воздействовать на Высшую силу можно в той мере, в которой ты желаешь сблизиться с ней, уподобиться ей, – только тогда она тебя ощущает.

Что это за Высшая сила, которая действует на наш мир? Это общая сила любви и добра. Если я хочу изменить что-то в нашем мире – существует единственная возможность изменить его только в мере моего желания, чтобы он стал более добрым и наполненным любовью между всеми. Помните наш пример о том, как гармонично соединяются между собой клетки в теле. Тогда я сделаю наш мир лучше. И пропадут все «крыши», «теневые стороны экономики» и так далее. Но способ воздействия только один – через Верхний слой.

Таким образом, каббала – это наука об управлении нашим миром, но через Высший, управляющий слой. Сейчас у тебя в руках есть «ключи». И на этом кончается вся тайна. Никакой тайны нет, все раскрыто перед всеми: люди, возьмитесь и сделайте свою жизнь хорошей. Но только при единственном условии – вы должны захотеть быть такими, как Высшая, интегральная сила в общем нашем мире.

Мы и сегодня видим, как зависим друг от друга, что мы никуда не можем деться, что у нас нет никакой свободы. Свобода воли человека только в одном – повлиять на Высшую силу, чтобы она проявила себя добром в нашем мире.

М. Санилевич: *Вы сказали: «внутренним состоянием человек влияет на внешние силы». «Внутреннее» – это имеется в виду мои желания, мои мысли, или и то, и другое?*

М. Лайтман: Все: желания и мысли, сердце и разум.

Е. Литварь: *Если бы сейчас вот здесь оказалось бы 100 самых богатых людей мира вне зависимости от национальности, пола, возраста и попросили бы Вас: «Дайте краткий совет, что мы можем и чем мы можем помочь миру? Финансово мы можем все, что угодно, но не знаем, куда и как. Наши попытки потратить деньги, как-то вложить их, не приносят успеха и на деле пока приводят мир к краху. Это даже мы уже видим».*

М. Лайтман: Я сказал бы им просто. Мир надо накормить. Мы входим в период голода. Следующее состояние, возможно, – это период очень больших и разрушительных эпидемий. И за ним – состояние большой мировой войны.

Все это можно предотвратить, ибо оно является следствием того, что мы находимся в абсолютном диссонансе, в абсолютном неравновесии с Высшей управляющей силой!

Каждому человеку в мире надо обеспечить прожиточный минимум и посадить всех за парту, абсолютно всех, включая тех же миллиардеров! Они должны все вместе изучать, как правильно воздействовать на Высшую управляющую силу. Надо мгновенно изменить все средства массовой информации. Вместо того чтобы они продолжали делать из нас убийц, варваров, изуверов, маньяков и прочих, необходимо превратить их в инструмент, с помощью которого мы можем изменить мир.

У нас есть эта возможность. Средства массовой информации при правильном их использовании, могут все. Создать правильную среду вокруг каждого человека, когда кроме этой информации он практически не получает ничего, потому что все остальное ему только во вред. Давайте пустим все наши средства на это! Таким образом, мы избавим мир от угрозы уничтожения, медленной и страшной угрозы. Это будет похуже всего, что человечество переживало раньше.

Е. Литварь: *Вы предлагаете сейчас обществу, всемирному обществу как бы единственный рецепт выхода из предстоящих колоссальных катаклизмов – сделать шаг навстречу духовному развитию?*

И предупреждаете, что если этот шаг не будет сделан вовремя, то нас ждут невообразимые страдания и катаклизмы?

М. Лайтман: Конечно! Естественно, нас ждут страдания, потому что таким образом Высшая сила влияет сверху на наш мир. Если мы не ставим себя в равновесие ей, то диссонанс между нами и вызывает все страдания. Давайте приподнимемся, постараемся стать более подобными ей, и тогда этих страданий не будет.

М. Санилевич: *У меня такой вопрос, если сейчас в студии было бы несколько тысяч человек, которые положительно думали бы о мире, - это действует как-то? Есть такие практики, методики, когда собирается огромное количество людей и начинают, скажем, в течение нескольких часов думать положительно о мире, о природе, о других людях, чтобы всем было хорошо. Вы это имели в виду, говоря «внутренне влиять на внешние эти силы»?*

М. Лайтман: В общем, да. Мысли человека и его желания, это – то, что влияет на Высшую силу. И мы это делаем на наших занятиях! Каждые сутки мы, живущие в разных частях света, на несколько часов собираемся вместе на наши занятия.

Мы изучаем каббалистические источники, то есть четкую методику, каким образом мы можем влиять на эту огромную силу – назовите ее Творец, или природа, которая влияет на наш мир.

Каббала – не мистика, это – наука, причем наука очень серьезная. Вы можете убедиться в этом даже из первого тома «Наука каббала».

Все методики построены на объединении людей и действуют положительно. Я, например, каждый день чувствую, что, когда мы вот таким образом собираемся, изучаем, подтягиваем себя немножко повыше, то при этом возникает, естественно, какое-то положительное изменение в нашем мире.

Однако проблема в том, что одновременно с этим мир входит во все более и более эгоистическое развитие, и мы еще пока своим положительным воздействием не перекрываем его отрицательное развитие.

М. Санилевич: *То есть если собрать несколько человек и в течение нескольких часов думать о том, чтобы миру было хорошо, это поможет?*

М. Лайтман: Да. Только надо знать, как. На самом деле, наши мысли, наши желания

являются самым сильным оружием в мире. Человек не осознает этого, потому что не имеет доступа к нему. Но самая великая сила – выше атомных, выше всевозможных излучений и энергий – это энергия человеческого разума, его желание. Оно проходит на сверхвысокой частоте и является порождением Высшей силы, порождением Творца и воздействием на Него.

Е. Литварь: *«Когда честный человек вступает на скользкий путь бизнеса, он выглядит там, как корова на льду», – сообщает нам Лариса из Москвы. Почему так устроено? Почему честному человеку в бизнесе очень трудно?*

М. Лайтман: Не трудно – он не может быть в бизнесе. Доход в бизнесе – он, в общем-то, построен на том, что я пытаюсь максимально использовать другого для получения сверхприбыли. Допустим, чашка стоит 1 доллар со всеми налогами, расходами и так далее. Я хочу ее продать за пять. А может, я ее могу продать за десять, за пятнадцать и так далее. Сейчас придерживают нефть для того, чтобы больше за нее получить. А если освободить нефть от таких цен, то людям будет легче во всем мире. Этого не делается! Это честно или нет? Вроде бы, честно. Это – мое, за сколько хочу, за столько и продаю. И говорю об этом открыто, откровенно, во всех средствах массовой информации.

Честный человек может так поступать или нет? Он не обманывает никого, то есть ничем тайно не манипулирует. Он всем говорит: «Это мое! Я сейчас не хочу. Я подожду, когда вы захотите это больше, тогда и заплатите больше». Это честно или нет?

Я подожду, пока будет дефицит. И тогда я вам предложу эту чашку, и вы за нее заплатите 50 долларов вместо пяти.

То есть бизнес изначально построен на извлечении максимальной выгоды из других людей, по сути дела я эксплуатирую необходимость другого человека в моем товаре.

Для чего я развиваю рекламу? Вызываю в нем желание к тому, что ему не надо. Но у меня это есть. Я хочу его продать, я хочу на нем заработать. Поэтому я заранее вызываю в потенциальном покупателе желание. Зачем? Я заранее привожу его в голодное состояние, чтобы он съел то, что я ему приготовил.

Весь бизнес построен на том, чтобы использовать других. И честный человек внутренне с этим не может быть согласен. Поэтому каббалисты всегда занимались очень простым делом. Они обязаны работать, зарабатывать и содержать себя, – не падать на руки общества. Но они работали всегда на очень простых работах.

Мой учитель работал на строительстве дорог. Он был бетоноукладчиком, сапожником, мелким чиновником в налоговом управлении, обычным клерком. Каббалист стремится минимально зависеть от других и минимально оказывать влияние на других, потому что иначе он входит в систему абсолютной лжи.

Е. Литварь: *Гарантируют ли деньги успех в жизни человеку? Или наоборот – успех гарантирует человеку водопад денег?*

М. Лайтман: Ни то, ни другое не зависит от самого человека. Все взлеты, падения, одних сажают, а другие, наоборот, гуляют – это все судьба человека, которая записана внутри него. Ничего он не может сделать! Кроме одного – изменить ее через Верх, через Высшую силу.

Е. Литварь: *Вы сделали замечательный переход на следующую передачу, которая называется «О Карме». Спасибо, всего Вам доброго.*

М. Лайтман: Всего хорошего.

Ольга Велейко

Оклеветанная Жанна

“Разоблачение” 3. “Голоса” Жанны – мистификация придворных советников Карла VII.

Из протокола допроса Жанны Девы от 22 февраля 1431 г.: “Далее она призналась, что ей было трина-дцать лет, когда она имела откровение от Гос-пода нашего посредством голоса, который наставлял ее, как ей следует себя вести. В первый раз она сильно испугалась. Этот голос раздался в полдень, летом, когда она была в саду; в тот день она постилась; голос шел справа, со стороны церкви. Он сопровождался светом, который исходил с той же стороны. Редко бывало так, чтобы, слыша голос, она не видела бы света, обычно очень яр-кого. Когда она пришла во Францию, она часто слышала этот голос. Он показался ей благородным, и она считает, что он исходит от Бога, а услышав его трижды, поняла, что то был голос ангела. Она сказала также, что этот голос всегда охранял ее, и она его хо-рошо понимала”.

Из протокола допроса от 27 февраля 1431 г.: “Я уже достаточно вам говорила, что ничего не делала, кроме как по указанию Бога”.

Из протокола допроса от 3 марта 1431 г.: “На вопрос, твердо ли верят ее сторонники, что она послана Богом, она ответила: “Я не знаю, верят ли они в это, и я оставлю это на их совесть; но если они этому и не верят, я все же послана Богом”.

Феномену Голосов Жанны посвящено много исследований. Существует несколько версий об их происхождении.

Первая основана на убежденности в мистической природе Голосов и видений Жанны. Одни считают, что Жанна имела реальное общение с Архангелом Михаилом и Святыми Екатериной и Маргаритой. Другие полагают, что она обладала выраженной способностью к ясновидению, и ее прозрения, преломляясь через призму религиозного сознания, приобретали удобную для восприятия форму.

Сторонники второй версии считают, что Голоса были вымышлены самой Жанной для того, чтобы придать своим словам и действиям больший вес.

Третья версия предполагает, что Жанна д'Арк страдала психическим расстройством, и ее видения соответствуют клиническим проявлениям шизофрении.

Однако, гораздо эффектнее с точки зрения ревизионистов выглядит другая теория – о том, что Голоса Жанны являлись инсценировкой со стороны придворных Карла VII, создавших сложную и запутанную интригу. Согласно этой версии, некая придворная группировка сыграла на ярком воображении девушки и внушала ей под видом Святых Екатерины и Маргариты выгодные для этой группировки мысли и решения.

Первые три версии – предмет отдельного анализа. Здесь же остановимся на четвертой.

“Жанна не только слышала голоса. Она иногда и видела святых, и обнимала (так, как обнимают рыцаря при посвящении). То есть происходил феномен материализации всех трех названных ею "святых", материализации трехмерной, что нечасто случается в истории паранормальных явлений. А вот когда она оказалась узницей, то "святые" больше не являли ей свой лик, она слышала лишь их голоса”[6].

“Углубленные исторические исследования, проведенные по распоряжению папы Иоанна XXII, показали, что кое-какие святые, в том числе и названные в начале этой главы, никогда не существовали, как реальные исторические лица. В результате по

приказу папы Иоанна XXII их имена были вычеркнуты из святцев. Следовательно, в Домреми, в Шиноне, в Руане Жанна видела, вступала в телесное соприкосновение или слуховой контакт с лицами, никогда не существовавшими в истории, с людьми, которых никогда не было на свете. А ведь именно "святые" женского пола настойчиво рекомендовали ей устремиться на помощь королевству, венчать на царство Карла VII в Реймсе и обречь на провал притязания семейства Плантагенетов, поддерживав семью Валуа... Видения Жанны были удивительно на руку именно партии арманьяков" [6].

“Если уж партии арманьяков были так выгодны видения Жанны, то, может быть, они сами их и организовали?”[6]

“Трудно сказать, что действительно думают серьезные французские историки о видениях Жанны, но или кто-то успешно манипулировал нашей героиней, или она сама сознательно включилась в эту сложную игру, серьезно и добросовестно играя свою роль. Впрочем, возможен и третий (смешанный) вариант”[6].

“Карлу VII были необходимы какие-то факты или события, обосновывавшие его претензии и подтверждавшие его права на французскую корону, по крайней мере, в глазах собственного народа. И в этих событиях ясно должен был просматриваться тот самый "промысел божий". А если вдохновленный народ ко всему еще и кинется отвоевывать Орлеан, Париж и другие захваченные англичанами города, то лучшего и желать нельзя. Конечно, это только предположение, и, возможно, все происходило совсем не так. Цели и мотивы могли быть иными”[6].

Итак, по мнению ревизионистов, эти “тайные советники” преследовали одну цель – убедить общественность в том, что Карл VII – монарх Именем Божиим, и короновать его в соответствии со всеми обычаями. После этого Жанна стала не нужна, и ее стали “выводить из игры”:

“Тот, кто задумал всю эту комбинацию с выведением на политическую арену Франции Девственницы, "...мудрейший в отличие от прочих..." по мнению папы Пия II, начал постепенный вывод Жанны из "большой игры"”[6].

Однако, как считают наши “разоблачители”, Жанна вовсе не собиралась уходить со сцены:

“Если кто-то и считал Жанну марионеткой, то сама она себя таковой не числила”[6]

“Она одержала несколько побед на севере Франции и теперь рвалась в Компьен. К этому ее подталкивали голоса "святых", обещая пленение герцога Бургундского, главного союзника англичан. Если исходить из того, что голоса "святых" были спланированной акцией, то приходится признать, что Жанну предали. Предали сознательно. Она не хотела понимать, что больше не нужна, упорно не хотела выходить из "игры", ведь для нее это вовсе не было игрой. Ее вывели насильно и весьма жестким методом”[6].

Снова разберемся по пунктам.

1. Вообще возникает множество вопросов о технической стороне подобной мистификации, если бы таковая имела место. Допустим, что кто-то мог, переодевшись в святых, приходиться и наставлять Жанну. Допустим, что одурачить таким образом религиозную тринадцатилетнюю девочку было можно. Но как быть с голосами, которые слышала Жанна при самых разных обстоятельствах: в саду, в церкви при молитве, в Шинонском замке на приеме у Карла, в пылу сражений, в заточении и т.д. Вспомним слова Жанны о том, как именно происходили эти явления. Чтобы предположить, что некто в течение семи лет повсюду незаметно следовал за Жанной, прячась в кустах, и под

столом, или еще непонятно где, при этом тщательно выбирая положение «со стороны церкви», да еще и таская с собой загадочный осветительный прибор, который мог бы производить «очень яркий» свет, необходимо обладать в высшей степени богатым воображением. Также нужно учесть, что этот некто должен был производить свои действия незаметно для окружающих. Как при этом быть с тем, что часто свои озарения Жанна получала в присутствии других людей? Согласитесь, что в этом случае нашему предполагаемому супермену пришлось бы сообщать свои советы Жанне так, чтобы их не слышали эти свидетели.

2. Очень странно, что ревизионисты не указывают, какие именно святые были вычеркнуты из святцев, как несуществующие.

Святая Екатерина – реальное лицо, она жила в Александрии во времена правления императора Максимиана. Католической церковью признается.

Святая Маргарита (Марина) – также реальный персонаж, жила и приняла страдания за веру в Антиохии во времена раннего христианства. Католической церковью также признана.

Следует сказать, что в вопросе о Св. Маргарите не все однозначно. Дело в том, что во времена Жанны была распространена легенда о еще одной Маргарите – Пелагее, которая действительно является фигурой апокрифической. «Она никогда не была канонизирована, а ее жизнеописание в сочинении Якова Ворагинского представляет собой весьма вольное переложение жития св. Марины в сочетании с некоторыми эпизодами из жития св. Пелагеи»[7]. Тем не менее, во-первых, св. Пелагея персонаж реальный.

А, во-вторых, сама Жанна никогда не говорила, что общается с Маргаритой – Пелагеей. Напротив, известно, что когда плененную Жанну перевозили из Клэруа в Болье, то сделали остановку в замке Бовуар, расположенном неподалеку от деревушки Элинкур, где находился монастырь святой Маргариты Антиохийской. Считается, что Жанна попросила и получила разрешение пойти преклонить колени, дабы почтить ту, чей голос она слышала.

Конечно, Жанна могла наделять Маргариту Антиохийскую какими-то чертами Маргариты-Пелагеи, могла даже вообще не различать их, но это все же никак не доказывает того, что она вступала в мистический контакт с лицом вымышленным.

3. В качестве возражения утверждению о том, что «тайным советникам» после коронации нужно было отстранить Жанну от дел, а она сопротивлялась, можно привести тот факт, что уже в день помазания Карла Жанна попросила об отставке. Действительно, в те дни она могла считать свое дело сделанным: сила королевского венчания была такова, что по выражению герцога Алансонского, Карлу достаточно было только показаться перед стенами Парижа, и его ворота бы открылись. Однако Карл и отставки не принимает, и Жанну не отпускает. В дальнейшем, уже после неудачной попытки взять Париж, Жанна снова просит отпустить ее домой. «Жанну удерживали при дворе, но не давали возможности действовать. Она просила, чтобы ее отослали к войску, - ее не слушали; она просила отправить ее домой - ее не отпускали»[11]. Жанна вовсе не была одержима войной, как пытаются представить ревизионисты, однако вынуждена была действовать, поскольку понимала, что интриги придворных и нерешительность Карла погубят все ее дело.

4. Непонятно, зачем было затевать всю историю с пленением Жанны, и в то же время предупреждать ее об этом?

«На недавно прошедшей Пасхальной неделе, когда я находилась в крепостном рве Мелёна, мои голоса, то есть голоса святой Екатерины и святой Маргариты, сказали мне, что еще до наступления дня святого Иоанна меня возьмут в плен». На суде в Руане Жанна признается, что ее Голоса повторяли свои предупреждения неоднократно и настойчиво.

Пасхальная неделя в 1430 году приходилась на 17 – 22 апреля, то есть те самые

“советники”, которые планировали таким образом вывести Жанну из игры, за месяц стали предупреждать ее о том, что готовят эту операцию? Судя по высказыванию на заседании Парижского парламента адвоката Раппиу, операция эта обошлась недешево: “Не уверен, что Гийом де Флави закрыл бы ворота Жанне Деве, не получив 30 000 желаемых экю, из-за чего она была схвачена, говорят также, что, закрыв вышеназванные ворота, он получил несколько слитков золота”[4]. Если бы Жанна, испугавшись предупреждений, все-таки не повела свой отряд в Компьен, то затеявшие предательство “советники” потеряли бы круглую сумму.

Впрочем, некоторые из ревизионистов по-другому объясняют происхождение Голосов Жанны:

““Голоса”, призвавшие Жанну к исполнению высокой миссии, также делаются более объяснимыми, если вспомнить не о семействе д`Арков, а о действительных ее предках и родичах: дед ее, Карл V Мудрый, был женат на Жанне Бургундской, вошедшей в историю, как Жанна Безумная; отец, Людовик Орлеанский, страдал галлюцинациями; сводная сестра Екатерина Валуа, жена английского короля Генриха V Плантагенета, - тоже; их сын Генрих VI опять-таки известен под именем Безумного”[12].

Обоснованность версии о том, что Жанна имела отношение к королевской семье, мы уже проверили. Впрочем, каких аргументов можно ожидать от “историков”, которые все как один именуют Генрихов V и VI Плантагенетами, и это при том, что еще в конце XIV в Англии произошел династический переворот, и на смену роду Плантагенетов пришла династия Ланкастеров.

«Разоблачение» 4. В освобождении Франции заслуг Жанны нет.

“Она не была военачальницей — о полководческих ее дарованиях военные историки отзываются весьма скептически. Да этого и не требовалось: стратегией и тактикой с успехом занимались такие как Бастард Дюнуа или Жиль де Рэ. А задачей Жанны являлось утверждение прав дофина на французский престол”[5].

“Как справедливо отмечают военные историки Эрнест и Тревор Дюпюи, “Жанна д`Арк военачальницей, по сути, не была и — не считая осознания важности морального фактора — в военном деле совершенно не разбиралась”. Да ей и не надо было — в военном деле за нее превосходно разбирались Бастард Орлеанский и Жиль де Рэ”[12].

“Официальная легенда приписывает все заслуги Жанне. Но не надо забывать, что под ее началом находились: Бастард Орлеанский, впоследствии прославленный полководец; знаменитый Жиль де Рэ, будущий маршал Франции; Этьен де Виньол по прозвищу Ла Ир, прославленный ратными подвигами; братья де Шабанн, потомки Каролингов, “наводившие большой страх на англичан” и т.д. Лучшие воинские таланты, оказавшиеся на службе у Карла VII, были приданы Жанне в помощь для борьбы за Орлеан”[6].

Во-первых, хочется спросить: чем занимались все эти воинские таланты на протяжении долгих лет войны, которая к моменту появления Жанны поставила Францию на край гибели? Во-вторых, хочется отметить, что очень часто Жанна спорила с перечисленными прославленными полководцами и, в конце концов, поступала вопреки их советам, благодаря чему и выигрывала многие сражения. Вот один из множества подобных примеров, сообщенный устами Дюнуа: “Тогда Жанна сказала мне: “Это вы - Бастард Орлеанский? ” “Да”, - ответил я; - “и я очень доволен вашим прибытием! ” ” Так, это вы посоветовали, чтобы меня провели этим берегом реки, а не прямо туда, где находятся

Тальбот и англичане?" "Да, и более мудрые чем я имели то же самое мнение, для нашего большего успеха и безопасности. " "Ради бога", - она тогда сказала, - "совещание моего Господа более безопасно и более мудро, чем ваше. Вы думали обмануть меня, но обманулись сами, поскольку я приношу вам лучшую помощь, чем, когда-либо прибывала к любому генералу или городу вообще, помощь Короля Небес "".

Тему военных заслуг Жанны достаточно полно исследовал Ф.Ромм, цитата из работы которого приведена ниже.

“Первой её победой, по-видимому, следует считать переправу обоза с продовольствием, под охраной небольшого числа воинов, с левого берега Луары на правый - под носом у англичан - в самом начале кампании под Орлеаном. Значимость этого успеха, спасшего город от голодной смерти, едва ли меньше, чем всей последующей кампании. Просто невероятно, как это могло получиться: ведь из-за английского обстрела орлеанцы даже не могли удить рыбу в реке! Впрочем, разгадка этого успеха становится ясной, если вспомнить, что в те же самые минуты на левом берегу, перед стенами Турели, находилась основная часть французской армии. Иначе говоря, внимание англичан было отвлечено мнимой угрозой штурма (производить который французы совершенно не были готовы), а тем временем продовольствие было переправлено в голодающий город.

Почти сразу после этого Жанна одержала ещё одну бескровную победу, когда провела главные силы армии мимо английских бастионов на правом берегу Луары. Описания этого события довольно скудны, но они позволяют сделать вывод, что девушка использовала тот приём, который мы называем "психическая атака".

Сразу после этого была произведена серия успешных атак на английские укрепления. Тактика была, как правило, довольно простой: люди Жанны нападали на противника, отвлекали его внимание, а тем временем кто-нибудь из других французских капитанов беспрепятственно подходил к тому же бастиону с другой стороны, после чего следовал общий штурм, губительный для осаждённых.

Отметим, что при взятии бастиона Сен-Луи (на правом берегу), когда из ближайшего укрепления прибыл отряд англичан на выручку осаждённым, Жанна моментально среагировала на изменение обстановки, направив 600 ополченцев с пиками навстречу новому противнику. Англичане вынуждены были остановиться, и бастион был успешно взят.

О личной отваге и мужестве Жанны говорят события, связанные со взятием Турели (на левом берегу Луары), когда Жанна, будучи раненой, подняла войско в решающую атаку, благодаря которой главный бастион англичан был взят.

Решающей стала битва при Патэ (вскоре после захвата Жаржо), когда французская конница, вопреки обычной французской тактике, внезапно с марша атаковала значительно превосходящие силы англичан.

Итак, налицо следующие составляющие побед Жанны: 1) тщательная подготовка каждой операции, 2) широкое использование военных хитростей, 3) моментальное реагирование на внезапные изменения военной обстановки, 4) стремительное маневрирование после каждого успеха, с тем, чтобы не дать неприятелю возможности оправиться, а также 5) личный пример солдатам. Заметим, что если первые два фактора не были необычными для методов ведения войны в те времена, то быстрота манёвра отнюдь не была тогда отличительной особенностью французской армии”[14].

В заключении хочется привести ещё одно свидетельство Дюнуа, наблюдавшего за Жанной при подготовке к штурму Труа: “Она отдавала превосходные распоряжения, так что самые известные и опытные военачальники не могли бы сделать лучше”.

“Разоблачение” 5. Меч Жанны.

В истории Жанны есть один удивительный факт. Во время подготовки к походу на Орлеан, Жанна неожиданно посылает людей в церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа в письмом к тамошним священникам, объяснив, что за алтарем этой церкви хранится меч. Удивленные священники действительно обнаружили этот меч и передали его Жанне. В Руане ее спросят о том, как она узнала, что в этой церкви был зарыт меч, и запишут ответ: “Этот меч лежал в земле, весь проржавевший. На нем было выгравировано пять крестов; то, что меч находится там, она узнала от своих голосов, но никогда не видела человека, который пошел за вышеупомянутым мечом, и она написала священнослужителям этой церкви, чтобы они были так любезны и отдали ей этот меч, и они его ей послали. ...Этот меч был неглубоко зарыт в землю, и священнослужители тут же выкопали его и очистили от ржавчины. ...На поиски меча отправился оружейных дел мастер из Тура... а священнослужители церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа подарили ей ножны, равно как и жители Тура; таким образом, у нее было двое ножен: одни из ярко-красного бархата, другие из золототканого полотна, а сама она заказала ножны из крепкой кожи, очень массивные. ...Когда ее схватили, при ней был не этот меч, а меч, который она взяла у одного бургундца”.

Этот чудесный меч, по преданию принадлежавший некогда франкскому королю Карлу Мартеллу, стал своеобразным талисманом Жанны, символом ее воинской удачи. Когда он сломался, многие увидели в этом дурное знамение.

Еще один меч Жанна привезла с собой из Вокулера – это был подарок Робера де Бодрикура. “Кроме того, она признала, что при отъезде из вышеназванного города Вокулёра она была в мужском костюме, носила меч, который ей дал Робер де Бодрикур, другого оружия не имела”.

Был еще трофейный меч, который Жанна принесла в дар аббатству Сен-Дени вместе с доспехами, когда вынуждена была уезжать из-под Парижа.

Итак, всего у Жанны было четыре меча – “чудесный” меч из Фьербуа, меч де Бодрикура, бургундский меч, подаренный Сен-Дени, и меч, с которым ее захватили в плен, также взятый “у одного бургундца”.

Но мановением пера ревизионистов меч из Фьербуа превращается...

“И самый поразительный факт: Жанна потребовала меч, некогда принадлежавший не кому-нибудь, а легенде Франции, знаменитому военачальнику - Бертрону дю Геклену, коннетаблю Карла V; потребовала его - и получила. И еще одна деталь: перстнем дю Геклена она уже обладала, явившись в Шенон. Как попал он в руки крестьянки?”[5].

Существует сохранившееся письмо одного из внуков Бертрона дю Геклена – Ги де Лавалья – датированное 8 июня 1429 года. В нем Ги де Лаваль пишет своей матери и бабушке: “Дева сказала мне, когда я был у нее в гостях, что три дня тому назад она послала вам, ба-бушка, золотое кольцо, но что это мелочь по сравнению с тем, что она хотела бы послать столь достойной жен-щине, как вы”. Как пишет по этому поводу В.Райцес: “Этот эпизод объясняется просто: бабушка Лавалей была вдовой прославленного Дюгеклена, “вели-кого коннетабля”, который полувеком раньше руководил операциями по изгнанию англичан”[7].

Не это ли колечко, “мелочь”, по словам Жанны, подаренное ею, как дань памяти легендарного коннетабля, ревизионисты объявляют “перстнем дю Геклена”?

Приведенное выше утверждение, по сути относящееся к череде аргументов в пользу королевского происхождения Жанны, мы рассматриваем отдельно потому, что за ним лежит более глубокая подоплека. Дело в том, что легендарный Бертран дю Геклен – предок Жилия де Рэ, который на протяжении нескольких веков был символом порока и едва ли не воплощением дьявола. Превращая меч, который молва связывала с военными

успехами Жанны в меч, полученный из рук Жилья де Ре, ревизионисты намекают на таинственную связь, якобы существовавшую между Жанной и Жилем.

Рассмотрим этот вопрос глубже.

«Разоблачение» 6. Жанна и Жиль.

Жиль де Лаваль, барон де Рэ, сеньор де Блезон родился в 1404 году, происходил из таких знаменитых французских фамилий, как Монморанси и Краон, и, благодаря своему владению де Рэ, считался первым бароном герцогства Бретань. Жиль де Рэ был человеком очень образованным и одаренным, владел замечательной библиотекой, и многие из книг возил с собой повсюду. Жиль был также талантливым военачальником, и слыл “добрым и храбрым капитаном”. В 1429 году он единственный из участников снятия осады с Орлеана, кроме самой Жанны, удостоился права поместить изображение королевских лилий на свой герб. Через три года после гибели Жанны, Жиль де Рэ финансирует постановку “Мистерии об осаде Орлеана”, где сам играет собственную роль. Однако, в 1440 году против Жилья инициируется светский и инквизиционный процесс, на котором его обвиняют во всех мыслимых и немыслимых преступлениях – связи с дьяволом, колдовстве, сексуальных извращениях и многочисленных убийствах детей. 26 октября 1440 года маршал Франции, барон Жиль де Рэ будет повешен, после чего его тело будет предано сожжению.

В течение многих веков после смерти Жилья де Рэ его имя связывалось с самим воплощением зла и жестокости, и до сих пор существует мнение о том, что именно Жиль стал прототипом героя сказки Ш.Перро “Синяя Борода”. Это мнение так прочно вошло в общественное сознание, что даже самые крупные и глубокие исследователи жизни Жанны д`Арк очень осторожно и вскользь упоминают имя Жилья рядом с именем Жанны. И стоит ли удивляться тому, что ревизионисты взялись за разработку этой темы прямо-таки с лихорадочной энергией?

“Самую пакостную версию преподнес русско-американский автор Г. Климов, автор “Князя мира сего” и “Имя мне легион” - этаких романизированных версий “Молота ведьм”... Вот что Климов пишет по интересующему нас вопросу - конечно, они были друзьями! Два сапога - пара, и не потому, что в Жиле было что-то хорошее, а потому что Жанна была по натуре столь же жестока, безжалостна и бесчеловечна. Просто она сумела сублимировать свои жестокость и кровожадность, поставив их на пользу государству, а он, дурак, не сумел”[13].

Но фантазия последователей Р.Амбелена толкает их дальше. Дружба – это скучно, считают они. А вот безнадежная любовь...

“Безнадежность эта порождалась вовсе не разницей в положении... Причина была свойства физиологического. Орлеанская Дева являлась гермафродитом”[12].

“В его <Жилья> глазах Жанна была пажом, одним из тех мальчиков, чью подростковую двуполость он обожал”[12].

“Один из ближайших сподвижников Девы Жиль де Рэ, которого впоследствии повесят, а потом и сожгут по обвинению в колдовстве, половых извращениях и убийствах детей, стал ее телохранителем и наставником. Один из прообразов “Синей Бороды”, он с отрочества предавался содомскому пороку, сначала играя пассивную, а затем активную роль, используя для этой цели мальчиков и девочек. Жиль влюбился в нее с первого взгляда. Его очаровало это двуполое существо, напоминавшее, как мы бы сейчас сказали, унисекс. Жанна не пыталась исправить преступные наклонности своего соратника-садиста, который насиловал беззащитных детей, и смягчить его дикий нрав. За ним закрепилась репутация вешателя, обрекавшего на мучительную гибель всякого, кто не мог

заплатить за себя выкуп”[1].

Оставим эти грязные инсинуации на совести их авторов. Отметим лишь несколько фактов:

1. Дважды – в Пуатье и в Руане - Жанна проходила комиссию, долженствующую установить ее девственность. В обоих случаях никаких “отклонений от нормы” обнаружено не было. Но, вероятно, некоторым трудно понять, как девушка, находясь среди мужчин, может сохранить невинность, не будучи гермафродитом.

2. По воспоминаниям современников Жанна внушала такое уважение и благоговение мужчинам, что они и не помышляли в ее присутствии ничего дурного.

“Как говорили, Гобер Тибо был сильным и статным и, бесспорно, из числа тех людей, которые с достаточной степенью проницательности могут судить о чистоте и невинности; наверное, именно он наиболее тонко почувствовал отношение солдатки к Жанне в то время, когда любая девица, следовавшая за армией, считалась солдатской девкой: “В армии она была всегда среди солдат; я слышал от многих близких Жанне людей, что она никогда не вызывала у них вожделения, то есть иногда они чувствовали желание плоти, но никогда не смели поддаться ему, и они считали, что нельзя хотеть ее; часто они разговаривали между собой о плотском грехе и произносили слова, способные возбуждать сладострастие, но, когда они видели ее, и она приближалась к ним, они замолкали, и внезапно прекращалось их плотское возбуждение. Я расспрашивал об этом некоторых из тех, кто иногда проводил ночь рядом с Жанной, и они мне отвечали, как я уже говорил, добавляя, что при виде Жанны они никогда не испытывали плотского желания””[9].

Похожее воспоминание оставил Бертран де Пуланжи: “За пределами <вокулерского> края хозяйничали английские и бургундские солдаты, и, опасаясь встречи с ними, мы провели в дороге всю первую ночь. Жанна-Дева хотела послушать мессу, но кругом шла война, а нам нужно было проехать незамеченными. Каждую ночь она ложилась рядом со мной и Жаном из Меца, не снимая плаща и сапог. Я был молод тогда, но, несмотря на это, не испытывал ни желания, ни телесного влечения и не посмел бы тронуть Жанну по причине той добродетели, каковую в ней видел”.

Точно так же отзывается о Жанне Жан де Мец: “На пути, Бертран и я спали каждую ночь рядом с нею - Жанна лежала с моей стороны, полностью одетая. Она внушала мне такое уважение, что ни за что на свете не смог бы я досаждать ей; также, никогда не имел я к ней - я говорю это под присягой - никакого чувственного желания”.

Жанна, без всякого сомнения обладала тем, что сейчас принято именовать “харизмой”, она покоряла сердца и простых людей и знати мощным обаянием добродетели. Вот что пишет об этом В.Тропейко: “Все соратники упоминают, что в отличие от мрачных религиозных фанатиков, на людях у нее всегда было веселое лицо, излучающее радость, для каждого наготове любезное и уместное слово; только наедине с Богом, во время исповеди и молитвы она плакала; ее абсолютная уверенность в победе укрепляла сомневающихся; невинность и детская непосредственность привлекала сердца грубых воинов, привыкших видеть вокруг лишь шлюх; юная красота радовала глаза, пылкая вера внушала уважение и благоговение”[3]. Безусловно, что Жиль де Рэ не стал исключением и поддался этому влиянию, и только нравственная убогость желает видеть в симпатии Жили порок и похоть.

3. Жанна неустанно приносила в грубый солдатский быт французской армии элементы духовной жизни, по мере сил стараясь исправить дурные наклонности своих соратников. Вот слова герцога Алансонского: “Жанна сильно гневалась, когда слышала, что солдаты сквернословят, и очень их ругала, и меня также, когда я бранился. При ней я сдерживал себя”. Есть свидетельства о том, что Жанна призывала солдат исповедоваться и причащаться, прогоняла из лагеря женщин легкого поведения, строго запрещала грабить.

Так чего же стоят утверждения о том, что Жанна знала о “преступных наклонностях” своего сподвижника и не пыталась их изменить, если даже совершенно незнакомые и посторонние люди не оставляли ее равнодушной? Вот, например рассказ вдовы некоего Жана Юре на Оправдательном процессе: “Я хорошо помню, и сама видела и слышала, как однажды, знатный господин, идя по улице, начал клясться и поносить Бога; и когда Жанна сие увидела и услышала, то была очень встревожена, и подошла к господину, каковой клялся, и, взяв его за шею, сказала, "Ах! Сударь, Вы отрицаете нашего Создателя и Господина? Ради бога, Вы должны взять свои слова обратно прежде, чем я оставлю вас. " И затем, насколько я видела, означенный господин раскаялся и исправился, от увещаний упомянутой Девы”.

4. В 1992 году коллегия французских юристов подняла материалы процесса над Жилем де Рэ, и, внимательно их изучив, пришла к выводу, что процесс был сфабрикован церковными и светскими властями герцогства Бретань в сугубо корыстных целях.

“Обвинением не было предъявлено никаких вещественных доказательств. Убитые горем родители порой не могли назвать ни пола, ни возраста, ни имени своих погибших детей. Из многочисленной дворни Жилия только двое слуг дали однозначные показания против своего господина, за что и были в благодарность сожжены как сообщники. Зато все прочие "подельники" были освобождены - в первую очередь алхимик Франческо Прелати, показания которого сыграли роковую роль в обвинении (впоследствии Прелати все же был повешен, но не за алхимию, а за кражу и подделку печатей казначея Бретани), затем духовник Жилия Эташ Бланше (его роль в деле неясна), и, что самое интересное, некая ведьма Перрин Мартен, по прозвищу Ла Меффрей ("наводящая страх"), обвинявшаяся в том, что поставляла Жилию детей - и это при том, как беспощадна была инквизиция к женщинам, лишь заподозренным в причастности к ведовству. Владения Жилия перешли почему-то именно к тем лицам, кто дал ход делу и санкционировал смертный приговор - епископу Нантскому и герцогу Бретонскому, а жители Нанта, где происходила казнь, оделись в траур и оплакивали осужденного”[13].

Таким образом, через 552 года после казни, Жиль де Рэ был реабилитирован.

Хотелось бы отметить, что в “трудах” ревизионистов нравственный облик Жанны выведен с точностью до наоборот по отношению к тому, который предстает со страниц исторической литературы. Делается это как бы исподволь и между строк, однако довольно четко прочитывается. Один из таких примеров приведен выше – Жанна, не пытающаяся повлиять на Жилия-садиста. Здесь используется психологический ход – подсознательно люди считают того, кто знает о преступлении и молчит, соучастником преступления. Вспомните шаблонную фразу: “С их молчаливого согласия...”

Ниже будут рассмотрены другие попытки вывернуть образ Жанны наизнанку.

“Разоблачение” 7. Безнравственная и жестокая Жанна.

В первую очередь искажаются мотивы, подвигнувшие Жанну вступить на ратное поприще.

“Жанна выполнила в пресловутый третий день большую часть миссии, возложенной на нее, - убедила Карла VII в том, что он король "милостью божией". Она сделала это в ущерб законному монарху, будь то малолетний король Англии (в соответствии с правом единоутробности и согласно завещанию), или герцог Орлеанский (в соответствии с салическим правом). Английский король Генрих VI Плантагенет приходился ей всего лишь племянником, герцог Орлеанский - сводным братом, а вот Карл VII - братом родным. "В средние века люди не затрудняли себя особыми принципами, каждый думал о

своей выгоде и боролся за нее”[6].

Как видим, Жанна, болеющая душой за родную землю, которую попирают чужие сапоги, и преодолевающая свою женскую природу в стремлении вернуть Франции свободу и независимость, ревизионистов не устраивает. Им намного приятнее думать, что все это она проделала ради “своей выгоды”.

“Жанна не обращала английских наемников в бегство мановением своего штандарта, напоминает член французской Академии истории Робер Амбелен в “Драмах и секретах истории” (Robert Ambelain. “Drames et Secrets de L’Histoire. 1306 – 1643). Сама Жанна признавалась, что “множественно” поражала врагов своим мечом из Фьербуа”[1].

“На вопрос, что она больше почитала, свое знамя или меч, она ответила, что гораздо больше почитала, т.е. в сорок раз, знамя, чем меч. На вопрос, кто приказал ей нарисовать на знамени упомянутое изображение, она ответила: “Я уже достаточно вам говорила, что ничего не делала, кроме как по указанию бога”. Она также сказала, что, когда нападала на противников, сама носила указанное знамя, с тем чтобы никого не убивать; и она сказала, что ни разу не убила человека” (из протокола допроса Жанны в Руане от 27 февраля 1431 года) [8].

Вопрос: когда Жанна заявляла о том, что “множественно” поражала врагов “чудесным мечом”?

“Сразу после коронации у Жанны отобрали приданный ей ранее отряд из высокопоставленных полководцев и семи тысяч солдат. Объясняли это тем, что Жанна своей властью, несдержанностью и другими действиями восстановила против себя своих соратников. К примеру: “... приказала отрубить голову ... Франке Д' Аррасу” (см.: Ангерран де Монстреле. Летопись, гл. 84); “Когда кто-нибудь из ее людей совершал ошибку, она из всех сил колотила его своей дубинкой” (см.: Персиваль де Буленвиллье. Письмо герцогу Миланскому). Действительно, такое вполне могло иметь место. Великодушие и буйная жестокость - вот ее наследственные черты”[6].

1. Инцидент с Франке из Арраса случился намного позже, чем пишет автор данной реплики. В апреле 1430 года, незадолго до пленения под Компьеном, отряд Жанны вступает в стычку с англобургундской бандой, предводителем которой являлся наемник Франке д' Аррас. В результате этого сражения банда разбегается, а сам Франке попадает в плен к Жанне. Незадолго до этого события в Париже был разоблачен крупный заговор против бургундских властей, в котором принимали участие представители духовенства, ремесленники, торговцы. Жанна хочет обменять плененного Франке из Арраса на одного из участников этого заговора – некоего Жака Гийома, однако вскоре узнает, что Жак был казнен. Тогда Жанна не “приказывает отрубить голову” своему пленнику, а принимает решение передать его в руки балли Санлиса, который требовал выдачи д' Арраса как преступника. После двухнедельного уголовного процесса Франке из Арраса был осужден и казнен.

2. Никакой дубинки в снаряжении Жанны не было. Что касается “жестокости” Жанны, то можно привести массу примеров того, как она относилась не только к своим солдатам, но и к вражеским.

После первой победы, по словам Жана Паскереля, “когда форт Сен-Лу был взят, англичане были умерщвлены там во множестве. Жанна премного сокрушалась, когда слышала, что они умерли без покаяния, и жалела их очень. Там же, на месте она исповедовалась. Она приказала, чтобы я пригласил целую армию поступить также, во имя

благодарности Богу за победу, только что полученную”.

В битве за Турель Жанна, получившая ранение и вернувшаяся в бой, кричала английскому военачальнику: “Класидас! Класидас! подчинись, подчинись Королю Небес! Вы назвали меня шлюхой, но я имею большую жалость к вашей душе, и к вашим людям”. В это мгновение Класидас, полностью вооруженный с головы до пят, упал в Луару, где и был утоплен. Жанна, тронутая такой его смертью, начала оплакивать душу Класидаса, и всех других, кто, в большом числе утонули, в то же самое время, что и он”.

Луи де Кут на Оправдательном процессе описал эпизод, произошедший после битвы при Патэ. “К концу дня я застал ее там, где рядами лежали мертвые и умирающие. Наши солдаты смертельно ранили английского пленного, слишком бедного, чтобы заплатить выкуп. Жанна издали увидела это злое дело; она примчалась туда вскачь и послала за священником, а сама положила голову умирающего врага к себе на колени и старалась облегчить ему последние минуты нежными словами утешения, как сделала бы родная сестра, - и слезы сострадания струились по ее лицу”.

“Своих солдат, отправившихся накануне сражения к гулящим девкам, она разбранила. Оседлав коня, Жанна гонялась за путанами по лагерю и даже сломала об их спины знаменитый меч, доставшейся ей от ее действительного отца Луи Орлеанского”[1].

Прошу обратить внимание на совершенно омерзительные интонации, которыми описана вышеприведенная сцена.

Герцог Алансонский на Оправдательном процессе действительно утверждал, что Жанна сломала свой меч о спину девушки из Оксера или Сен-Дени, но Луи де Кут категорически опроверг это заявление в своих показаниях: “Она не хотела, чтобы в армии находились женщины, и однажды около Шато-Тьерри, увидев девицу, прогнала ее, пригрозив мечом, но она не ударила ее, ограничившись тем, что мягко и сдержанно посоветовала ей не появляться больше среди воинов, иначе она, Жанна, примет против нее меры”.

Константин Жоль

Тернистый путь рационализма

Монархические капризы и «шутки» янсенистов. Ох, уж эти «просвещенные» монархи! Одной рукой душат свободомыслие, а другой щедро разбрасывают подачки тем, кто их прославляет и возвеличивает.

В «просвещенную эпоху» Людовика XIV во Франции организуется ряд академий, а вместе с тем историки, смущаясь, описывают бесстыдную сделку между Людовиком XIV и папой Александром VII. Но вначале об академиях.

Французская Академия наук (Academie des Sciences) конституировалась по образцу уже существовавших к тому времени во Франции двух академий – Литературной Академии (1635), которую патронировал кардинал Ришелье, оказавший весьма существенное влияние на духовную жизнь своей страны, и Королевской Академии живописи и скульптуры (1648, 1663), ныне известной как Академия изящных искусств (Academie des Beaux-Arts). Эти три французские академии, вместе с двумя другими,

сегодня называются Institut de France.

Своим возникновением Французская Академия наук обязана генеральному контролеру (министру) финансов Франции Жану Батисту Кольберу (1619–1683), который, будучи весьма образованным человеком, стремившемся упрочить контакты с учеными (Р. Декарт, Б. Паскаль, П. Гассенди, М. Мерсенн и др.), начал привлекать прогрессивную научную общественность для обсуждения различных проблем науки и государственного строительства. Первая организованная им встреча ученых состоялась в королевской библиотеке (Париж). В 1699 году собрания этого общества были перенесены в Лувр под названием Королевской Академии наук (Academie Royal des Sciences).

От предметов возвышенных перейдем к рассмотрению предметов низких.

Длительное время Людовик XIV и папа Александр VII находились в состоянии вражды. Но вот как-то раз, отдышавшись после очередной перебранки с Римом, французский король решил пойти на мировую с понтификом и переслал в Рим кругленькую сумму для закупки церковных реликвий.

Обрадовавшись неожиданной щедрости короля, папа поторопился отправить во Францию требуемые реликвии. Но случилось так, что французский епископ, которому было доверено вскрыть для проверки драгоценный груз и который тайно симпатизировал янсенистам, оппозиционно настроенным по отношению к папе, решил подшутить над первосвященником, поскольку хорошо знал, что подчас представляют из себя пресловутые реликвии. Самым невинным тоном этот злой шутник предложил привлечь анатомов, которые разобрали бы и классифицировали кости усопших святых.

Надпись на первом ящике гласила, что в нем лежат останки двух знаменитых мучеников. Когда же кости извлекли на свет, оказалось, что из них можно составить три скелета вместо двух. Во втором ящике обнаружили две собачьи голени и три ослиные бедренные кости. Сюрприз поджидал экспертов и в третьем ящике, где нашли хорошо сработанную из картона «голова святого Фортуната».

Людовику XIV вручили подробный отчет экспертизы. Но монарх даже не повел бровью. В огонь полетели не ослиные кости, а протокола анатомов. Свидетелям же экспертизы было строго-настроено запрещено разглашать происшедшее. В противном случае им грозили застенки Бастилии.

Со временем Людовик XIV жестоко отплатил янсенистам за их многочисленные «шутки» по разоблачению антиморального поведения церковных иерархов.

Кто такие янсенисты?

Кое-что о них уже было сказано на страницах этой книги. Теперь дополню сказанное.

Основателем янсенизма был голландец Корнелий (или Карл) Янсений, воспитанник иезуитов, ставший в начале XVII века епископом Ипрским. Когда Янсений познакомился с проклятым римской курией учением лувенского профессора XVI столетия Михаила Байуса, в душу его закрались сомнения, усилившиеся после изучения трудов Августина. В духе кальвинистов он стал отрицать свободу воли и защищать идею предопределения. Янсений доказывал, что человеческая природа порочна и что спасутся лишь те, которые предопределены к спасению.

Янсенизм чреват был отрицанием посреднической роли церкви, что сближало янсенистов с кальвинистами в их французском варианте, то есть с гугенотами. Симптоматично, что янсенизм называют католическим протестантизмом, так как он, не порывая с католической церковью, разделяет августино-этические основоположения протестантов.

Во Франции янсенизм нашел благодатную почву в провинциальном женском монастыре Пор-Рояль, которым руководила строгая и благочестивая аббатиса Анжелика Арно. Оттуда дух янсенизма перекочевал в парижский филиал Пор-Рояля.

Папские проклятия и правительственные гонения содействовали тому, что янсенизм

принимал все более резко выраженный политический характер. Янсенистами становились не в силу отрицания иезуитского толкования «благодати» и не в силу испепеляющей критики взглядов католиков-ультрамонтанов, которые всячески способствовали возвышению престижа папского престола и в лице иезуитов нашли верных единомышленников, а потому, что ненавидели абсолютистский режим короля Людовика XIV.

Иезуиты без особого труда убедили Людовика XIV в том, что янсенисты составляют партию республиканцев-заговорщиков. Вzbешенный король запальчиво заявил, что он скорее примирится с атеизмом, чем с янсенизмом. По его приказу янсенистский монастырь Пор-Рояль был разрушен; были выкопаны даже трупы похороненных там янсенистов.

Внутренняя драма «Мыслящего Тростника». В свое время во главе янсенистов стоял великий французский ученый Блез Паскаль. Из всех обитателей монастыря Пор-Рояль он был самой мощной по духу личностью, беспощадно обнажавший суть иезуитизма и притом так, как никто ни до, ни после него. Им же безоговорочно отрицалась папская непогрешимость. Противоречивая натура Паскаля отразила всю половинчатость янсенистов, которые не хотели признавать власти римской церкви, но все-таки не отважились отвергнуть ее.

Паскаль был человеком большого ума и, что не всегда свойственно интеллектуалам, доброго сердца. Так отзывался о нем Ш.-О. Сент-Бев, известный французский литератор XIX века, автор шеститомного исследования истории Пор-Рояля.

По словам Льва Толстого, Паскаль умел «писать кровью своего сердца».

Блез Паскаль, чье имя овеяно легендами, родился 19 июня 1623 года в городе Клермон-Ферране, расположенном в Овернье, одной из самых гористых провинций Франции. Этот город был основан еще римлянами.

На одной из клермонских улиц находился дом семейства Паскалей, вполне соответствующий средневековым городским строениям, архитектурный стиль которых сохранялся во Франции примерно до XVIII века. Он имел несколько этажей, соединенных винтовой лестницей. К дому примыкал небольшой дворик.

Паскали принадлежали к судейскому дворянству. Члены этого старинного овернского рода считались людьми честными и справедливыми.

По традиции Паскали служили в клермонском парламенте. Чиновники парламента являли собой касту «дворянской мантии», в противовес старой дворянской знати, которую именовали «дворянством шпаги».

Отец Блеза, Этьен Паскаль, был человеком образованным и талантливым, служившим выборным королевским советником финансово-податного округа Овернь, а в 1626 году купил еще должность второго президента палаты сборов в соседнем городе Монферране.

Мать Блеза, в девичестве Антуанетта Бегон, была моложе своего мужа на восемь лет. Они родила четырех детей, но первый ребенок не дожил даже до крещения. Вскоре после рождения четвертого ребенка Антуанетта Паскаль умерла, оставив на руках тридцативосьмилетнего мужа троих малолетних детей – двух девочек, Жильберту и Жаклину, и слабенького Блеза.

Этьен Паскаль после смерти жены большую часть своего времени стал посвящать детям, решив вторично не жениться. Отдавая предпочтение домашнему обучению и не слишком доверяя учителям, он без устали придумывал игры и развлечения, которые помогали детям заучивать учебный материал. Своих дочерей он учил латыни и начаткам математики, а хрупкого и легко возбудимого Блеза занятиями не только не переутомлял, но даже прятал от него книги по математике. Тем не менее уже в возрасте четырех лет мальчик читал и писал, легко производил в уме сложные вычисления, чем поражал и восхищал своих близких.

Когда дети подросли, Этьен Паскаль начал подумывать о переезде в Париж. Являясь незаурядным математиком и стремясь дать детям хорошее образование, он тяготился провинциальным Клермоном, служебными делами, которые отвлекали его от занятий математикой и воспитания детей.

Осенью 1631 года Этьен Паскаль осуществляет задуманный переезд в столицу.

Если кто-то наивно полагает, что Париж тех времен выгодно отличался своей бытовой стороной жизни от провинциальных городов, тот, смею вас заверить, изрядно заблуждается. Париж д'Артаньяна и кардинала Ришелье имел облик довольно грязного средневекового города. Старые крепостные рвы служили местом свалки отходов. Узкие и кривые улицы, сохранявшие название средневековых цехов, тротуаров не имели, а во время дождей по ним устремлялись зловонные потоки грязи. Кстати, древнее название Парижа – Лютеция (от лат. *luteus* – грязный).

Чистоплотность французов, включая парижан, долгое время оставляла желать лучшего. Бани, наследие Рима, становятся в XV–XVII веках редкостью. Церковники всех мастей обличали бани как рассадник бесстыдства. При дворе Людовика XIV к бане прибегали лишь в порядке исключения, в случае заболевания, а не для поддержания чистоты тела. Только в Восточной Европе практика пользования общественными банями оставалась в силе вплоть до небольших деревушек.

Скверно обстояли дела и с уходом дам за своим телом. Кокетки предпочитали пользоваться не мылом, которое было тогда большой редкостью, а косметической «штукатуркой». Особое внимание дамы уделяли внешнему виду, в частности прическам. Чтобы сложные и причудливые прически сохраняли форму, их заливали топленым бараньим салом, служившим отменной пищей для насекомых. Для борьбы с этой кишашей мерзостью применялись «блохоловки» – небольшие коробочки с клеем, которые носили под платьем.

В правилах хорошего тона того времени говорилось, что кавалеры не должны облизывать руки во время еды, плевать в тарелку и сморкаться в скатерть.

От Клермон-Феррана до Парижа 420 километров нелегкого пути по отвратительным дорогам.

На чем могли добираться до Парижа наши путешественники?

Вполне возможно, что это был экипаж с поворотной передней тележкой, ведущей свою родословную от артиллерийских повозок, которые стали использоваться во второй половине XV века. А может быть, они тряслись в дилижансе, появление которого на европейских дорогах датируется XVII веком. Что касается кареты, то она появилась в конце XVI века и представляла собой неудобное и некомфортабельное средство передвижения. В первой половине XVII века карета в виде тяжелого деревянного ящика, подвешенного на ремнях к специальным выступам, укрепленным на осях колес, была еще новшеством. В карету попарно впрягали шесть или восемь лошадей, на одной из которых сидел кучер, так как козел еще не было. Рессор также не было. Поэтому езда в карете становилась сущей мукой. Наконец, карета не имела поворотного круга, в результате чего при повороте она вынуждена была описывать огромную дугу. На каретах можно было ездить королям и вельможам на бал, но не путешествовать по жалкому подобию французских дорог XVII века.

Единственной пригодной для карет дорогой была мощенная камнем дорога от Парижа до Орлеана, крупнейшего и важнейшего речного порта Франции. Не случайно эту дорогу называли королевской. Все остальные дороги были в плачевном состоянии вплоть до начала XIX века.

Население Парижа, куда направлялись Паскали, составляло около полумиллиона человек. Город давал приют пастухам, хлебопашцам и виноградарям, о чем свидетельствовало мычание и блеяние на его улицах, а также сады и огороды внутри

крепостных стен с их громадами обветшавших башен. Городские жители той поры зачастую лишь наполовину были горожанами.

Посреди ночи в Париж начинали стекаться крестьянские повозки, груженные овощами и фруктами. На рассвете город наполняли булочники из Гонеса и бродячие торговцы с корзинками макрели, устриц, рыбы.

Во время «ярмарки окороков» толпы крестьян из окрестностей столицы с раннего утра собирались на улице Нев-Нотр-Дам с огромным количеством окороков, сосисок и кровяных колбас. Такой «праздник живота» доставался дорогой ценой, ибо крестьяне продавали больше чем излишки. Сами же они питались просом, а раз в неделю ели солонину. Парное мясо в меню крестьян и ремесленников было слишком дорогой роскошью. Соленая свинина являлась обычным мясным рационом европейской бедноты.

Когда наши путешественники достигли городских предместий, их захлестнула волна малоприятных запахов, исходивших от свалок и канав с отбросами.

После проверки документов и оплаты городской ввозной пошлины они въехали в город, на гербе которого красовался серебряный корабль, плывущий по лазурной волне.

Многие парижане, не говоря уже о приезжих, не имели собственных домов, а снимали жилье на определенный контрактный срок. Этьен Паскаль также не стал приобретать недвижимую собственность в столице. Это было слишком накладно и невыгодно. Первоначально он поселился на улице Жюиф, недалеко от центра, а потом несколько раз в течение восьми лет менял местожительство. За самую дорогую квартиру на улице Нев-Сент-Ламбер он платил 600 ливров.

В Париже Этьен Паскаль завязал отношения с известными математиками. О незаурядности его научных способностей свидетельствует открытие знаменитой алгебраической кривой четвертого порядка – так называемой «улитки Паскаля».

Он оказался не только глубоким ученым, но и незаурядным педагогом, учившим своих детей самостоятельно и критически мыслить. При этом во главу угла ставилось правило, согласно которому трудности изучаемого предмета не должны превышать умственных сил ребенка.

Слыша и видя, кто и как беседует с отцом о математике и ее проблемах, Блез все чаще приставал к нему с просьбами обучить этой интригующей его науке, но тот не спешил, щадя здоровье мальчика.

Однажды Этьен Паскаль, уступая настойчивым просьбам сына, кратко разъяснил ему, что собой представляет наука геометрия. Но при этом запретил любознательному малышу думать о математике и читать математические трактаты.

Запретный плод сладок. Разыгравшееся воображение Блеза заставляло его уединяться в комнате для игр и там чертить углем на полу и на стенах геометрические фигуры, отыскивая затем пропорции между элементами этих фигур. В своих занятиях он настолько продвинулся, что дошел до 32-й теоремы первой книги Евклида. За этими занятиями и застал его как-то раз отец. Этьен Паскаль был ошеломлен увиденными геометрическими фигурами и еще больше потрясен объяснениями сына. Он молча вышел из комнаты и поспешил к своему другу – математику Ле Пайеру. Когда тот увидел чертежи Блеза и поговорил с мальчиком, Этьен Паскаль услышал от своего друга:

– Это несправедливо и жестоко – сковывать такой ум и прятать от мальчика книги по математике.

После случившегося Этьен Паскаль решил изменить свой план занятий с сыном. Он дал ребенку «Начала геометрии» Евклида, которые Блез одолел быстро и без посторонней помощи. С тех пор пылкий искатель истины приступил к систематическому изучению математики под руководством отца и вскоре превзошел его. В тринадцать лет он был допущен на заседания математического кружка францисканского монаха Мерсенна, который регулярно посещал его отец.

Вновь Мерсенн, тот самый Марен Мерсенн, который вместе с Декартом учился в коллегии Ла-Флеш. Благодаря своему вкладу в становление научного сообщества Нового времени этот монах заслуживает более подробной характеристики.

После завершения учебы в коллегии Мерсенн решил посвятить себя религиозной жизни и обосновался в монастыре миноритов, «меньших братьев» францисканцев. Выбор монастыря, где монахам предписывалось непрестанное покаяние и строжайший пост, свидетельствует о склонности Мерсенна к нравственному аскетизму. Может быть, подобная склонность и предопределила бескорыстный характер его служения научной Истине. Начав с богословских сочинений, этот сухощавый человек с добрыми глазами и мягкими чертами лица постепенно углубился в изучение научных проблем. В итоге, как отмечают его биографы, Мерсенн начал трактовать Евангелие в качестве своеобразного сборника физических проблем.

Мерсенн познакомил французов с трудами Галилея, отважившись издать их на французском языке, несмотря на осуждение книг римской курией. Как ученый, он первым дал определение скорости звука. Его перу принадлежат сочинения о конических сечениях и квадратных корнях, о реках Франции и движении жидкостей, о законах качания маятника и музыки. Но все же Мерсенн в первую очередь известен не своими научными заслугами, а заслугами в деле объединения европейских ученых в одно сообщество.

В 1636 году начал функционировать знаменитый кружок Мерсенна, членами которого были многие парижские ученые. Современные историки науки скажут, что подлинным центром французской науки в первой половине XVII века была келья францисканского монаха Мерсенна, который неустанно вел переписку практически со всеми известными европейскими учеными. Поскольку тогда еще не существовало научных журналов, Мерсенн служил важным посредником в общении ученых Европы между собой. К нему стекались сведения о всех научных новинках. Сообщить ему эти сведения – значило сделать новинку известной всей Европе. Совершенно правильно замечено, что Мерсенн как бы дирижировал ходом европейского научного процесса, не только сообщая другим ученым имеющиеся у него сведения, но и нацеливая их на решение тех или иных познавательных задач. В числе его корреспондентов были такие выдающиеся умы науки, как Галилей, Торричелли, Кавальери, Декарт, Ферма, Гюйгенс, Роберваль. Немало он сделал и как популяризатор науки.

В келье Мерсенна обсуждались результаты научных опытов и наблюдений, сложные математические задачи и теоремы, а также научные новости, поступавшие из других стран Европы. На этих ассамблеях царила атмосфера высокой научности.

Юный Блез Паскаль вначале только слушал разговоры взрослых, впитывая, как губка, новые математические знания. В пятнадцать лет он уже на равных принимает участие в научных беседах, обнаруживая при этом способность находить незаметные ошибки в доказательствах.

Блезу исполнилось шестнадцать лет, когда он написал и опубликовал свое замечательное исследование о конических сечениях, вызвавшее большой резонанс в кружке Мерсенна.

Заинтересовавшись этим «авторефератом», Декарт написал Мерсенну письмо с просьбой выслать сочинение Паскаля. К сожалению, при ознакомлении с этим сочинением у Декарта возобладали эмоции над рассудком: ему не хотелось верить, что автору всего лишь шестнадцать лет. К тому же в памяти свежа была ссора между ним и Робервалем, который вместе с Этьеном Паскалем выступил в поддержку раскритикованной Декартом работы Ферма «О наибольших и наименьших величинах». По-видимому, боязнь церковных рогаток, приводившая к некоторой недосказанности его научных текстов, сделала Декарта болезненно ревнивым к новаторским суждениям его научных коллег. Еще Лейбниц заметил у него странную привычку искажать взгляды

своих соперников. Что же касается Блеза Паскаля, то, по мнению Сент-Бева, Декарт относился к нему с беспокойной бдительностью охранителя собственных прав, считая его опасным конкурентом. Вероятно, по причине пренебрежительного Декартова отзыва о его работе Паскаль охладил к ней и не довел до конца начатое.

В 1633 году Этьен Паскаль продает свой дом в Клермон-Ферране, а через год продает своему брату и должность. Затем, сделав два займа на сумму в несколько тысяч ливров, начинает заниматься финансовыми операциями, которые принесли ему значительную прибыль. В этот период на его жизненном пути возникает фигура кардинала Ришелье.

Идеалом Ришелье было сильное, централизованное государство под абсолютистской властью монарха. Он не терпел своеволия дворян, угрожающего этому идеалу. Но все же кардинал не мог не учитывать силу французского дворянства. Освобождая дворян и духовенство от налогов, Ришелье должен был пополнить казну какими-то другими способами. В связи с этим он обращает свой взор на держателей государственных рент и решает за их счет поправить финансовые дела королевства. Отныне все чаще практикуется неуплата, отсрочка и сокращение размеров гарантированных платежей, а затем выплата рент вовсе отменяется. Для многих рантье это было разорением.

Незадолго до этого в парижской магистратуре рантье устроили собрание протеста, участником которого был и Этьен Паскаль. На него и еще трех рантьеров пало подозрение в подстрекательстве. Разгневанный Ришелье, который не прощал никому даже малейшего неповиновения своей воле, приказал упрятать всех четырех строптивцев в Бастилию. Трое были схвачены и посажены в эту мрачную королевскую тюрьму, а Этьен Паскаль, предупрежденный друзьями, успел вовремя скрыться.

Прячась от шпионов кардинала, Этьен Паскаль все же не покинул Париж, где оставались его дети. Когда неожиданно заболела оспой Жаклина, опальный отец, презрев опасность и забыв о страхе, вернулся в свой дом и начал ухаживать за дочерью. Только после ее выздоровления он бежал в родную Овернь. Дети остались на попечении друзей. Роль хозяйки взяла на себя энергичная и волевая Жильберта. Но главную роль в судьбе Паскалей суждено было сыграть Жаклине, которая была способным литератором и талантливой актрисой.

Незадолго до описываемых событий забеременела жена Людовика XIII Анна Австрийская. Этого ожидали давно и с большим нетерпением, ибо оставался открытым вопрос о наследнике королевского престола.

В ознаменование столь важного для двора события Жаклина написала сонет, который волею случая оказался в руках королевы. Сонет ей понравился, и она изъявила желание познакомиться с юной поэтессой.

В назначенный день Жаклина явилась в королевские покои. Ее обступили придворные дамы, прося почитать стихи. Девушка тут же сочинила несколько заказанных ей эпиграмм. Затем она была приглашена в кабинет королевы.

Королева удивилась способностями маленькой поэтессы и решила приблизить ее к себе. С тех пор Жаклина, осыпанная королевскими ласками, стала часто бывать в придворном обществе и даже удостоилась чести обслуживать королеву, когда та уединенно обедала в своих покоях.

Слабость к поэзии и театру проявлялась не только у королевы, но и у кардинала Ришелье. Кардинал даже пытался что-то писать для театра. За ним числится несколько трагедий, на постановку которых было истрачено около ста тысяч экю.

Однажды кардинал спросил литератора Демарре де Сен-Сорлена:

– Как вы думаете, что доставляет мне наибольшее удовольствие?

– Заботиться о благе Франции, – бодро отпартовал литератор.

– А вот и не угадали, – захихикал кардинал. – Наибольшее удовольствие я испытываю, когда пишу стихи.

Придворный литератор подобострастно улыбнулся, а сам подумал: «Еще, ваше высокопреосвященство, вы любите бросать непокорных вам поэтов в Бастилию. И не дай Бог вызвать у вас подозрение в нелояльности».

От этих грустных мыслей члену Литературной Академии стало не по себе, и он постарался тут же забыть о своей мимолетной крамоле.

Как-то раз в феврале 1639 года в голову кардинала пришла фантазия, чтобы молоденькие девушки разыграли для него любовную комедию мадемуазель де Скюдери «Переодетый принц». Постановку пьесы и подбор актеров он поручил своей племяннице, герцогине д'Эгийон. Герцогиня была расположена к семейству Паскалей и, учитывая, что Жаклина обласкана королевой, предложила ей роль. Вначале Жаклина отвергла это предложение, сказав, что ей сейчас не до развлечений, но умная герцогиня намекнула, что участие девушки в спектакле может оказаться на пользу ее отцу. Тогда Жаклина согласилась. И действительно, замысел герцогини удался.

Игра актеров очаровала присутствующих. Не остался равнодушным и кардинал Ришелье.

Улучив момент, Жаклина подбежала к кардиналу и начала декламировать посвященный ему мадригал. Сентиментальный деспот был растроган. Воспользовавшись этим, Жаклина обратилась к нему с просьбой простить отца. В ответ на просьбу милого создания кардинал во всеуслышание заявил, что Этьен Паскаль может возвращаться домой, ничего не опасаясь. Более того, по подсказке ловкой герцогини д'Эгийон, кардинал изъявил желание встретиться с Этьеном Паскалем.

Так благодаря талантам дочери и доброжелательству герцогини закончилась опала Этьена Паскаля. Вернувшись в Париж, он посетил кардинала, который предложил ему пост интенданта в Верхней Нормандии для обложения и взимания налогов, а также для выполнения других дел, касающихся королевской службы.

Должность интенданта была учреждена после разгрома в 1632 году мятежа феодальной аристократии. Интенданты назначались из мелкого дворянства. Что же касается Этьена Паскаля, то Ришелье стремился подчинить своей воле мятежный дух провинившегося рантье.

Вскоре вся семья Паскалей переехала в Руан, главный город Нормандии.

Этьен Паскаль занимал интендантский пост почти восемь лет. Это были тяжелые годы. В 1639 году в Нижней Нормандии вспыхнуло крупное восстание, вызванное непомерными налогами. «Босоногие», так именовали участников жакерии (фр. *Jacquerie* от *Jacques Bonhomme* – Жак-простак, в средневековой Франции – презрительная кличка, данная дворянами крестьянам; слово «жакерия» стало нарицательным во Франции для обозначения крестьянских восстаний), беспощадно преследовали откупщиков и сборщиков податей, разжиревших церковников и алчных буржуа. Для подавления восстания были брошены наемные иностранные войска под командованием генерала Гасьона и во главе с канцлером Сегье, облеченным чрезвычайными полномочиями.

2 января 1640 года королевские войска вошли в мятежный Руан. В свите канцлера прибыл в Руан и новый интендант по финансовым вопросам Этьен Паскаль. В городе была учинена жестокая расправа над зачинщиками бунта.

Дети Этьена Паскаля прибыли в город позднее, когда там воцарился тягостный мир. Жильберте уже минуло двадцать лет. Отец начал подумывать о ее замужестве. Его выбор падает на Флорена Перье, сына кузины. Во Флорене Перье ему нравились здравость ума, независимость суждений и любовь к науке. Свадьба состоялась летом 1641 года, а весной следующего года счастливая Жильберта родила своего первенца.

Финансовые дела, которыми надлежало заниматься новому интенданту, находились в крайне запущенном состоянии. Поэтому приходилось выполнять много счетной работы. Помогая отцу, Блез углубился в вопросы теории чисел и одновременно задумал построить

арифметическую машину. Это была небезопасная затея, ибо создатель такой машины легко мог попасть в число еретиков по причине замены мысли, вложенной в человека Богом, механическим инструментом, созданным руками греховного и несовершенного человеческого существа. Этот «грех» осознавал и сам Блез, когда писал, что «арифметическая машина производит действия, которые ближе к действиям мысли, чем все то, что могут произвести животные...».

В созданном Паскалем «арифмометре» современные ученые усматривают прообраз кибернетических машин. По их мнению, Паскаль был фактически первым изобретателем арифметической машины, хотя у него и существовали предшественники механизации счета.

Друзья Блеза Паскаля рассказали о создаваемой им машине канцлеру Сегье, который был страстным ревнителем науки. Вместе с Ришелье канцлер принимал живое участие в создании Французской Академии. Даже во время подавления восстания «босоногих» Сегье не забывал наведываться в лавки букинистов. Именно этот любитель науки и книг, осмотрев чертежи и модель Паскаля, порекомендовал молодому ученому продолжать начатое дело.

В 1645 году арифметическая машина была готова. Первую ее модель Паскаль преподнес канцлеру Сегье с посвящением, в котором благодарил канцлера за поддержку и просил покровительствовать ему и впредь.

Спустя четыре года Паскаль получает на свое изобретение королевскую привилегию, в которой отмечается большой успех ученого и описывается созданная им арифметическая машина. Этот патент-привилегия позволял Паскалю наладить производство и продажу счетного механизма, одновременно запрещалось изготовление подделок и любых видов счетных машин без разрешения Паскаля. Нарушители должны были караться большим штрафом.

Январь 1646 года – дата первого серьезного духовного кризиса Паскаля. Причиной кризиса явилось знакомство с идеями янсенистов. Знакомство это произошло вот при каких обстоятельствах.

Этьен Паскаль узнал о готовящейся дуэли двух горожан и решил предотвратить ее. На улице был сильный гололед. Направляясь к месту дуэли, он поскользнулся и вывихнул бедро. Лечить его пригласили двух известных в округе хирургов и костроправов. Ими были братья Ла Бутельер и Деланд, жившие вдали от города. Так как лечение растягивалось, им предложили временно поселиться в доме больного.

В доме Паскалей врачи вели беседы не столько на медицинские темы, сколько на религиозные. При этом оказалось, что братья исповедуют янсенизм. Из бесед с ними Блез почерпнул для себя много неожиданного, глубоко поразившего его.

Учение Корнелия Янсения, опиравшееся на авторитет Августина Блаженного, призывало человека смирить собственную гордыню и обуздать чрезмерное самомнение разума. Книга Янсения «О преобразовании внутреннего человека», подаренная Паскалем врачами, затронула какие-то скрытые душевные струны Блеза. Это смятение усугубила болезнь. У Блеза не на шутку разболелись зубы, разыгрались сильные головные боли, горло сводили судороги, появились признаки паралича, который быстро начал распространяться от пояса вниз. Стоически преодолевая свои физические недуги, Паскаль ищет спасения в религии и пишет, обращаясь к Богу: «Ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Теперь Ты посылаешь болезнь, чтобы исправить меня...».

Этот период острых религиозных переживаний Паскаль называл потом «первым своим обращением», подразумевая под ним «соединение с Богом внутри души». В то время он на несколько месяцев забрасывает науку и сосредоточивается на религиозно-нравственных рассуждениях о своей жизни. И все же наш «грешник», заявлявший о

бессмысленности человеческого существования, о бессилии и ничтожности разума, не устоял перед «искушением» наукой, прознав об опытах Торричелли. Но прежде чем снова отдаться научным занятиям, он действительно изрядно согрешил.

Во время своего религиозного рвения Паскаль сделал донос на старого аббата Жака Фортонна (де Сент-Анжа), который утверждал, что сильный ум способен путем рассуждений познать сокровенные тайны религии. Поэтому назначение веры аббат усматривал в том, чтобы не ослаблять, а усиливать человеческий разум.

Паскаль и несколько его друзей пытались «образумить» аббата, но, убедившись, что тот пренебрегает их увещеваниями, они донесли на него вначале руанскому епископу, а затем и руанскому архиепископу. В результате бедняга аббат вынужден был униженно отречься от своих опасных для церкви взглядов.

«Дело Сент-Анжа» легло черным пятном на биографию Паскаля, хотя кое-кто из историков пытался оправдать этот низкий поступок. Но правильно сказано: «Низкий поступок остается низким, хотя бы его совершил даже святой».

Время лечит. Прошло несколько месяцев, и Паскаль пошел на поправку. Врачи и родственники настаивали на отдыхе. Следуя их советам, он посещает театр и светские салоны. Однако довольно быстро светская жизнь начала его тяготить, и он все чаще обращает свой взор к науке.

В октябре 1646 года Паскаль узнал от своих парижских друзей об эксперименте Торричелли и Вивiani, учеников великого Галилея. Этот эксперимент ставил под сомнение схоластическую трактовку Аристотеля, согласно которой утверждалось, что природа боится пустоты, то есть в природе нет и не может быть пространства, которое не было бы заполнено каким-либо веществом. В соответствии с такими взглядами на природу считалось «незыблемым фактом», что вода может подниматься за поршнем на какую угодно высоту. Однако опытные данные опровергали этот натурфилософский постулат.

Паскалю повезло: он не только повторил опыты итальянских ученых, но и придумал новые эксперименты, опровергающие «боязнь пустоты».

Летом 1647 года здоровье Паскаля ухудшается, и он в сопровождении Жаклины уезжает в Париж, чтобы показаться столичным врачам. Здесь у него происходит встреча с Декартом, который проявил желание навестить молодого ученого.

Во время встречи у постели больного Декарту продемонстрировали знаменитую арифметическую машину, а затем произошел короткий обмен мнениями о «боязни пустоты». Декарт утверждал, что над ртутью в стеклянной трубке находится «тончайшая материя». Хотя Паскаль был уверен в обратном, но в дискуссию вступать не стал, так как чувствовал себя плохо.

Свои взгляды на пустоту Паскаль изложил осенью 1647 года в сочинении «Новые опыты, касающиеся пустоты», в котором попытался дать пантеистическую трактовку Бога, тем самым вступив в конфликт с католическими ортодоксами. У него есть такая запись: «Удивительно, что ни один автор канонических книг не воспользовался природой для доказательства существования Бога. Все они: Давид, Соломон и другие – стремятся заставить верить в него, но ни разу не выражаются, например, так: в природе нет пустоты – значит есть Бог».

Любопытное заключение, не правда ли? Впрочем, все объясняется довольно просто. Паскаль, понимающий Бога как всенаполняющую сущность и отрицающий Декартову «тонкую материю», не может допустить, чтобы на пустоту не распространялась власть Бога. Но в таком случае получается, что «боязнь пустоты» порождает Бога.

В конце 1648 года Паскаль публикует небольшую брошюру об эксперименте с жидкостями, где пишет о «боязни пустоты» как о никчемной выдумке. Это сочинение ознаменовало полный крах старой доктрины и открыло путь новым экспериментам в

науках о природе.

Примерно в эти же годы Паскаль изобрел тачку и роллс. Да, столь привычная всем нам тачка с удлиненными ручками на одном колесе была изобретена именно Паскалем, а не рабами Рима. Роллс – это дроги или сани без кузова, которые можно по мере надобности удлинять, перевоза, например, бревна.

24 сентября 1651 года умирает Этьен Паскаль. Жаклина и Блез начинают искать утешения в молитвах и благочестивых размышлениях. Жаклина все настойчивее заявляет о своем желании «отречься от мира». Несмотря на уговоры родственников, она вскоре уходит в монастырь, откуда присылает брату письмо, умоляя его не огорчаться и благословить ее на монашеский постриг.

Осенью 1652 года Паскаль едет в Клермон, чтобы привести в порядок денежные дела отца. Рядом с Клермоном находится замок Бьен-Асси, недавно купленный Флореном Перье. Замок нравится Паскалю, и он остается у сестры и ее мужа до конца весны следующего года. Тогда-то он впервые обратил внимание на начало болезни своей шестилетней племянницы Маргариты, у которой в углу левого глаза появилась небольшая фистула.

К тому периоду жизни Паскаля относится его дружба с герцогом Артюсом Гуфье де Роанне. Их сближает общность взглядов на науку. Паскаль несколько раз гостил в доме у герцога, где у него начался роман с сестрой герцога Шарлоттой, которому не суждено было развиваться в нечто большее.

В доме герцога Паскаль познакомился с некоторыми представителями аристократического общества, наиболее ярким из которых был кавалер де Мере. Кавалер имел неплохое образование, знал древние языки, философию, много путешествовал по свету, побывал даже в Америке. Авторитет его в великосветском обществе был достаточно велик.

Однажды кавалер де Мере, любитель азартных игр, познакомил Паскаля с трудностями, возникавшими в различных игровых ситуациях, и тем самым подтолкнул Паскаля к решению вопросов грядущей теории вероятностей.

Во времена Людовика XIII азартные игры, особенно игра в кости, были популярным способом времяпрепровождения. Существовали даже подпольные игорные дома, несмотря на королевские указы и большие штрафы.

Де Мере поставил перед Паскалем две задачи, связанные с азартными играми. Первая задача была связана с игрой в кости, а вторая касалась раздела приза между игроками. Обе эти задачи Паскаль обсуждал в 1654 году в своей переписке с Пьером де Ферма, жившем в Тулузе.

Первую задачу решили одновременно Паскаль, Ферма и Роберваль. Вторая задача, с которой Блез познакомил Ферма и Роберваля, была гораздо сложнее и требовала глубокого понимания вероятностных событий.

Ведя переписку, Паскаль и Ферма пришли к одинаковым результатам относительно первой задачи. Суть этих результатов такова:

При четырех бросаниях одной игральной кости вероятность того, что по крайней мере один раз выпадет цифра 1, больше 0,5. В то же время при 24 бросаниях двух костей вероятность выпадения двух цифр 1 одновременно меньше 0,5.

Если правильную игральную кость бросать n раз, то число возможных (и равновероятных) исходов равно $6n$. В $5n$ случаях из этих $6n$ кость не ляжет на шестерку, и, следовательно, вероятность выпадения по крайней мере один раз единицы при n бросаниях равна

$$(6n - 5n) : 6n = 1 - (5 : 6)n,$$

что больше 0,5, если $n = 4$, но, с другой стороны, величина $1 - (35 : 36)^n$, которая получается аналогичным образом, все еще меньше 0,5, начиная с $n = 25$. Поэтому критическое значение для одной кости равно 4, а для пары костей равно 25. Это правильное решение не удовлетворило шевалье де Мере, поскольку ответ он уже знал по опыту, но из предложенного решения так и не понял, почему ответ не согласуется с так называемым правилом пропорциональности критических значений, утверждающим, что если вероятность уменьшается в шесть раз, то критическое значение возрастает в шесть раз ($4 : 6 = 24 : 36$).

Спустя несколько десятилетий было доказано, что правило пропорциональности критических значений недалеко от истины, поскольку если P – вероятность некоторого события (допустим, вероятность выбросить единицу есть $P = 1 : 6$), то критическое значение n можно найти, решая уравнение

$$(1 - P)x = 0,5.$$

Это уравнение имеет решение, если P заключено строго между 0 и 1. Критическое значение n есть наименьшее целое число, превосходящее x . Решение приведенного выше уравнения дается формулой

$$x = -\log 2 : \log (1 - P) = \log 2 : (P + P^2 : 2 + \dots),$$

где $\log$ означает натуральный логарифм (по основанию $e = 2,71\dots$, где e – трансцендентное число). Из представленного решения ясно, что если P^2 пренебрежимо мало, то P убывает почти пропорционально возрастанию критического значения, как шевалье де Мере и предполагал, опираясь на собственный опыт.

Итак, история свидетельствует, что первоначально теория вероятностей развивалась для описания очень ограниченного круга явлений, связанных с азартными играми, и, соответственно, основные усилия были направлены на вычисление вполне определенных вероятностей. Однако полезно иметь в виду, что вовсе не отыскание этих численных значений вероятностей является главной целью теории вероятностей. Ее целью является раскрытие общих законов и зависимостей, а также построение абстрактных моделей, которые могут в удовлетворительной степени описывать объективные процессы и явления. Должно было пройти несколько веков для превращения эмбриона теории вероятностей в собственно теорию. Произошло это только в XX столетии.

По-видимому, определенную роль в последующей переориентации Паскаля с научных на религиозно-философские вопросы сыграл все тот же кавалер де Мере. Сказалось и влияние Жаклины, которая в начале лета 1653 года совершила обряд пострижения и получила имя Сент-Ефимии.

Заканчивался 1653 год. Паскаля вновь начали одолевать болезни. Он терял аппетит, худел, росло чувство угнетенности и какой-то вины. Этим воспользовалась Жаклина, которая взялась за обработку брата в духе идей янсенизма. Хмурым октябрьским днем 1654 года Паскаль переехал на свою последнюю парижскую квартиру. Спустя несколько недель он отправился с друзьями в коляске на прогулку.

У деревни Нейи находился мост через Сену, который в то время ремонтировался и не имел перил в средней своей части. По каким-то непонятным причинам лошади вдруг испугались и бросились в пролом, оборвав постромки. Коляска чудом не свалилась в бурлящую осеннюю воду. Паскаль успел увидеть, как глубоко внизу взметнулись брызги, и потерял сознание.

Случившееся на мосту настолько потрясло чувствительного Паскаля, что он заболел, у него началась непроходящая головная боль, бессонница, появилась боязнь пространства.

Блез резко обрывает почти все свои светские контакты и 7 января 1655 года уезжает с герцогом де Люином в его замок Вомюре, но, не находя там достаточного уединения, переезжает в загородный монастырь Пор-Рояль.

В переводе «Пор-Рояль» – «пристанище короля». В этом «королевском пристанище» для некоролевских лиц, многие из которых были противниками абсолютизма, начинается новый период жизни Паскаля.

Монастырь Пор-Рояль был основан в начале XIII века в долине Шеврез, недалеко от Парижа. Историческая судьба монастыря в XVII веке тесно связана с семейством парижского адвоката и публициста Антуана Арно, представителя древней овернской фамилии. Арно был дружен с Этьеном Паскалем.

Являясь приверженцем Генриха IV, который своей политикой веротерпимости раздражал иезуитов, Арно не побоялся публично выступить от имени Парижского университета с речью против иезуитов и богословов Сорбонны. Эта речь была вызвана покушением на Генриха IV. Талантливый адвокат беспощадно заклеил иезуитов и тем самым сыграл определенную роль в их изгнании за пределы Франции. Естественно, своими выступлениями против ордена он навлек на себя ненависть иезуитов, которые преследовали его до самой смерти в 1619 году.

У парижского адвоката было многочисленное потомство. Многие из его детей и внуков приобрели большую известность в науке и религии.

В 1608 году аббатисой Пор-Рояля стала шестнадцатилетняя Мария-Жаклина Арно, чье имя в монастыре было Анжелика. Благодаря ее стараниям число монахинь стало быстро увеличиваться, и когда теснота монастырской обители стала ощутимой, мать-настоятельница купила в Париже большое здание и подарила его монастырю. Так в предместье Сен-Жак, возле Латинского квартала, возник парижский Пор-Рояль. В 1627 году монастырь перешел в ведение парижского архиепископа.

В середине тридцатых годов XVII века главой монастыря стал Сен-Сиран. К этому времени Пор-Рояль превратился в основной оплот янсенизма. Незадолго до своей смерти в 1643 году Сен-Сиран доверил общину «отшельников» аббату Антуану Сенглену, который сыграл значительную роль в привлечении Паскаля на сторону янсенистов. Не менее важную роль в этом деле сыграл и Антуан Арно, который был самым младшим сыном в семье адвоката Антуана Арно. Сын адвоката свою жизнь всецело посвятил богословию, и под влиянием Сен-Сирано он стал непреклонным защитником янсенизма. У Арно, слывшего одним из самых образованных людей своего времени, добивался встречи и расположения великий Лейбниц. Будучи приверженцем рационалистической философии Декарта, Арно вместе со своим близким и талантливым другом Пьером Николем написали всемирно известную «Логику Пор-Рояля», а вместе с теоретиком педагогики и организатором янсенистских школ Клодом Лансло была написана не менее известная «Общая и систематическая грамматика».

Янсенисты Пор-Рояля считали, что католическая церковь опасно больна и во многом виной тому являются иезуиты. Поэтому они хотели превратить Пор-Рояль в оплот борьбы против иезуитизма. Главным фронтом этой борьбы была школа, с помощью которой иезуиты стремились взять под жесткий и неусыпный контроль души молодых католиков. Располагая большими денежными средствами, они во времена Паскаля создали во Франции около восьмидесяти иезуитских коллегий. В ответ на это свои школы начали открывать и янсенисты.

Педагогики-янсенисты в воспитательной и учебной деятельности стремились реализовать педагогические принципы чешского мыслителя-гуманиста XVII века Яна Амоса Коменского, который первым обосновал идею всеобщего обучения на родном языке и разработал единую школьную систему.

Залог нравственного воспитания янсенисты видели в развитии разума. Поэтому дети

приучались ими к самостоятельному мышлению. Особое значение придавалось индивидуальному подходу к ребенку с целью развития его нравственных качеств и умственных способностей.

Янсенистские школы пользовались большой популярностью, и даже аристократы нередко отдавали в них своих детей.

Хотя Паскаль и поселился в келье Пор-Рояля, он не захотел связывать себя никакими обетами, слишком дорожа своей личной независимостью. Но тем не менее он точно выполнял строгие монастырские правила. Жизнь в монастыре оказала на его здоровье благотворное влияние. Он начинает покидать свою келью и проявлять интерес к янсенистским школам, внимательно вникая в их деятельность. Им даже был предложен метод обучения чтению, который впоследствии Арно и Лансло изложили в «Общей и систематической грамматике».

Занимаясь вопросами детского воспитания, Паскаль не забывал и о здоровье детей. Его особенно волновала фистула маленькой Маргариты Перье. Эта фистула уже превратилась в гнойную опухоль. Самые искусные парижские врачи безнадежно опускали руки, а опухоль тем временем росла и так гноилась, что от девочки исходил тяжелый запах. Малышку пришлось изолировать от других воспитанниц Пор-Рояля. Паскаль, будучи крестным отцом Маргариты, болезненно переживал происходящее с ней. Он срочно вызывает зятя в Париж, чтобы тот присутствовал при операции, но операция не состоялась, так как произошло «чудо».

Что же это было за «чудо» и какую роль оно сыграло в жизни монастыря?

В качестве священной реликвии в Пор-Рояле хранилась металлическая колючка, якобы снятая с тернового венца Иисуса Христа. Кому-то из монахов пришла в голову мысль приложить эту колючку к опухоли. И произошло невероятное: больная исцелилась!

Современные ученые выдвинули на этот счет версию, согласно которой в глаз девочки попал кончик иглы или какая-то металлическая крошка, а колючка оказалась магнитной. Прочие объяснения не кажутся убедительными.

За несколько лет до этого иезуиты повели мощное наступление на янсенистов. С помощью интриг на свет появилась известная папская булла, осуждающая основные положения учения Янсения как еретические. Это осуждение поддержали французские епископы. Иезуиты же сочинили специальный формуляр осуждения. Почувствовав серьезную опасность, янсенисты перешли в контрнаступление. Первым их ответным ударом по иезуитам был памфлет Арно «Письмо к знатной особе». Вскоре к янсенистам подключился и Паскаль, ставший автором серии коротких эпистолярных сочинений под названием «Письмо к провинциалу одного из его друзей по поводу прений, происходящих теперь в Сорбонне».

Эти «Письма» взволновали Париж и всю Францию. Иезуиты бесновались, королевский двор гневался. Над Пор-Роялем начали сгущаться мрачные предгрозовые тучи. Стараниями иезуитов были закрыты мужская и женская школы янсенистов. Арно исключили из состава факультета Сорбонны.

А Паскаль не сдается, усиливая критический напор своих «Писем». Это заставляет его погрузиться в богословские вопросы и детальнее ознакомиться с сочинением Эскобара, которому принадлежит чудовищное в морально-политическом плане изречение «цель оправдывает средства», ставшее девизом иезуитов.

В поиски автора «Писем» включилась полиция. Монахам было приказано покинуть Пор-Рояль. И вот тут-то произошло «чудо», спасшее жизнь племяннице приунывшего Паскаля. Известие о чудесном исцелении ребенка быстро распространилось по всему Парижу и на некоторое время развеяло сгустившиеся над Пор-Роялем тучи.

В сентябре 1657 года «Письма» были осуждены Римом и внесены в «Индекс запрещенных книг».

Опыт работы над «Письмами», разоблачающими лживую мораль иезуитов, позволил Паскалю перейти к работе над сочинением «Апология христианства». Наброски этой незавершенной книги янсенисты опубликовали уже после смерти Паскаля под названием «Мысли г-на Паскаля о религии и некоторых других вопросах, найденные после его смерти в его бумагах». Позже эту книгу стали называть «Мысли о религии», или просто «Мысли».

В «Мыслях» Паскаля можно прочесть: «Человек – всего лишь тростник, слабейший из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает».

В начале 1659 года Паскаль стал жаловаться на упадок сил, потерю аппетита и вялость. Осенью ему стало еще хуже. Он уже не мог заниматься всем тем, что требовало напряжения ума. В свои тридцать шесть лет он выглядел больным, дряхлым стариком.

Прошло еще два мучительных года. По временам Паскаль не мог ни читать, ни писать; его великолепная память слабела, мысли ускользали. Но он, не желая обременять своей болезнью окружающих, усилием воли подавлял слабость и боль.

4 октября 1661 года умерла Жаклина. Смерть сестры ухудшила душевное состояние Паскаля, что сказалось отрицательно и не его физическом здоровье.

Наступил 1662 год. Летом Паскалю стало совсем плохо. 3 августа был вызван нотариус, чтобы написать завещание. 17 августа случился глубокий обморок.

19 августа 1662 года Блез Паскаль скончался.

Хотя Паскаль не оставил после себя ни одного философского трактата, тем не менее в истории философии он занимает вполне определенное и заслуженное место. Нельзя не присоединиться к той оценке философских заслуг Паскаля, которую когда-то дал русский философ М. М. Филиппов, писавший, что Паскаль «поставил вопросы прямее, искреннее и талантливее, чем большинство писавших в том же духе; что у него слово не расходилось с делом, и вся его жизнь была точным воплощением его идей. Если у него были слабости и заблуждения, то он искупил их годами тяжелых нравственных и физических страданий. Беспощадный обличитель иезуитского лицемерия и фарисейства, он одним этим заслужил место в истории человеческого развития, не говоря уже о его гениальных научных трудах».

«Я мыслю, следовательно, существую», – говорил Декарт.

«Я сочувствую ближним, следовательно, существую и не только материально, но и духовно», – говорил Паскаль.

По-видимому, оппонент Декарта был ближе к истине, вернее, к истинному смыслу человеческой жизни.

Когда Паскаль умер в возрасте тридцати девяти лет, Спинозе было тридцать лет, а Лейбницу – шестнадцать. Это был период стремительного распространения идей рационалистической философии, которая из Франции и Голландии проникла в Германию, Англию и Италию.

Люди уходят в небытие, а свет жизни не меркнет, и губы поэта шепчут:

Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.

Память потомков – показатель их духовного здоровья, хотя, увы, не всегда эта память несет в себе зерна благодарности по отношению к тем, кто в той или иной мере определил

пути духовного развития людей. Попытаюсь взрастить одно из этих зерен, в очередной раз обратившись к испанскому культурному наследию.

Феноменология человеческой жизни в трактовке строптивного писателя Бальтасара Грасиана. Было это в те времена, когда Старый и Новый Свет склонились к стопам католического испанского короля Филиппа IV. Где-то в океанских просторах затерялся остров Святой Елены, находящийся на пути из Старого Света в Новый и являющийся пристанищем для непоседливой Европы и даровой гостиницей для католических флотов, идущих с Востока.

Там-то, борясь с волнами, цеплялся за доску человек. В последний момент уже у берега он был спасен неожиданно появившимся юношей.

Спасенным оказался старик. Он пылкими словами благодарил юношу, но тот, не отвечая, только улыбался. Тогда старик стал обращаться к нему на разных языках. Однако все было тщетно: юноша, видимо, ничего не понимал, и только строил разные гримасы.

Зная, что разговор – кратчайший путь к знанию, наш мореплаватель начал учить дикого юношу говорить и вскоре в этом весьма преуспел. Начали с имен. Моряк назвал свое имя – Критило, которое свидетельствовало о его рассудительности, ибо было образовано от греческого слова, означающего «сужу», «думаю». А юношу он нарек Андрению, от греческого – «муж».

Постепенно юноша начал выговаривать слова, спрашивать и отвечать, делать попытки рассуждать, помогая себе жестами. Когда он научился связно говорить и овладел изрядным запасом слов, то поведал следующее:

– Я не знаю, ни кто я, ни кто дал мне жизнь. Ты, Критило, – первый человек, увиденный мною. Мне пищу доставляла самка дикого зверя. Поэтому я считал матерью ту, которая кормила меня сосцами. Зверь среди зверей, я рос вместе с ее детенышами, в которых видел своих братьев и сестер. Но вот я достиг в своем возрасте некоторого рубежа, и тут меня объял необычайный порыв к знанию, а ум озарили новые и отчетливые мысли. Тогда я начал размышлять о себе и познавать себя. «Раз я живу, чувствую и мыслю, стало быть, существую, – говорил я себе. – Но если я существую, то кто же я? Кто дал мне жизнь? Зачем? Таков ли я, как эти звери? Нет, я замечаю явные различия между ними и мной».

По словам Андрению, когда он, насытившись плодами природы, сидел на скалу и созерцал дивную гармонию вселенной, его приводила в изумление эта странная гармония противоречивых начал.

– Да, это верно, – сказал Критило, – вся наша вселенная сложена из противоположностей. У каждой вещи есть свой противник. Всякое действие встречает противодействие. Из природы борьба противоположностей переходит в область морали. Что до общественного состояния, тут богатые противостоят бедным. Но чему удивляться, если внутри самого человека сталкиваются противоположные начала.

– Что ты говоришь?! – воскликнул юноша. – Неужто человек воюет с самим собой?

– О да, ведь он, хоть и мал, подобен миру, а потому весь состоит из противоречий.

– Но больше всего меня изумляет то, – промолвил Андрению, – что Творец, столь очевидно являющийся нам в своих творениях, скрыт в себе.

– В человеке весьма естественно влечение к Богу как к своему началу и концу. Всякая вещь в природе имеет смысл, всякое влечение – цель. Если растение стремится к солнцу, а человек – к Богу, стало быть, Бог существует. Бог бесконечен во всевозможных своих творениях. Поэтому ограничивать его бытие, место и время никто не может. Мы не видим его, но познаем.

Затем от вещей философских собеседники перешли к рассмотрению вещей повседневных, обыденных. Однако их беседа была прервана неожиданным появлением на горизонте кораблей.

Вскоре корабли приблизились к берегу. Были спущены паруса и брошены якоря. К берегу пристали первые шлюпки.

На все вопросы моряков Критило и Андрению, заранее сговорившись, отвечали, что они – мореплаватели с другой флотилии, беспечно уснувшие на острове в то время, когда их суда отчаливали. Моряки посочувствовали им и предложили взять к себе на борт.

Запасшись дровами, пищей и водой, через несколько дней флотилия подняла паруса и взяла курс на Испанию.

Плавание было долгим, но коротать время обоим помогало повествование Критило о его бедствиях.

Случилось так, что родители Критило, оба из знатных испанских семейств, отплыли в Индию, где отцу будущего ребенка была пожалована высокая должность в городе Гоа, находящемся на побережье Аравийского моря.

Кстати, читателю, как я полагаю, небезынтересно будет узнать некоторые детали португало-испанской колонизации Индии.

Португальцы, испанца, англичане, французы, голландцы – все стремились в Индию, подстегиваемые алчностью и меркантильностью. Первыми туда ринулись португальцы по пути, проложенному Васко да Гама, который в 1497–1499 годах совершил плавание из Лиссабона в Индию вокруг Африки и обратно, а в 1502–1503 годах и в 1524 году совершил еще два плавания в Индию.

В восточных морях португальцы превзошли мусульман как в искусстве ведения боя, так и в кораблевождении. Их корабли были построены во многих отношениях совершеннее арабских.

Парализуя арабскую торговлю в Индийском океане, Португалия тем самым наносила сильный удар по Османской империи, большая часть доходов которой была связана с монополией на торговлю пряностями.

Преодолевая противодействие арабов и других мусульманских купцов, португальцы быстро расширили сферу своего влияния. Кочин, их первая база и центр торговли перцем, стал штаб-квартирой первого вице-короля Индии Франсиску д'Алмейды, который стремился добиться господства португальцев в торговле на Малабарском берегу. Однако д'Алмейда выступал против распространения португальского влияния на Красном море и Малаккском проливе, так как считал, что подобная экспансия ослабила бы позиции португальцев, распылив их военные силы. Его же преемник Афонсо д'Албукерки придерживался иной точки зрения, полагая, что подобные ограниченные цели не позволят добиться торговой гегемонии Португалии в Индийском океане. Поэтому необходимо захватить главные стратегические пункты и развивать торговлю таким образом, чтобы доходы от нее могли покрывать издержки на содержание военных сил португальцев.

С захватом Гоа д'Албукерки приобрел желанный центр, позволявший контролировать всю индийскую торговлю. Однако мусульманские корабли все еще продолжали закупать товары в Бенгалии, Бирме, на Суматре, на Островах Пряностей, в Сиаме, Китае и Малакке, находившейся под властью мусульманского правителя. Поскольку Малакка была центром распространения ислама в Индонезии, то д'Албукерка полагал, что захват Малакки позволит выполнить, помимо всего прочего, обязательство, которое булла папы Александра VI налагала на Португалию (захват новооткрытых территорий и обращение в «истинную веру» нехристианских народов).

Таким образом, завоевание португальцами Малакки в 1511 году было одним из наиболее важных составных частей обширного стратегического замысла.

Как же развивались события дальше?

В течение примерно 150 лет своего господства в Индии португальцы создавали своеобразную торговую империю, владея всего лишь несколькими факториями на западном побережье Индии. И хотя так называемая Португальская империя в Индии

исчезла после проникновения в Индию других морских держав, все же португальцы оставили вполне определенный след в культурной жизни Южноазиатского субконтинента. Так, например, они сыграли значительную роль в развитии образования благодаря введению книгопечатания и созданию семинарий для подготовки индийских католических священников в Вераполи и в Гоа. К тому же португальцы превратили Индию в самую католическую страну на Востоке, исключая Филиппины. Именно благодаря их деятельности католическая церковь в Индии имеет сегодня столько последователей, сколько не имеют все другие христианские церкви и секты, вместе взятые. Однако насаждение католицизма теми безжалостными и бесчеловечными методами, которыми пользовались португальцы, обернулось для них весьма негативными последствиями. Разрушая индусские и мусульманские храмы, поощряя деятельность инквизиторов и осуществляя жестокие религиозные гонения, португальцы настроили против себя все слои индийского общества. Поэтому они не могли найти никакой поддержки в Индии после того, как, втянувшись в войну на стороне Испании, потерпели в XVI веке поражение сначала от голландцев, а затем от англичан. В результате сокрушительного поражения ее флот утратил свое господство в районе Восточных морей.

Испанский король Филипп II, присоединив Португалию к Испании (с 1578 года по 1640 год Португалия вместе со своими заморскими владениями, включая Гоа, была присоединена к Испании), тем самым фактически дал возможность врагам Испании вторгнуться в Португальскую империю.

Итак, возвращаясь к печальному повествованию Критило, должен сообщить читателю, что родился он в открытом море, среди ужаса и тревог, причиненных свирепой бурей.

В Гоа отец Критило быстро нажил большое состояние.

К сожалению, родители больше пеклись о телесном здоровье своего чада, чем о его душе. Поэтому в юношестве Критило швырялся деньгами, не считая их. Теряя деньги, он терял и совесть, чему помогали дурные друзья, льстецы и прихлебатели. Разумеется, отец весьма огорчился поведением сына, пророчил ему беду, но тот пропускал мимо ушей родительские упрёки.

Однажды Критило до безумия увлекся знатной дамой, которая от природы была одарена многими достоинствами – красотой, молодостью, умом. Однако насколько ее родители желали Критило в зятя, настолько другая сторона не желала видеть в ней невестку. Дело дошло до того, что родители Критило попытались сосватать ему другую невесту, но их сын был слеп, глух и ни о чем другом не мечтал, кроме любимой Фелисинды (основа имени – прилагательное *feliz*, происходящее от латинского слова «*felix*» – «блаженный»).

Эти и другие огорчения свели отца Критило в могилу. Вскоре за ним последовала и мать. Сын же быстро утешился надеждой получить долгожданную супругу.

Случай, а вернее, злой рок пожелал, чтобы в дни траура скончался брат Фелисинды. Теперь единственной наследницей родового майората (от лат. *maior* – старший; система наследования, при которой все имущество переходит нераздельно к старшему в роде или к старшему из сыновей, дочерей умершего; имение, имущество, переходящее к старшему в роде или к старшему из сыновей, дочерей) стала Фелисинда. Богатство удвоило ее прелесть, и все вдруг разом заговорили о ней, пророча самых завидных столичных женихов.

Родители и родственники Фелисинды, заносясь высоко, первыми охладели к намерениям Критило. Их холод вскоре перешел в явную вражду, но чувства Критило и Фелисинды от этого разгорелись еще больше.

Неожиданно у Критило появился опасный соперник в лице племянника вице-короля, человека молодого и богатого. А надо вам знать, что в те времена и в тех краях угождать вице-королю считалось святым долгом.

Короче, завязалась большая и грязная интрига против Критило, закончившаяся дуэлью. Клинки скрестились. Соперник Критило с пронзенным сердцем упал на землю, а победитель попал в тюрьму, где его заковали в цепи.

К разбирательству дела судьи приступили с величайшей свирепостью, хотя с виду и соблюдали закон. Прежде всего, под предлогом секвестра (от лат. *sequestro* – ставлю вне, отделяю; запрещение или ограничение, налагаемое властью на пользование или распоряжение каким-либо имуществом), было учинено сущее разграбление дома Критило. Уцелело лишь немного драгоценностей, хранившихся в казне одного монастыря. И все бы еще не беда, не будь последнего удара, сокрушившего Критило в конец. Родители Фелисинды решили вернуться в Испанию. Обратив свое имущество в золото и серебро, они со всеми домочадцами и челядью погрузились на первый же отплывающий в Испанию корабль, увозя Фелисинду и... младенца, которого она носила в своем лоне и отцом которого был Критило.

Флот, в составе которого находился корабль с Фелисиндой, поднял паруса и ушел в море, а Критило утонул в море слез, оставшись навеки заточенным в тюрьме, нищий и всеми забытый.

Увидев, что живые друзья его покинули, Критило обратился к мертвым друзьям, начав читать мудрые книги, учиться и воспитывать в себе личность. Особенно усердно он занимался моральной философией, читая Платона, Сенеку и других мыслителей древности.

Сменялась годы и вице-короли, но не менялась злоба врагов Критило. Целую вечность он терпел и страдал, пока из Испании не пришел приказ, тайно исходатайствованный Фелисиндой, переправить туда дело заключенного и самого заключенного. Новый вице-король, не столь враждебный к узнику, отправил его с первым же уходившим в Испанию флотом.

Критило был так счастлив, что морские опасности казались ему детской забавой. Вскоре он сблизился с капитаном, который, как оказалось, может служить наглядным образцом чудовищного коварства и злодейства. Будучи родственником того вице-короля, племянника которого Критило насадил на шпагу, и страшно алчным человеком, он, выполняя тайный приказ, во время прогулки столкнул Критило в море. Вот при каких обстоятельствах Критило оказался на острове.

Остаток плавания оба путешественника провели в полезных занятиях. Кроме приятных бесед, Критило сообщил своему молодому спутнику много знаний о мире, познакомил с науками, возвышающими и обогащающими дух: занимательная история, космография, астрономия и совершенно необходимая для воспитания личности моральная философия. С особым усердием Андрению изучал языки: латинский, испанский, французский, итальянский.

– Вот мы и прибыли в большой мир людей, – сказал Критило неопытному Андрению, когда оба сошли на испанскую землю. – Вскоре ты увидишь, как трудно в этом мире стать личностью.

Они двинулись по дороге, ведущей в Мадрид, это великое торжище жизни человеческой.

Когда путешественники вошли в Мадрид, то обнаружили, что в городе нет ни одного человека.

– Что это значит? – удивленно спросил юноша. – Куда подевались люди?

Ответ был получен от странного существа, получеловека-полуконя. Увидев его, Критило обрадовался, тогда как Андрению испуганно спросил:

– Что это за нелепое чудище?

– Не бойся, – успокоил его Критило. – Это – больше человек, чем сами люди. Он наставник царей и царь наставников. Это – премудрый Хирон, сын Сатурна, посетившего

в облике коня нимфу Филиру.

С этими словами Критило подошел к кентавру и поприветствовал его. Тот ответил вдвойне учтиво. Тогда Критило сказал ему, что он и его спутник ищут людей, но ни одного человека так и не обнаружили.

– Ничуть не удивляюсь, – промолвил кентавр. – В наш век настоящий человек в диковинку. Не трудитесь зря, этот век не для выдающихся людей. Но скажите, где вы искали их?

– Конечно же, не под землей, – ответил Критило.

– А напрасно, – усмехнулся кентавр. – На земле их нет. Они давно сменили квартиру. Одни прахом лежат в земле, а другие парят в воздухе. Понастроили себе воздушных замков и заперлись наглухо там, не желая расставаться со своими химерами. А есть и такие, которые, ползая в пыли, уверяют, будто головою упираются в звезды.

Сказав это, кентавр повел путешественников показывать город. Дорога было очень неровная, особенно рядом с домами богачей и аристократов, поскольку у дверей сановитых и богатых людей высились большие блестящие кучи.

– У, сколько золота! – удивился Андренио.

А кентавр ему:

– Помни – не все то золото, что блестит.

Подошли они поближе и увидели, что все это – куча позолоченного дерьма и мусора. А у дверей домов людей бедных и сирых зияли глубокие ямы.

– Странное дело, – сказал Андренио, – какой же это порядок! Разве не лучше сбрасывать этот позолоченный мусор в ямы бедняков? Тогда бы почва выровнялась, не стало бы ям и ухабов.

– Да, так и следовало бы сделать, чтобы все стало гладко, – согласился кентавр. – Но разве в мире что-нибудь идет гладко? Правда, некоторые философы утверждают, что в природе не может быть пустоты. Но в мире людей эта вопиющая нелепость имеет место, опровергая философские суждения. Неравенство – главный принцип мира людей.

Вскоре путники вышли на одну из городских площадей, где наконец-то увидели людей. Правда, эти люди вели себя очень удивительно. Некоторые головой тыкались в грязь, а некоторые, опрокинувшись на спину, с важным видом сучили ногами.

Критило расхохотался. Усмехнулся и кентавр, сказав при этом:

– Считайте, что видите сон наяву. О, какой превосходный художник Босх! Теперь мне понятны его химеры. Вы видите людей, которые ничего не знают и не смыслят, но любят всеми управлять. Мир, у которого не поймешь, где голова, а где ноги, – поистине можно назвать безголовым.

– А кто такой Босх? – полюбопытствовал Андренио.

И вот что он узнал.

Иероним Босх – выдающийся голландский художник, предположительно родившийся в 1450 году. Точная дата его рождения неизвестна.

Прадедом Иеронима был торговец пушниной и домовладелец ван Акен, который в конце XIV века поселился в голландском городе Хертогенбосе. Его потомки стали купцами, ремесленниками и художниками. Художниками были дед, отец, двое дядей и два брата Иеронима.

В 1478 году Босх женился на богатой патрицианке Алейд ван Мерверме, семья которой принадлежала к верхушке городской аристократии.

Состоял членом религиозного «Братства Богородицы». Расписывал городской собор св. Иоанна. В конце жизни получил заказы от бургундского двора, что было весьма почетно и свидетельствовало о высоком авторитете художника.

Умер в 1516 году.

Спустя много лет его назовут «почетным профессором кошмаров», так как персонажи

картин голландского художника подчас устрашают зрителя совмещением в одном образе человеческого и звериного, живого и мертвого, но вместе с тем и забавляют своей пародийностью. Иными словами говоря, в своем творчестве Босх причудливо соединяет черты средневековой фантастики, фольклорные мотивы, элементы сатиры, гротескового реализма.

Предлагаемая художником трактовка традиционных религиозных сюжетов часто выходит за рамки католической ортодоксии и может восприниматься даже как еретическая. И тем не менее через полстолетия после смерти художника самый свирепый гонитель религиозных ересей испанский король Филипп II коллекционировал лучшие его произведения. Более того, этот «наикатоличейший из монархов» поместил в своей спальне в Эскориале картину Босха «Семь смертных грехов».

– Наверное, мир в прошлом был устроен иначе, – задумчиво произнес Андриено, выслушав информацию о Босхе.

– Такой же был, как и ныне, – отрезал кентавр.

– Неужто люди никогда не пытались навести в мире порядок? – продолжал допытываться наш неофит.

Кентавр стукнул копытом и, взглянув иронично на любознательного молодого человека, сказал:

– Отчего же? Дураки каждый день пытаются перелицевать мир.

– Тогда лучше возвратиться в мою пещеру к диким зверям, ибо, как я вижу, другого выхода нет.

– Я тебе укажу истинный путь, – торжественно заверил юношу кентавр.

Сказав это, он вывел путешественников из Мадрида и указал прямой путь для последующих странствий, а сам ушел помогать другим, заметив на прощание:

– На мир надо смотреть не так и не туда, как и куда смотрит большинство людей. Вопреки всем смотрите на изнанку того, чем мир представляется. Ведь в этом мире все шиворот-навыворот, а потому, кто смотрит на изнанку, тот видит правильно и понимает, что на самом деле истинная реальность противоположна видимости. Если, скажем, видишь человека, кичащегося ученостью, то знай, что, как правило, это невежда и мыльный пузырь. Помните, богач всегда беднее истинными благами, а красноречивый болтун никогда не скажет ничего путного.

Оживленно беседуя, друзья двигались вперед по пыльной дороге. Но вдруг их беседа была прервана появлением кареты, в котором ехало чудище, вернее, много чудищ в одном теле. Карета остановилась, и из нее вышло это чудище, низко кланяясь и рассыпаясь в любезностях. Подойдя к путникам, оно передало им приглашение от своего великого владыки остановиться в его дворце на день-другой. Поблагодарив за милость, наши друзья осведомились, кто же он, этот владетельный государь, который, их не зная и им неизвестный, оказывает такую любезность.

– О, это могучий государь! – воскликнуло чудище. – Власть его простирается на весь земной круг. В его королевстве каждому укажут кратчайший путь к богатству и почету, откроют искусство привлекать сердца и приобретать друзей, а главное, научат показывать видимость, ибо это – наивысшее из искусств.

При этих словах у Андриено разгорелись глаза. Он уже не мог дожидаться часа, когда окажется при дворе столь удивительного короля, и тут же влез в карету, потянув Критило за руку. Но у того ноги словно свинцом налились. Он еще раз осведомился об имени государя.

– Имен у него много, – восхищенно ответило чудище, принимая облик министра. – Однако настоящее имя его мало кому известно. Он не любит показываться на людях и кого попало к себе не допускает.

Критило не заметил, как очутился в карете, которая вскоре съехала с прямого пути на

извилистый. Обратив на это внимание, Критило стал браниться, но вернуться назад было уже нелегко. Поэтому он шепнул Андрению, чтобы тот был начеку.

Через некоторое время карета подъехала к большому фонтану для утоления великой жажды. Андрению, не долго думая, бросился к воде. Но не успел он сделать глоток, как Критило его остановил.

– Стой, погоди! Сперва проверь – вода ли это.

– А что же это может быть? – удивился юноша.

– Например, отрава.

– Но я вижу, это – вода, чистая-пречистая.

– Вот это и хуже всего. Пусть она чиста и прозрачна, а все же не верь глазам своим, ибо видимость обманчива.

– Разреши хоть пригубить, – взмолился Андрению. – Я умираю от жажды.

– Пригубишь, себя погубишь. Верь мне и всегда полагайся на мою опытность – чужой урок должен идти впрок умным людям. Только дураки им пренебрегают. Примечай, что сделает эта вода с теми, кто сейчас подходит к фонтану.

Тут к фонтану подошла большая толпа путников, томимых жаждой. Но они не сразу припали к источнику. Сперва стали умываться, смачивать глаза. Неслыханно! Едва вода коснулась их глаз, как зрачки, прежде чистые и ясные, превратились в стеклянные. Глаза же у тех, кто испил воды, начали видеть все не только в ином цвете, но и в иной форме. Одним все казалось розовым и величественным. Другим все виделось в черном цвете и ничтожно маленьким, незначительным. Были и такие, которые всюду видели только самих себя.

Одну лишь каплю проглотил бедный Андрению, ибо Критило заставил его выплеснуть остальное из кружки, и то так изменился, что стал неустойчив в добродетели.

– Ну, что ты об этом скажешь? – спросил Критило.

– Неиссякаемый источник обманов и лжи.

– А каково бы тебе пришлось, напейся ты вволю? Думаешь, такая уж малость – иметь ясные глаза и правдивый язык.

– Вот какая оказия, – вздохнул Андрению. – Кто бы подумал, что такая чистая вода...

– В ней-то черти и водятся.

Критило хотел было поворотить назад, но Андрению, уже тронутый заразой, не согласился, а многоликое чудище, убеждая ехать дальше, говорило:

– Смелей! Лучше глупцом быть вместе со всеми, чем мудрецом в одиночку.

В конце концов все сели в карету и поехали.

Вдали показался большой и красивый город. К нему со всех сторон валили несметные толпы, вздымая густые тучи пыли, слепившие глаза.

Подъехав ближе, путники убедились, что в городе лишь снаружи порядок, а внутри сплошной хаос.

Андрению храбро направился в город, но Критило окриком остановил его и сказал:

– Сперва пошире раскрой глаза и гляди в оба. При каждом шаге примечай, куда ставишь ногу, и старайся стоять твердо. Будут с тобой говорить – не верь. Будут просить – не давай. Будут приказывать – не делай. Запомнил урок?

Андрению кивнул, и они вошли в город. Пройдя по улицам Лицемерия, Тщеславия и Притворства, путешественники подошли к главной площади, посреди которой стоял дворец, огромный и весь какой-то перекошенный. Здесь проживал тот великий и скрытный государь, о котором говорило чудище. В эти дни он тешился празднествами, устроенными, чтобы морочить народ, не давая времени подумать о вещах важных.

На площади как раз показывали фокусы и потрясающую ловкость рук.

Под гул толпы на высокий помост взобрался шарлатан-обманщик, одна из ловких проделок которого заключалась в следующем: он предлагал желающим раскрыть пошире

рот, убеждая, что будет потчевать изысканными лакомствами. Ротозеи послушно раскрывали пасти, глотали предлагаемое лакомство и тут же, к великому своему конфузу и веселью окружающих, с ревом начинали блевать, извергая мерзость, выдаваемую за лакомство.

Андренио, придя в неописуемый восторг, начал превозносить хитрость и ловкость шарлатана.

– Молчи, глупец! – прикрикнул на него Критило. – Ты еще не научился отличать ложное от истинного.

– Что с тобой? – продолжая смеяться, спросил Андренио. – Неужто тебе нравится всегда идти всем наперекор? Люди веселятся, а ты грустишь.

– Скажи мне, тебе нравится, когда над тобой потешаются? – ответил вопросом на вопрос умудренный жизнь Критило.

– Нет, конечно. Но я здесь, рядом с тобой, а глупцы вон там, они упрямо лезут на помост в объятья шарлатана. Есть между нами разница?

– Великое заблуждение! – с гневом воскликнул Критило. – Знай же несчастный: жизнь больше напоминает трагедию, чем комедию. Мир нас постоянно обманывает. Жизнь нам лжет на каждом шагу. Фортуна регулярно надувает. А мы, словно актеры в грошовом театре, старательно играем свои роли, не желая ничего замечать. Давай же вернемся на наш прямой путь, а здесь, как я погляжу, ждать нечего, кроме лжи и обмана.

Однако Андренио был околдован суетой города и решил побывать в королевском дворце.

Во дворце юноша был весьма радушно принят: его осыпали милостями, посулили славу и богатство.

Каждый день наш простофиля хлопотал о том, чтобы увидеть короля, но в ответ ему твердили: «Как-нибудь вечером, в сумерках».

А вечер тот все не наступал, хотя сумерки были постоянно.

Тем временем Критило беспрестанно размышлял о том, как излечить друга и покинуть город, в который всех впускали, но никого не выпускали. И тут он прослышал об одной королеве по имени Артемия (имя, образованное от латинского *ars* или испанского *el arte* – «искусство, наука»), чьи владения соседствовали с владениями короля, которого так упорно хотел лицезреть Андренио. Эта королева покровительствовала наукам и искусствам, на почве чего она враждовала с королем-соседом. Народная молва называла ее великой волшебницей и приписывала ей способность из скотов делать вполне разумных людей.

Поскольку Андренио отказывался следовать за Критило, тот решил бежать один. Оказалось, что это не так трудно, как он воображал.

Очутившись на свободе, Критило пустился в путь ко дворцу Артемии.

И вот показался красивый дворец, у входа которого стояли королевские слуги, представляющие прикладные искусства и свободные науки, преподаваемые в европейских университетах. Эти слуги провели Критило в залу, где восседала премудрая Артемия в окружении выдающихся мужей. Как раз в это время она была занята превращением в личности нескольких остолопов.

Критило поприветствовал королеву, а затем поведал о том, что случилось с его другом.

– Довольно, – мягко перебила его Артемия. – Мне все понятно. Твой друг остался в столице моего злейшего врага короля Фальшемира.

После этого королева велела позвать одного из главных министров. Ему и было поручено дело, волновавшее Критило. Вручив министру зеркало чистейшего стекла, королева объяснила, как оно действует и как с ним следует обращаться.

Министр расторопно взялся за дело. Прежде всего он вырядился в ливрею, какую носили слуги Фальшемира, а затем, не мешкая, отправился исполнять приказ королевы.

В столице короля Фальшемира министр отыскал Андрению, расположил его к себе, после чего сказал:

– Будь уверен, ты никогда не сумеешь увидеть короля, тем паче поговорить с ним. Ведь существование Фальшемира зиждется на том, что его никто не видит. Но мы кое-что можем сделать. Что дашь, если я покажу его тебе нынче вечером?

– В таком случае я выполню любую твою просьбу.

Встретившись в назначенное время, они пошли в противоположную от королевского дворца сторону, что очень удивило Андрению. Он хотел было вернуться, подумав, что его обманывают. Но старик удержал его, сказав:

– Там, где нельзя увидеть лицом к лицу, необходимо идти в обход. Взойдем на этот холм, и я уверен, ты многое для себя откроешь.

Они взобрались на холм как раз напротив окон Фальшемира.

Во все глаза глядел Андрению на дворец, пытаясь различить там хоть что-нибудь существенное, но тщетно, так как на одних окнах были плотные ставни, а в других – мутные стекла.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал мудрый старик. – Надо действовать наоборот и повернуться спиной, ибо на все дела и делишки этого мира следует смотреть с изнанки.

Тут он вытащил из-за пазухи зеркало и сделал так, чтобы в нем отражались окна дворца.

– Смотри в зеркало, Андрению, – сказал мудрец.

И здесь случилось невероятное! Андрению вдруг испугался, задрожал и чуть не упал в обморок.

– Что ты видишь?

– Вижу чудище, страшнее которого отродясь не видал! Убери зеркало, не то я умру от страха!

– Нет, всмотрись внимательно в это лицо и хорошенько запомни его фальшивую суть.

– Довольно! Больше не выдержу!

– Согласен, довольно. Этого-то я и хотел.

– Кто же он, сей венценосный страхолюд?

– Это сам Обман. А теперь я хочу, чтобы ты познакомился со всей его семейкой.

С этими словами старик слегка повернул зеркало, и там появилось чудище в лице коварного вида старухи.

– Кто эта мегера? – испуганно спросил Андрению.

– Его мать по имени Ложь, которая командует и распоряжается им.

Затем старик повернул зеркало в другую сторону.

– Смотри, мой юный друг. Вот это – Невежество, бабушка Обмана. Рядом находится Злоба, королевская супруга, а также родные и двоюродные братья Обмана:

Мошенничество, Надувательство и Плутводство. Ну, Андрению, теперь ты доволен?

– Не то, чтобы доволен, но кое-что прозрел. Пойдем отсюда.

Они быстрым шагом вышли из города, ловко обойдя стражу. Через несколько часов пути вдали засияли чертоги Артемии.

Гостей встретили с радостью.

За короткое время пребывания во дворце мудрой королевы Андрению стал вполне личностью, отлично снаряженной для дальнейшего пути.

Тем временем обманутый обманщик, то есть король Фальшемир, начал строить козни. Обозлясь, что у него из-под носа увели заблудшего юношу, он замыслил страшную месть. На помощь была призвана Зависть, особа, способная на любую подлость. Этой даме король поведал свою обиду и повелел посеять среди черни королевы Артемии семена раздора.

Отправившись в королевство Артемии, Зависть стала осторожно подпускать шпильки

клеветы против благородной королевы. Она нашептывала всем, что Артемия искажила человеческую натуру, лишила ее простоты, подменила манерностью естественную красоту. И так сумела Зависть разжечь страсти черни, что вскоре поднялся бунт. Чернь окружила дворец Артемии с криками: «Смерть колдунье!»

Испугавшись этого бунта, кое-кто из друзей изменил ей. Но Артемия себе не изменила и надумала победить грубую силу хитростью.

– Клянусь! – воскликнула королева. – Раз чернь называет меня ведьмой и колдуньей, я нынче же устрою им страшную кару!

И поделом им, ибо на подлый люд суровость действует сильнее, чем мягкость и уступчивость.

Королева, произнеся могучее заклятие, окутала солнце темными тучами. Похолодев от ужаса, бунтовщики больше не пытались поджигать дворец. Более того, они все ударились в трусливое бегство, каким обычно кончаются все мятежи.

Андрению было страшно напуган столь великим чудом. Он и впрямь поверил, что волшебной силе Артемии подчиняются светила. Однако Критило просветил его, растолковав, что солнечное затмение было естественным следствием вращения небесных тел, встречу которых в этот час предвидели королева и, воспользовавшись астрономическими знаниями, представила естественное явление как искусственно вызванное.

Распровавшись с королевой, наши путники направились искать Фелисину.

На дороге странствий Андрению был поражен стрелой Амура, но вместо настоящей любви ему была предложена очередная фальшивка в виде девицы по имени Фальсирена.

Его голову и сердце окутывал такой любовный туман, что он начисто отказался посетить знаменитый дворец и монастырь Сан-Лоренсо дель Эскориал, любимую резиденцию Филиппа II, возведенную по повелению и при активном участии Филиппа II, а также Аранхуэс, летнюю резиденцию испанских королей вблизи Мадрида, славившуюся своими роскошными садами. Тогда Критило решил самостоятельно полюбоваться красотами Эскориала и Аранхуэса.

Что касается Эскориала, то история его возведения такова. После битвы при Сан-Квентино в 1557 году, закончившейся разгромом французских войск, Филипп II поклялся выстроить монастырь, посвященный святому Лаврентию – испанцу по рождению. Впоследствии Филипп II несколько расширил первоначальный замысел и предпринял строительство гигантского комплекса, в которой монастырские помещения сочетались с гробницей Габсбургской династии и с личной королевской резиденцией.

Исполнителем королевского замысла и автором проекта стал известный архитектор, философ и математик Хуан Баутиста де Толедо, учившийся в Риме и Неаполе у прославленных мастеров итальянского Возрождения и участвовавший в постройке собора св. Петра в Риме под руководством Микеланджело. Этот талантливый испанский архитектор был известен также сооружением укрепленного замка Сан-Эразмо и прокладкой в Неаполе новой улицы, пересекающей старые кварталы города. В 1559 году по распоряжению короля он был вызван в Испанию, где работал на перестройке дворца Аранхуэс. Ему принадлежит также сооружение церкви Эль-реаль де Мансанарес.

После долгих и тщательных поисков подходящего места для постройки с учетом хорошего климата, близости к Мадриду, наличия воды и строительного камня комиссия выбрала один из участков Мадридского плоскогорья, у подножья южного склона горного хребта Сьерра Гуадаррама, вблизи селения Эль Эскориал. Этим названием селение было обязано грудам шлака из старинных копей – по-испански el escoria.

Закладка первого камня сооружения, сопровождавшаяся торжественной церемонией, состоялась в апреле 1563 года, а в мае 1567 года Хуан Баутиста де Толедо умер. Его преемником был назначен не менее талантливый архитектор Хуан де Эррера, которому

удалось целиком построить одно из величайших сооружений Испании. Строительство Эскориала в основном было окончено в 1584 году.

Эскориал поражает своим грандиозным масштабом даже на фоне мощных отрогов Сьерра Гуадаррамы. Впечатление величия и мощи создается огромными размерами сооружения, а также сопоставлением крупных и мелких архитектурных форм. Своеобразие общего облика Эскориала усиливают его высокие шиферные крыши – отзвук фландрских строительных приемов.

Оба чуда испанской архитектуры повергли Критило в восхищение, навсегда запечатлевшемся в его душе.

В Мадрид он возвратился очень довольный увиденным. Но когда подошел к дому красоти, тот оказался заперт крепче, чем королевская казна. Слуга начал нетерпеливо колотить молотком в дверь, и каждый его удар отдавался тревожным эхом в сердце Критило.

Рассерженные громким стуком соседи сказали:

– Не мучьте себя и не терзайте нас. Здесь никто не живет.

– Но разве здесь не живет знатная дама, которую я несколько дней назад оставил в добром здравии и хорошем настроении? – испуганно спросил Критило.

– Это не знатная дама, а самая настоящая плутовка, которая творила прегнусные дела и превращала людей в скотов, – ответил один из соседей. – Чтобы ее не изобличили, она часто меняет места и дома проживания, а также имена. Найти ее невозможно.

Печально простясь с соседями, Критило направился в гостиницу.

Без устали он бродил по городу, расспрашивая встречаемых, но никто не мог сказать ему ничего путного. Ломая голову, как найти Андриено, Критило прямо с ума сходил. Наконец, решил снова обратиться за советом к Артемии.

Покинув Мадрид нищим и обманутым, Критило отправился на поиски Артемии. Пройдя всего немного, он встретил человека, обладавшего шестью чувствами: на одно больше, чем у обычных людей. Оказалось, это шестое чувство обостряет все прочие, а также учит изыскивать и придумывать разные хитроумные уловки, дает советы, помогает угадывать будущее. Имя этому чувству Нужда. Нужда изобретательна, изворотлива, хитра, деятельна, прозорлива. Именно она прибавляет человеку ума, когда ему приходится туго.

Познакомившись с этим чудо-человеком, которого звали Эхенио (от лат. *egenus* – нуждающийся), Критило сказал:

– Как я рад, что встретился с тобой! Давай объединимся, чтобы отыскать совместными усилиями моего заблудшего друга.

И Критило рассказал о беде, постигшей его в столице.

– Охотно помогу тебе, – сказав Эхенио, внимательно выслушав Критило.

Сперва они отправились на поиски по театрам, где ломают комедию, затем по рыночным площадям, где надувают дураков и ротозеев, наведались на скотные дворы и в собачьи брехальни. Ходили они, бродили, вконец устали, но ничего не нашли, что могло бы их навести на след Андриено. И тогда Эхенио сказал:

– Пойдем-ка в тот дом, откуда он пропал. Может там среди мусора и найдем кое-что полезное для нашего поиска.

И они пошли.

Приходят. Начинают искать. Вдруг Эхенио замечает, что из большой кучи любово-страстного мусора валит густой дым.

– Ага! – радостно воскликнул Эхенио. – Нет дыма без огня.

Раскидав мусор, они обнаружили дверь, ведущую в жуткое подземелье. Не без труда отворили ее и увидели множество распростертых на полу бездушных тел. Большинство едва-едва подавало признаки жизни. Посреди них лежал Андриено.

Критило с воплем кинулся к нему и пощупал руку, но не обнаружил ни тепла, ни пульса. Тем временем Эхенио заметил, что смутный свет в подземелье исходит не от факела, а от белой нежной руки, торчащей прямо из стены.

– Что это за рука? – спросил Критило.

– Рука палача, – ответил Эхенио. – Эта рука душит и приканчивает.

Он немного отвел в сторону руку палача, и тотчас тела на полу зашевелились.

– Пока она испускает свет, – промолвил Эхенио, – им не пробудиться.

Погасив ее жуткий свет с помощью пыли забвения, Критило и Эхенио заметили, что все стали тотчас пробуждаться.

Вместе с другими, жестоко раненными любовью, поднялся и Андриенио. Узнав Критило, он, слегка пошатываясь, направился к нему.

– Ну, что скажешь? – спросил Критило. – Хорошо тебя отделала бессовестная шлюха? Без денег, без здоровья, без чести и совести оставила. Теперь будешь знать, какова она, любовь шлюхи.

Тут Критило и Эхенио наперебой стали ее проклинать.

– Молчите! – вскричал Андриенио. – Хоть и причинила она мне столько зла, я не в силах ее возненавидеть или забыть.

– Стоп! – сказал Эхенио. – Пошли отсюда, да поживей. От этого безумства нет лекарства.

Все вышли на свет уразумения, никем не узнанные, но себя познавшие.

Вместе с Эхенио двое наших странников отправились на Торжище Мира, или Торжище Вселенной, куда потоками стекался народ. Одни шли продавать, другие покупать, а третьи просто поглазеть.

Едва только наша дружная тройка появилась на Торжище, как к ним подошли два маклера-краснобая, назвавшиеся философами из двух совершенно разных школ. Один философ сказал:

– Идите на мою сторону рынка. Здесь вы найдете все необходимое, чтобы стать личностью.

Но его противник возразил:

– В мире есть два пристанища – одно из них Честь, другое Польза. В первом вы найдете только ветер и дым, а во втором – золото и серебро. Вот и судите, за кем лучше пойти.

Друзья заспорили, в какую сторону податься. Но тут подошел к ним человек достойного вида, держащий в руках слиток золота, и сказал:

– Я оценщик чистопробности личности. Для многих людей пробный камень – золото. К чьим рукам оно липнет, те люди не настоящие, а фальшивые. Хотите проверить?

С этими словами он взял Андриенио за руку и заставил его потереть пальцами золото.

– Смотри, юноша, – промолвил оценщик, – к твоим рукам золото прилипло. Значит, ты непорядочный. Тебе надо идти в ту сторону рынка, где царствуют золото и серебро.

Затем, проделав то же самое с рукой Критило, он сказал:

– А вот этот не таков. К его рукам ничего не прилипло. Он – личность. Пусть же идет в стан Честности.

– Ну нет, – возразил Критило, – чтобы и он стал таким, как я, надобно ему идти со мной.

И они двинулись мимо богатых лавок, стоявших по правую руку. Видят на одной вывеску с надписью: «Здесь продается самое лучшее и самое худшее». Войдя внутрь, увидели, что там торгуют языками: самые лучшие – те, которые молчат и держатся за зубами. Торговец за прилавком знаками призывал помалкивать и товар свой отнюдь не расхваливал.

– Что он продает? – поинтересовался Андриенио.

Продавец мигом приложил ему палец к губам.

– Во те на! – изумился Андрению. – Как же узнать, чем здесь торгуют?

– Наверное, – прошептал Эхению, – он продает Молчание.

– Да, товар очень редкий и весьма нужный, – кивнул Критило. – Я думаю, что его берут дурные люди: молчат бесчестные, скрывают прелюбодеи, убийцы воды в рот набрали...

Эхению возразил:

– Мир ныне так испорчен, что те, кому надо бы помалкивать, больше всех болтают, подлостями своими бахвалятся. Порой грабители шумят больше всех.

– Кто же в таком случае покупатели? – спросил Андрению.

– Те, – сказал Критило, – кто молча бросают в тебя камни, кто все делают молчком да тишком, кто о делишках своих помалкивают.

Побродив по рынку, наши друзья в конце концов расстались. Эхению стал совсем другим: он разбогател и пожелал вернуться в свою гостиницу. А Критило и Андрению направились в Арагон, эту «истинную Испанию».

В пути Критило в очередной раз потерял своего молодого друга, который помчался по тропе, ведущей в царство Глупости. Огорченного путника попытался утешить повстречавшийся на дороге карлик, который сказал:

– Раз юноша направился в царство Глупости, то наверняка оказался во дворце Счастья. Глупцы попадают туда чаще, чем умные люди. Будь уверен, мы найдем его в завидной должности.

Тут к ним подошел солдат-новобранец. Такие всегда куда-то торопятся.

Бравый солдатик спросил, правильно ли он идет к Удаче.

– Смотря какую ищешь, – ответил карлик, – мнимую или истинную.

– Да неужто бывает мнимая Удача?

– Вот еще! – воскликнул карлик. – Конечно же, существует Удача мнимая и даже лицемерная! В наши дни ее хоть отбавляй. Тебе кажется, что ухватил Судьбу за хвост, а на самом-то деле попал в ее ловко расставленные сети и в результате потерял свою самостоятельность.

По дороге к путникам присоединились искатель выгодных должностей и студент, одержимый духом противоречия. Слово за слово, взялись они оба подтрунивать над карликом.

– А ты, пигмей, чего ищешь? – спросил студент, высокомерно улыбаясь.

– Хочу стать великаном, – робко ответил карлик.

– Дерзкое желание! – расхохотался придворный искатель должностей. – Разве это возможно?

– Вполне, лишь бы захотела Фортуна. Коль она помогает, пигмеи становятся гигантами, а коли нет, гиганты – пигмеями. Все зависит от ее желаний.

– Черт побери! – взревел солдат. – Хочет она или не хочет, а придется ей выдать мне что положено.

– Не так громко, сеньор солдат, – иронично усмехнулся студент. – Сбавьте тон.

– А таков уж мой тон. Нельзя робеть перед Фортуной. Ей надо показывать зубы.

Клянусь и божусь, что мы с ней на кулаки пойдем, а придется ей меня осчастливить, хоть лопни!

– Кажется, я ее вижу, – неожиданно выпалил карлик. – Да вот беда, она меня не замечает, ибо я слишком мал.

– Как ей тебя увидеть, если она слепа, – изрек придворный карьерист.

– Что за новость? – удивился Критило. – С каких это пор она ослепла?

– Да об этом все в столице знают, – отрубил карьерист.

– Как же она может распределять блага? – полюбопытствовал студент.

– Как? Вслепую. Говорят еще, что она спятила.

– Отчего же спатила? – подал голос солдатик.

– Разное рассказывают. Самое правдоподобное – ее опоила зельем Злоба.

Тут взорам путников открылся странного рода дворец: с одной стороны здание как здание, а с другой – какая-то претенциозная громадина без фундамента. И во всем этом немыслимо противоречивом здании только и было, что огромная лестница. Это и был дворец Фортуны.

Когда путники приблизились к лестнице, с нее как раз низвергался толстяк, теряя должности, титулы, деньги и прочее, немедленно попадавшее в чужие руки.

– Славный щелчок дала толстяку Фортуна! – рассмеялся студент.

Рядом с нижней ступенькой лестницы стоял первый министр Фортуны, чванливый Фавор (лат. favor – благосклонность, расположение), который во всем руководствовался лишь своими капризами и прескверным вкусом.

Нашим путникам пришлось худо, ибо Критило был совершенно неизвестен Фавору, придворный карьерист – слишком известен, а студент и солдат не вызвали у него никаких симпатий. Повезло только карлику: он прикинулся родичем Фортуны и вмиг очутился наверху.

Вдруг на вершине показался Андрению, который, идя торной дорожкой, раньше своего наставника взобрался наверх и теперь был человеком достаточно влиятельным. Он сразу узнал Критило, хотя с такой высоты многие перестают узнавать не только друзей, но и самых ближайших родственников. Андрению тотчас подал Критило руку и поднял его наверх, а уж вдвоем они помогли подняться наверх и остальным.

И вот добрались они до самой верхней ступеньки, на которой восседала сама Фортуна. Но дивное дело! Друзья даже остолбенели! Они увидели владычицу смертных совсем не такой, какой воображали. Вопреки расхожим утверждениям она была не слепа. Лик ее был исполнен спокойной важности.

– Подойдите поближе и расскажите, что вас смущает, – сказала она. – Не бойтесь говорить правду. Я люблю смелых.

Но от смущения друзья онемели. Только солдат, отважный до наглости, громко отчеканил:

– Великая владычица, все люди ропщут на тебя и на твои дела. Говорю тебе об этом напрямик.

– Да, я знаю это, – кивнула головой Фортуна. – Но почему же? Что люди говорят?

Солдат, дерзкий на язык, рубанул:

– Во-первых, говорят, что ты слепа; во-вторых, что глупа; в-третьих, что безумна; в-четвертых...

– Постой, постой, довольно! – перебила его владычица смертных. – Меня обвиняют в том, что я благоволю подлецам. Утверждаю, что люди сами дурны и дурно поступают, а потом все сваливают на меня. Поверьте, зло коренится в самих людях, а не во мне. Я дочь хороших родителей и достаточно хорошо воспитана, чтобы заниматься всякими пакостями и подлостями или содействовать их осуществлению. Поэтому пусть люди разберутся сами с собой и помогут добрым и честным. Ничего иного я не желаю.

Все признали ее правоту. Только солдат снова стал роптать:

– Нет, многое все же зависит не от людей, а от тебя, моя госпожа.

Фортуна грустно вздохнула и сказала:

– Люди дурно обо мне говорят не потому, что так думают, но дабы внушить дурные мысли черни и в страхе держать гордецов. В одном признаюсь вам: истинные мудрецы сильнее самой Судьбы.

Вдруг поднялся страшный шум. Это Время, Смерть, Забвенье, Немилость, Лесть затеяли потасовку, а потом кулаками стали разгонять толпу собравшихся наверху.

Кубарем покатались вниз искатели Счастья и прочие искатели.

Критило и Андрению едва не сверглись вниз. От падения их спасла любезная служанка Фортуны по имени Удача, которая, схватив обоих за волосы, удержала на волосок от гибели. Потом она кликнула Случай и велела ему опустить подъемный мост, по которому переправила двух наших друзей с вершины дворца Фортуны на вершину дворца Добродетели.

Наши странники по миру, путники по жизни, так долго бродили по свету, что голова Андрению начала белеть, а лебяжий пух Критило редеть. Однажды они поглядели на себя и увидели, что не так-то много осталось им мотаться по свету. За прошедшие годы Критило лишь укрепился в стойкости, многое прозрев. Что же касается Андрению, то им все больше овладевала меланхолия.

И вот, пройдя через жизненное горнило, вышли они на берег моря, посреди которого расположен был Остров Бессмертия, гостеприимная обитель славных мужей. Сев в шлюпку, друзья поплыли к этому удивительному острову.

Остров был окружен неприступными утесами. У его берегов часто терпели крушение суда, о чем свидетельствовали их обломки. Многие, проплыв свой путь с попутным ветром Славы и Фортуны, находили здесь свою могилу, разбившись о подводные рифы и камни острова. Однако нашим странникам повезло, и они на своей утлой шлюпке достигли гавани. Тут-то их ждало самое трудное, ибо путь к лестнице, вырубленной в скале, преграждали бронзовые ворота, замкнутые на прочные замки. К тому же всех прибывающих на остров проверяли грозные и неподкупные охранники, требуя назвать имя и сказать пароль, как это делается в неприступных цитаделях. Кое-кто из хитрецов пытался присвоить себе славные имена, но это не помогало. Их изобличали и выводили на чистую воду, где и топили с большим позором.

Одни за другим появлялись претенденты на вход в царство Бессмертия. Стражи требовали у них грамоты, подписанные Усердным Трудом, заверенные Героическим Мужеством, припечатанные Добродетелью.

Взяв грамоты наших странников, грозный страж принялся внимательно их изучать. На них он увидел подписи Философии, Разума, Бдительности, Твердости, Проницательности, Знания, Благоразумия, Мужества, Добродетели, Правды, Прозрения, Славы, Жизни и Смерти. От такого количества подписей лицо его вытянулось, брови округлились, и, сделав шаг в сторону, он торжественно распахнул перед странниками по жизни триумфальные ворота в обитель Вечности.

Таково краткое содержание монументального философского романа «Критикон» выдающегося испанского писателя XVII века Бальтасара Грасиана, оказавшего сильное влияние как на современников писателя, так и на последующие поколения.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес родился в арагонском селении Бельмонте около Калатаюды в почтенной, хотя и незнатной, семье лекаря и был крещен 8 января 1601 года.

Три брата и сестра Бальтасара приняли монашество. Духовная карьера ожидала и Бальтасара. Это было обычным явлением не только для тогдашней Испании, а и для многих западноевропейских стран, поскольку лица духовного звания были представителями в целом довольно благополучного второго сословия и могли обеспечить себе сносный образ жизни. К тому же духовное образование не только не препятствовало приобщению к различным наукам, но даже поощряло подобное приобщение. Часто богословские факультеты служили первой и совершенно необходимой ступенькой для вхождения в мир философии, науки и литературы.

После начального образования в толедской иезуитской коллегии, а затем в сарагосской коллегии Бальтасар становится в Таррагоне послушником иезуитского ордена.

С 1619 по 1623 год Бальтасар изучает философию в родном городе Калатаюде, а с 1623 года – теологию в Сарагосе.

Духовная карьера молодого Грасиана складывалась успешно. Его назначают

помощником ректора сарагосской коллегии. Затем он становится преподавателем латинской грамматики в Калатаюде. После Калатаюды ведет курс моральной теологии в каталонской Лериде. И вот наступает очередь иезуитской соперницы Сорбонны – престижной и широко известной коллегии Гандии (Валенсия), где Грасиан читает курс философии в период 1633–1636 годов.

Биографы писателя отмечают, что уже в молодые годы Грасиан почему-то не внушал руководству ордена иезуитов полного доверия. В периодических личных характеристиках отмечается его «тяжелый характер». По этим и другим причинам срок послушничества и положенная по уставу тщательная проверка «чистоты крови» Грасиана надолго затягиваются. Лишь в 1635 году совершается, наконец-то, торжество «принятия четырех обетов» (бедности, целомудрия, смирения и абсолютного послушания).

Начало литературного творчества Грасиана датируется 1636 годом, когда он переезжает в Уэску, на должность проповедника и исповедника местной иезуитской коллегии.

Уэска – один из культурных центров Арагона. Этот город уже одной своей культурной атмосферой предрасполагает к более напряженной интеллектуальной деятельности.

Грасиану повезло трижды. Во-первых, переезд из захолустья в Уэску. Во-вторых, в лице ректора коллегии Франсиско Франко он обрел влиятельного покровителя по службе. В-третьих, он познакомился и близко сошелся с просвещенным вельможей Винсенцио Ластаносом, который стал достойным ценителем его литературных талантов.

Ластанос – владелец богатой усадьбы с большим садом, зверинцем и обширной библиотекой. Он не чужд литературного творчества. Любит коллекционировать предметы старины, что отражается в его сочинении по нумизматике. В доме вельможи собирается светски образованное общество Уэски. Естественно, в этих условиях перед провинциалом Грасианом открываются более широкие культурные горизонты.

В начале 1637 года в Калатаюде с помощью Ластаноса выходит первое значительное произведение Грасиана, моральный трактат «Герой». Это сочинение было хорошо встречено в Испании и в ряде европейских стран, о чем свидетельствуют многочисленные прижизненные переиздания «Героя». Однако издание трактата было самовольным, то есть было вопреки запрету для членов иезуитского ордена печатать что-либо без предварительного одобрения начальства. Понимая свою вину перед орденом, Грасиан жертвует авторским тщеславием и приписывает сочинение двоюродному брату-однофамильцу Лоренсо Грасиану.

Однако наш строптивец усугубляет свою «вину» тем, что своевольно отпускает грехи одному недостаточно благочестивому священнику и – о, ужас! – берет на воспитание незаконнорожденного ребенка своего приятеля.

Целых три греха!

Где личное смирение?

Где пастырская строгость?

Где простая благопристойность?

Надо бы призадуматься и покаяться, а он уже готовит второе сочинение – «Политик», которое выходит в свет в 1640 году и вновь без одобрения ордена, и вновь под тем же двусмысленным псевдонимом.

Хотя «Политик» задумывался как продолжение «Героя», но оказался слабее первого произведения, так как Грасиан – законченный моралист, плохо различающий этику и политику. Тем не менее «Политик» был хорошо встречен просвещенными читателями, в том числе из кружка Ластаноса. Читатели правильно уловили критическую силу трактата, где панегирики в адрес Испании как католической сверхдержавы сочетаются с острой сатирой и патриотической самокритикой. «Это скорее критика многих королей, нежели панегирик одному», – замечал сам автор.

В сороковые годы выходят три новых произведения Грасиана: трактат-антология «Остроумие», этический трактат «Благоразумный» и сборник афоризмов «Карманный оракул».

Сороковые годы были тяжелыми для Испании: каталонская междоусобица, восстание португальцев, отпадение Бразилии, голод и чума. Грасиан тяжело переживает национальные бедствия этих лет и пытается помочь своим соотечественникам всем, чем только может. В качестве проповедника он участвует в защите Таррагоны и Лериды от осаждающих их французов. За свое воодушевляющее красноречие падре Бальтасар удостоился у солдат прозвания Отца Победы. В письмах того времени к друзьям ясно выражено глубокое сострадание к разоряемому населению, отвращение к мародерству и грабежам, чинимым обеими воюющими сторонами.

Последние десять лет литературного творчества Грасиана, приходящиеся на 1647–1657 годы, почти целиком отданы «Критикону», монументальному философскому роману о пути человека в жизни человеческого общества. Роман печатался по частям. Первая часть была посвящена доблестному кавалеру дону Пабло де Парада, генералу артиллерии и герою освобождения Лериды от осады. Отношения с прежним покровителем Ластаносом к этому времени заметно охладели из-за неліцеприятного отзыва Грасиана о довольно слабой поэме одного каноника, которому симпатизировал Ластанос.

Первая часть «Критикона», посвященная «весне детства и лету юности» человека, имела немалый успех у читателей по двум главным причинам. Во-первых, она в известном смысле более реалистична и менее философична, чем последующие части романа. Сюжетная интрига начинается с «робинзонады», хотя точнее было бы сказать несколько иначе, поскольку ряд литературных находок и приемов Грасиана были позднее использованы многими европейскими и американскими писателями, включая Даниеля Дефо, Джонатана Свифта, Марка Твена, Редьярда Киплинга и других литераторов, особенно из числа фантастов. Во-вторых, она более узнаваема в силу своего национального колорита, то есть более испанская в образах и деталях быта, а посему легче воспринимаемая читателем.

Но уже во второй части («Осень Зрелости»), опубликованной в 1653 году, морально-философский подтекст всплывает на поверхность в виде персонифицированных образов и становится доминирующим. Одновременно с этим выявляется и смысл социальной критики, ее предметная направленность, а именно – направленность на разоблачение светского и духовного лицемерия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вторая часть «Критикона» переполнила чашу терпения начальников ордена. Не помогло и вышедшее через два года под настоящим именем автора религиозное сочинение «Размышления о причастии», в котором Грасиан, как смиренный и послушный иезуит, отвергает «приписываемые» ему мирские книги. В Рим полетели доносы на недостойное поведение члена ордена, которому доверили кафедру Священного Писания в Сарагосе. Однако Грасиан не унимается. После выхода в 1657 году третьей части «Критикона» новый ректор сарагосской коллегии внял настояниям главного врага Грасиана, генерала ордена Никеля, и не только вынес публичный выговор своему подчиненному, но и лишил его кафедры, запретил преподавать, выслал из Сарагосы и приговорил к строгому покаянию.

В довершение ко всему летом 1658 года в Валенсии появился глумливый памфлет «Отраженная критика, или Осуждение Осуждения», автором которого скорее всего был иезуит Пабло де Рахас. И дело даже не в содержании этого пародирующего памфлета, а в том, что его автор задает Грасиану отнюдь не шуточный по тем временам вопрос о «чистоте крови». Оказывается, под фамилией Грасиан (Хен-Грасиан или просто Хен) были известны некоторые испанские евреи XIII–XIV веков. Само имя «Грасиан» – латинизированный перевод древнееврейского «хен» (милость, благоволение; очарование,

грация; отсюда *gratia plena* – в евангельском обращении архангела к богородице и в молитве к ней – перевод «мало хен» иврита). Хотя родители Грасиана пользовались репутацией «старых и верных католиков», вопрос автора памфлета провоцировал инквизицию на проведение соответствующего расследования. Кстати заметить, этот вопрос не закрыт до сих пор.

Чтобы читателю яснее стала зловещая суть подобного вопроса, спешу сообщить следующее.

Католическая средневековая идеология, взятая на вооружение испанской монархией, не допускала веротерпимости. После отвоевания Гранады в 1492 году к титулам испанского короля прибавился титул «католический», что ко многому обязывало. Под королевским патронатом господствующая церковь стала требовать абсолютного подчинения себе всего населения, находящегося под юрисдикцией испанской короны. Поэтому испанская инквизиция, действовавшая в интересах католической королевской власти, беспощадно истребляла прежде всего иудеев и мавров.

Спасая себя и имущество, некоторые иудеи и мавры вынуждены были принять христианство. Почувствовав, что часть лакомой добычи уходит из рук власть предержащих, включая церковь, инквизиторы быстро изменили тактику. Приор доминиканского монастыря в Севилье Альфредо де Охеда потребовал учреждения инквизиции для борьбы с марранами, то есть с иудеями, принявшими христианство, которых также именовали «новыми христианами». Он же поддержал сицилийского инквизитора Барбериса, который в 1477 году явился в Севилью и, получив подтверждение своих привилегий и полномочий, начал советовать королевской чете создать в Испании новую всеохватывающую инквизицию для укрепления их власти, которая только недавно объединила под своим скипетром Кастилию, Арагон и Сицилию. Их усилиями, а также усилиями папского нунция в Испании Николаса Франко, в 1478–1483 годах в королевстве была учреждена «новая инквизиция».

2 января 1481 года инквизиционный трибунал обосновался в доминиканском монастыре в Севилье и немедленно приступил к своей кровавой работе. К тому времени среди «новых христиан», прознавших о готовящихся против них репрессиях, распространилась ужасная паника. Многие меняли фамилии и места жительства. Более благоразумные и состоятельные ликвидировали дела и спасались бегством за границу.

Первым распоряжением нового инквизиционного трибунала был приказ, повелевающий всем светским властям в течение пятнадцати дней арестовать иудеев и мавров, сменивших фамилии и местожительство, конфисковать их собственность, а самих доставить в Севилью.

Тех из арестованных, кто отказывался признать себя виновным в лживом принятии христианской веры и попытках скрыться, отлучали от церкви и посылали на костер. Те же, кто отрекался, отделялись почти смертельной поркой, тюремным заключением, конфискацией имущества и лишением всех прав.

Беспощадно преследуя марранов и морисков (мавров, насильственно или под давлением обстоятельств обращенных в христианство), инквизиция и светские власти всячески мешали их ассимиляции. Одним из препятствий к ассимиляции было требование сертификата «чистоты крови», который в обязательном порядке должен был предъявляться при назначении на государственные должности, присвоении офицерского чина, вступлении в духовное звание или монашеский орден, в университеты и на преподавательскую работу, при выезде за границу и т. д.

В связи с «делом» Грасиана интересно отметить, что создатель иезуитского ордена Лойола, желая использовать в своих целях «новых христиан», разрешил им вступать в орден, не требуя от них сертификатов «чистоты крови», которые он называл «испанским предрассудком». Однако в 1608 году орден под давлением испанской короны был

вынужден сделать существенную оговорку, а именно: членство в ордене разрешается «новым христианам» только в пятом поколении.

Хотя во времена правления Филиппа IV (1621–1665) была несколько упрощена процедура получения сертификатов «чистоты крови» и был уничтожен индекс семейств «новых христиан» под названием «Зеленая книга Арагона», служившая главным источником информации при определении «чистоты крови», институт этого сертификата был окончательно отменен только в 1865 году.

Как видим, в подобных условиях обвинение в «нечистоте крови» могло обернуться для Грасиана большой бедой, вплоть до инквизиционного костра. Но, впрочем, беды избежать не удалось, хотя и менее суровой. В начале 1658 года он был отправлен в ссылку, которая явилась для него не только сплошным унижением и попранием всех личностных начал, но и мучительным состоянием человека, которому запрещено заниматься любимым творческим делом, этим единственным для него источником смысла жизни.

Опальный писатель, которому было запрещено иметь бумагу и чернила, начал быстро физически сдавать и в декабре того же 1658 года скончался.

Время наибольшей славы Грасиана и его наиболее сильного влияния на европейскую философскую и художественную мысль приходится на конец XVII века и первую половину XVIII века (ранний этап Просвещения). С 1641 по 1750 год книги испанского писателя издавались в Европе много десятков раз.

Характерно, что в Германии известный философ, юрист и один из создателей теории естественного права Христиан Томазий (1655–1728), первым попытавшимся в русле традиции немецкой философии разграничить области права и нравственности, читал в 1687–1688 годах в Лейпцигском университете курс лекций по морали, праву и воспитанию, положив в их основу идеи автора «Карманного оракула», чье произведение было опубликовано на немецком языке в 1686 году. Новизна и смелость этих идей применительно к рутинной жизни немецкого общества, а также их не менее смелая интерпретация немецким ученым в духе философии рационализма вызвали крайнее неудовольствие у академических коллег Томазия и сильное раздражение в клерикальных кругах. Вскоре лекции Томазия были запрещены, а сам лектор выслан из родного города. Как отмечают историки, судьба этого скандального курса весьма показательна для понимания истинного места Грасиана в истории европейской философской мысли.

В начале XVIII века книги Грасиана имели большой успех во Франции. Его «Критикон» служил для французских писателей своеобразной нормой философского романа.

Если рассматривать грасиановский «Критикон» как философский роман с глубоким подтекстом, тогда становится понятным его вклад в развитие европейской философии. Этот вклад заключается прежде всего в освещении исторического генезиса с точки зрения человека, живущего в условиях абсолютной монархии и возлагающего большие надежды на роль личности в истории.

Будем иметь в виду, что в социально-иерархической структуре абсолютизма XVII века, испанского в частности, положение человека в обществе определялось занимаемой им ступенью на официальной лестнице, вследствие чего проявляются и реализуются его хорошие и дурные качества, его природные дарования и пороки. Но это еще не все. Главное заключается в том, что переход к абсолютному единодержавию знаменуется лишением власти и всякого политического значения прежних средневеково-феодальных институтов. Бывшие носители феодальной власти в государстве абсолютной монархии относятся друг к другу как частные личности, социально-политический вес которых ограничивается не частным правом, получающим реальность в собственности, как это было в Древнем Риме периода империи, а социально-политическим пространством придворной жизни, где исключительно важную роль играют отношения покровительства.

В такой системе социальных ценностей решающим фактором в деле достижения жизненных успехов играют не столько богатство и родовитость, сколько место в придворной иерархии или в личной иерархии придворных покровителей. Это место надо завоевать с помощью искусства интриг, которое предполагает наличие способности управлять собой и людьми для достижения корыстных целей.

Природа бросает человека на произвол судьбы. Задача человека состоит в том, чтобы обыграть Фортуны теми «картами», которые она сама предлагает для азартной игры. Поэтому, подчеркивает Грасиан, «опытный игрок не сделает того хода, которого ждет противник». Настоящая жизненная игра – это игра тайная, связанная с разгадкой чужих тайн и с неразглашением своих собственных. Однако в данном случае Грасиан ставит под сомнение практичность аморализма в духе макиавеллизма. Суть морали умной, сильной, энергичной личности заключается не в достижении цели любыми средствами, особенно если цель откровенно порочна, а в выборе единственно верного решения в согласии с требованиями разума.

Требования человеческого разума не являются вечными заповедями. Эти требования проистекают из трезвой оценки изменяющихся жизненных обстоятельств, на основе которой принимается оптимальное решение, аналогичное решению врача. Изменение жизненных обстоятельств напоминают процессы, протекающие в человеческом организме. Если данный организм функционирует бесперебойно, то отпадает потребность в медицинском вмешательстве. Но если человек болен, то есть находится в тяжелой жизненной ситуации, и болезнь (обстоятельства) принимает кризисный характер, то совершенно необходимо спасительное решение врача.

Не случайно свой «Критикон» Грасиан делит не на главы, а на кризисы (от гр. *krisis* – решение, поворотный пункт; резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние), пользуясь распространенным термином, заимствованным из тогдашней медицины. После Грасиана термин медицинской патологии «кризис» утвердился в обиходе культурной речи, обретя более широкий смысл, породивший слова «критика», «критик», «критический» в современном их значении. Таким образом, название «Критикон» указывает на концепцию романа в целом, сюжетная линия которого развивается посредством «кризисов», как бы отражая «кризисные этапы» в историческом развитии человеческого духа.

В XVIII столетии эту идею кризисного (диалектического) развития духа возьмет на вооружение выдающийся немецкий философ Г. В. Ф. Гегель, автор знаменитого философского сочинения «Феноменология духа». Гегелевская книга в известном смысле идейно близка философскому роману Грасиана и своеобразно копирует его, но менее талантливо в идеологическом и литературном смысле. Грасиановская «феноменология духа» как «феноменология жизни», как движение от низших жизненных феноменов к высшим по общим законам противоречивого человеческого существования гораздо ближе к истине, чем гегелевская диалектика, произвольно перекраивающая реальную человеческую историю.

Грасиан занимает по-своему уникальное место в истории европейской философской литературы Нового времени. По достоинству его идеи могут быть оценены с точки зрения диалектической теории развития, предполагающей столкновение противоположных начал, конфликтных интересов. Пример его творчества опровергает взгляд на историю как на линейный, поступательный процесс развития. А из этого опровержения следует, что и человек не так прост, как это порой кажется «прямолинейно» смотрящим на мир философам и политикам, у которых всегда наготове набор шаблонных «прокрустовых схем», годящихся, быть может, только для анатомирования трупов, но не для общения с живыми людьми.

Однако хватит дидактики и морализирования. Предлагаю читателю немного размяться

на отнюдь не турнирных схватках Тридцатилетней войны, о которой неоднократно упоминалось в этой книге, но которая пока ограничивалась сухой исторической характеристикой. Для этого нам придется отправиться в Германию первой половины XVII века и кое с кем поближе познакомиться.

О простаках и простецком мировосприятии в непростых условиях. Хотите верьте, хотите нет, но у одного немецкого батяньки был когда-то собственный дворец, расписанный глиной и покрытый соломой. Этот замок находился в Шпессерте, где по ночам воют голодные волки.

В обучении наукам его сынуля преуспел настолько, что мог сосчитать пальцы на одной руке. Что касается его богословской выучки, то у него не было тогда понятий ни о Боге, ни о небе, ни о преисподней, ни об ангелах, ни о чертях, ни о людях. Посему он не знал, как отличить добро от зла, и жил весьма беспечно.

Батяка даровал своему чаду высокий сан пастуха, первым делом вверив ему свиней, коз и стадо овец. При этом было сказано:

– Малой, держи ухо остро и хорошенько смотри за живностью. Коли не досмотришь, я тебя славню отдую.

Как-то раз наш пастушонок со своим стадом наткнулся на отряд кирасир. Один из кирасир схватил мальчишку за шиворот и швырнул на крестьянскую клячу, которая досталась им в добычу. На этой кляче он и зарысил до самого батякиного двора.

Дома никого не было, так как, заметив кирасир, батяка и matka, прихватив дочку, дали тягу через заднюю калитку.

Первое, что учинили кирасиры, было превращение крестьянского дома в конюшню. После этого некоторые из них принялись бить скотину, а затем варить и жарить ее, тогда как другие стали увязывать в большие узлы всякую рухлядь, а что не могли взять с собой, то ломали и разоряли до основания.

Батякину служанку они затащили в хлев и там поступили с ней самым зазорным образом. Работника же они связали, положили на землю и влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи. Этот «напиток» пришелся ему не по вкусу и произвел на его лице удивительные корчи. Таким образом несчастного вынудили показать место, где скрывались люди и скот.

Схватив бедолагу, солдаты стали отвинчивать кремни от пистолетов и на их место ввертывать пальцы мужиков. Одного из пойманных они засунули в печь и развели под ней огонь. Другому обвязали голову веревкой и так начали крутить палкой ту веревку, что у него изо рта, носа и ушей захлестала кровь.

Батяка нашего пастушонка был всех счастливее, поскольку он, смеясь, признавался во всем. Эту веселость солдаты решили усилить и, натерев батяке подошвы мокрой солью, заставили старую козу слизывать ее, от чего происходило большое щекотание. Всем казалось, что батяка лопнет со смеху. В конце концов он указал на сокрытые крестьянские сокровища.

С захваченными женщинами поступили по-солдатски просто и без всяких особых церемоний.

К вечеру пастушонку удалось сбежать в лес. Непроглядная ночь укрыла его, уберегая от опасностей.

Едва утренняя звезда возжглась на востоке, как мальчишка увидел дом батяки, охваченный пламенем. Он направился туда в надежде встретить кого-либо из домочадцев, но солдаты чуть не застрелили его. Пришлось спасаться бегством.

В ночном лесу ему повстречался рослый человек, чьи черные волосы, подернутые сединой, спадали ниже плеч, а борода была всклокочена. Лик незнакомца был бледен и худ, а его долгий кафтан покрывало множество заплат. Шею же и стан обвивала тяжелая цепь.

От страшного вида пустынного нашего вынужденному скитальцу стало дурно, и он лишился всех чувств. Когда же очнулся, то обнаружил, что его голова лежит у старика на коленях.

Успокоив мальчонку, старец отвел его к себе в хижине, где накормил и напоил.

На следующее утро отшельник хотел было распрощаться с жертвой солдатского произвола, но тот начал упрашивать старца не прогонять его. И старец согласился.

Примерно три недели длилось испытание подопечного. Мальчишка вел себя столь исправно, что весьма угодил отшельнику, и он стал с большим усердием наставлять незрелую душу к добру. Поначалу отшельник преподавал ему историю отпадения Люцифера от Бога, затем перешел к описанию рая и под конец объяснил закон Моисеев, научив посредством десяти заповедей отличать добродетели от пороков. После небольшой паузы старец приступил к разъяснению Евангелия и поведал о рождении, страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа, заключив свой рассказ картинами Страшного суда, а также ада и рая.

Пустынный прозвал своего неофита Симплициусом, то есть Простакон, поскольку ни ему, ни мальчонке настоящее имя было неизвестно. Мамка звала его плутом, ослом, болваном, олухом и висельником. Так же величал его и батька.

Старец научил Симплициуса творить молитву, писать и читать.

Около двух лет, пока не умер отшельник, наш Простак пробыл в том лесу. Пищей им служили различные огородные продукты: репа, капуста, бобы, горох, чечевица, просо. Нередко голод утолялся буковыми орехами, дикими яблоками и грушами, вишнями и желудями. Из толченой кукурузы пеклись лепешки в горячей золе. В пищу шли улитки, лягушки, рыба и раки.

После смерти отшельника Симплициус пошел к местному священнику и, поведав о смерти старца, спросил, как ему надлежит теперь поступать. Тот начал отсоветовать ему оставаться в лесу. Однако Симплициус все-таки вернулся в свою лесную хижину и целое лето соблюдал все то, что должно соблюдать набожному монаху. Но мало-помалу скорбь об отшельнике утихла, сменившись желанием узреть мир. И снова Симплициус отправился за советом к священнику.

Когда он пришел в деревню, та была охвачена пламенем. Ее разграбила и подожгла ватага каких-то всадников. Крестьян они частью порубили, частью прогнали, а некоторых забрали в плен, включая священника. Но тут из леса выскочило множество вооруженных чем попало крестьян, которые, громко вопя, напали на всадников и принудили их дать тягу. Часть грабителей попала в лапы мужиков, которые обошлись с ними весьма худо.

После всего виденного Симплициус возвратился в лес, решив стать настоящим пустынножителем. Однако на другой день после разграбления деревни его хижину окружило несколько десятков мушкетеров, потребовавших, чтобы молодой отшельник указал им дорогу из лесу.

Когда отряд вышел на опушку, то все увидели с десятков крестьян, часть которых была вооружена пищалями, а остальные что-то закапывали. Мушкетеры бросились на крестьян. Те ответили залпом из пищалей, а потом разбежались кто куда.

Солдаты возымели желание узнать, что закапывали крестьяне, и немедленно вооружились брошенными лопатами. Вскоре они наткнулись на бочку. Разбив ее, нашли детину, у которого недоставало носа и ушей, но он все еще был жив. Как только этот детина пришел в себя, он рассказал, что вчера, когда несколько солдат из его полка добывали фураж, мужики захватили в плен шестерых из них. Поставив фуражиров в затылок друг другу, они приказали одному из мужиков выстрелить. Пятеро были застрелены одной пулей, а шестому мужики отрезали уши и нос, принудив перед этим облизать им задницы. После этого они хотели было отпустить солдата с миром, но тот начал поносить их последними словами. Разозлившись, мужики запихали его в бочку и

решили похоронить заживо.

Пока детина жаловался, другой отряд солдат повстречал в лесу упомянутых мужиков и, предав большинство смерти, несколько человек захватили в плен. Когда оба отряда повстречались и все вместе выслушали еще раз историю изувеченного рейтера, решено было хорошенько помучить мужиков. Одному из них палашом рассекли голову до зубов. Остальных привязали за руки и за ноги к поваленному дереву, содрали с них штаны, взяли несколько сажений твердого фитиля, насадив предварительно на него металлические пуговицы, и начали пилить им мужицкие задницы, пока кожа и мясо не сошли до костей. Симплициус же был отпущен домой.

Воротившись в хижину, он обнаружил, что brave мушкетеры славно поживились за его счет, разграбив все, что только можно. Тогда Симплициус решил покинуть хижину и уйти в мир людей.

На третий день он вышел из лесу неподалеку от города Гельнгаузена. Войдя в город, молодой человек увидел ужасную картину: улицы повсюду были усеяны мертвыми телами, причем некоторые были догола раздеты. Вскоре он узнал, что это было дело рук солдат имперского войска.

Покинув город, Симплициус вышел на проезжую дорогу, которая привела его к крепости Ганау.

Около крепости наш странник заприметил стражу и решил дать стрелка, но его быстро настигли два мушкетера, схватили и сволокли в караульную, где он был допрошен офицером весьма странного вида. Сей муж имел долгие косы, свисавшие словно кобыльи хвосты. Бороденка же его была так безжалостно обкорнана, что только и остались торчать под носом несколько волосков. Его широченные шаровары напоминали скорее женскую юбку, нежели мужские штаны.

Этот женомуж, или мужежен, велел обыскать Симплициуса. Однако при обыске ничего не нашли, кроме одной книжицы на бересте, куда ее владелец каждый день вписывал свои молитвы. Так как задержанный не желал расставаться с книжицей, он бросился в ноги офицера и воскликнул:

– Ах, любезный гермафродит, оставь мне мой молитвенник!

– Дурень, какого черта ты взял, что я зовусь Германом? – сердито прорычал офицер.

Затем последовал приказ двум солдатам отвести задержанного к губернатору.

Губернатор спросил Симплициуса, откуда тот пришел и куда держит путь.

В ответ не последовало ничего вразумительного.

Это навело губернатора на мысль, что перед ним предатель или лазутчик. Он приказал заковать подозрительного субъекта в кандалы и бросить в темницу. От тюремных пыток нашего Простака спас случай. Когда Симплициус стоял перед зданием тюрьмы, его увидел знакомый священник и, узнав о происшедшем, поспешил к губернатору ходатайствовать об освобождении юноши.

После беседы священника с губернатором Симплициус был освобожден и отведен в людскую, где его уже ожидали двое портных, сапожник с башмаками, торговец шляпами и чулками.

Эти неожиданные метаморфозы были вызваны тем, что отшельник, с которым Симплициус жил в лесу, был не только свояк здешнего губернатора, но и лучший его помощник в военных делах. Однако позднее он презрел свой знатный род, наследованные богатые имения и ушел в лес от мирской суеты.

Вот при каких обстоятельствах Симплициус стал пажем губернатора.

У губернатора был секретарь, который только недавно окончил учение, а посему был еще битком набит школьными дурачествами, отчего иногда казалось, что у него на чердаке не все ладно. Однажды Симплициус похулил его грязную чернильницу, но в ответ услышал, что эта чернильница – самая распрекрасная вещь во всей канцелярии, ибо

из нее можно достать все, что пожелаешь: дукаты, платья, хорошее вино и вкусную еду.

Кроме Симплициуса, служил у губернатора в пажах один прожженный плут, ревновавший Симплициуса и завидовавший ему. Этот паж постоянно измышлял, каким бы хитрым способом подставить Симплициусу ногу, но никак не мог под него подкопаться.

Как-то перед сном пажи долго болтали. Речь шла о ворожбе и гаданье. Завистник пообещал обучить Симплициуса этой премудрости. Для начала ему было велено сунуть голову под одеяло. Простак так и сделал, ожидая сошествия на него прорицательского духа, а тем временем злокозненный плут выпустил под одеяло своего духа, но не прорицательского, а очень вонючего.

– Как ты думаешь, что это? – спросил прехитрый наставник.

– Это твои зловонные ветры! – обиженно воскликнул Симплициус.

– Ты угадал, и значит, научился сему тонкому искусству, – рассмеялся в ответ шутник.

По своей наивности Симплициус не принял это за издевку, а только поинтересовался, каким образом оные ветры можно испускать бесшумно.

– Это немудреное искусство, – ответил пройдоха. – Тебе надо только поднять левую ногу, как собака, и тихонько молвить «пук-пук», после чего поднатужиться изо всех сил, и тогда они выйдут погулять без всякого шума.

На следующий день губернатор задал пир своим офицерам и друзьям, ибо получил приятное известие о победе над неприятелем и захвате замка Браунфельс. По должности Симплициусу надлежало прислуживать за столом, помогая разносить кушанья и наливать чарки.

Гости на этом пиру пожирали кушанья, словно свиньи, и блевали с чудовищным ревом.

Когда Симплициус прислуживал за столом, его брюхо непрестанно ворчало, урчало и роптало, давая тем самым знать, что заключенный в нем тяжелый дух рвется наружу. Тут-то он и замыслил пособить самому себе и немного приоткрыть дверцу задницы, употребив на этот случай искусство, которому научился у пройдохи пажа. Согласно учительским наставлениям, наш Простак отвел левую ногу и изо всех сил поднатужился. Только он собрался трижды произнести заклинание «пук-пук», как в это время произошло такое громоизвержение, которое привлекло к себе всеобщее внимание. Конечно, от пердежа Симплициус получил немалое облегчение, но вместе с тем приобрел немилость губернатора, которая выразилась в том, что пукальщик был разложен на деревянной кобыле и изрядно выпорот.

Увы, но дело этим не кончилось. Спровоцированный в очередной раз злокозненным другом, бедняга Симплициус обосрался в приличном обществе, за что был высечен еще раз и заперт в гусятнике.

Сидя в гусятнике, он долго рассуждал о различных пороках. Вдруг кто-то подкрался к двери и начал бряцать засовом. Вскоре дверь открылась и здоровенный детина залез внутрь гусятника, волоча за собой дородную девицу. Симплициус затаился, со страхом ожидая, чем все это завершится. Тут он услышал громкие поцелуи, узрел диковинные позы и подумал: «Эти сумасшедшие люди пришли сюда, чтобы сокрушить гусятник и лишить меня жизни!»

Когда эти ужасные мысли заполнили разум Симплициуса, он с диким криком устремился к двери. Проворно выскочив наружу, перепуганный юноша быстро задвинул за собой засов.

Хотя Простак благополучно покинул гусятник, однако его тревожили разные мысли. Тут ему на ум пришло, что надобно поискать прибежище у знакомого священника.

Узнав от юноши о происшедшем, священник негодуя воскликнул:

– Симплиций, шивое твоё дело! Ты все пустил по ветру. Скорехонько проваливай из моего дома, чтобы мне не попасть вместе с тобой в немилость к губернатору.

Простак вынужден был вернуться в губернаторский дом. Зайдя на кухню, он сел у огня, со страхом и трепетом ожидая, когда проснется губернатор.

Поднявшись с постели, губернатор послал лейб-егеря привести провинившегося Симплициуса из гусятника. Лейб-егерь вскоре вернулся с известием, что нашел двери гусятника раскрытыми, а позади засова прорезана ножом дыра. Но еще до возвращения лейб-егеря губернатор проведал от слуг, что Симплициус уже давненько сидит на кухне. Между тем к завтраку начали собираться вчерашние гости. Когда появился священник, губернатор завел с ним разговор о Симплициусе, при этом прямо заявляя, что пажу следует задать хорошую порку.

Пока они беседовали, собрались гости. А Симплициус, сидя на кухне, разговаривал с тем сумасбродным фендриком, которого запер в гусятнике. Этот фендрик угрозами и талером добился того, что Симплициус пообещал ему молчать о нескромных делишках в гусятнике.

Собравшимся за столом гостям священник рассказал различные забавные вещи о Симплициусе. Он не забыл сообщить слушателям, кто обучил виновника скандала искусству воровства.

Чтобы позабавить гостей, губернатор призвал Симплициуса и спросил:

– Чем ты можешь заплатить своему товарищу за обучение столь похабному искусству?

– Ничем, – ответил Симплициус, скромно потупя глаза.

– Ну, так я ему уплачу сполна за твое ученье, – расхохотался губернатор и велел тотчас разложить пройдоху на деревянной кобыле и щедро всыпать ему горячих.

Затем губернатор спросил, чего ради Симплициус прорезал в двери дырку и дал тягу. Тот ответил, что это сделал кто-то другой.

– Кто же? – любопытствовал губернатор.

– Тот, кто ко мне пришел.

– А кто к тебе пришел?

– О том я никому не смею сказать.

Губернатор быстро смекнул, как провести Симплициуса, и спросил:

– Кто тебе посоветовал это сказать?

– Один сумасбродный фендрик.

По общему смеху Симплициус понял, что сделал большую промашку. Сидевший вместе со всеми сумасбродный фендрик стал красен как рак.

– Зачем сумасбродный фендрик пришел в гусятник? – продолжал допытываться губернатор.

– Он привел туда девицу, – пролепетал Симплициус.

– И что же он учинил далее?

– Мнится мне, что он собирался там помочиться, так как снял штаны.

– А что же девица? – давась от смеха, спросил губернатор. – Неужели она не застыдилась?

– Вестимо, нет, мой господин. Она задрала юбку и решила присоединиться к фендрику. Эти слова Симплициуса вызвала всеобщий хохот.

Губернатор и гости пришли к заключению, что со временем из Симплициуса получится редкостный застольный шут.

Во исполнение этого намерения Симплициуса пропустили через горнило разных испытаний и в конце концов напялили на него шутовской кафтан.

Всё шло своим чередом. Симплициус служил своему господину для утех, забавы и увеселения. Все оказывали ему свое благоволение, ибо видели расположение губернатора к шуту. Морда Симплициуса стала лосниться, а телесные силы заметно прибавились. Между тем вся Германия тогда была объята жестоким пламенем войны, чумой и голодом, а крепость Ганау обложил неприятель.

Как-то раз Симплициус резвился с несколькими ребятами на льду перед крепостью. И тут нелегкая принесла отряд хорватов, этих отпетых бандитов войны, которые сцапали их, посадили на порожних лошадей и увезли всем скопом.

Хотя в крепости тотчас подняли тревогу, однако отбить пленников не успели. Пряткая ватага хорватов быстро улизнула от погони и направила своих коней на Бюдинген. Там плененных богатеньких сынков из Ганау отдали на выкуп горожанам. Прибыв с большой добычей в аббатство Хиршфельд, где были у них квартиры, хорваты принялись делить награбленное, в результате чего Симплициус достался полковнику Марко Корпесу.

Отныне лакомые яства Ганау сменились грубым черным хлебом и постной говядиной или куском краденого сала. Вино и пиво превратились в воду, а вместо мягкой постели пришлось довольствоваться соломой возле лошади.

Хорваты жили беспокойной жизнью, рыская повсюду, нападая, обороняясь и грабя всех без разбора. Эта тревожная жизнь была не по нутру Симплициусу. Он не мог толком объясняться с хорватскими молодцами и был вынужден сносить их тычки, пинки и побои. В конце концов он постарался улизнуть от этих грубых солдафонов с врожденными повадками шакалов, что ему вполне удалось.

Не успел Симплициус сбежать от хорватов, как попал в лапы к разбойникам, но ему повезло, и он снова очутился на свободе, прихватив с собой разбойничий самопал. Шагая по лесу, наш бедолага наткнулся на ранец, к которому снизу был привязан патронташ с пулями. В ранце находился кошелек с тремястами шестьюдесятью дукатами, а также котомка с провизией.

Некоторое время Симплициус провел в лесу, покуда его ранец не опустел. Тогда он начал по ночам пробираться к крестьянскому жилью и воровать съестное из погребов и кухонь.

Однажды в конце мая Симплициус вознамерился обычным для него способом добыть себе пропитание и тихо пробрался на ближайший крестьянский двор. Заметив там людей, он затаился и стал наблюдать за ними. Ему было хорошо видно, что эти люди мазали чем-то метла, скамьи и одни за другим вылетали на них в окошко. После их исчезновения Симплициус не побоялся зайти в дом, чтобы хорошенько в нем пошарить.

Присев на скамеечку, он вдруг ощутил, как она заскользила, а потом резко взмыла. Верхом на этой скамеечке Симплициус вылетел в окно, оставив ранец и самопал на кухне.

В мгновение ока он очутился посреди большой толпы. Все отплясывали какие-то диковинные танцы.

Скамья, на которой прилетел Симплициус, опустилась возле музыкантов. У некоторых из них вместо флейт и свирелей были ехидны, ужи и гадюки, с помощью которых они превесело гудели, свистели и шипели. Иные музыканты стояли с кошками в руках, которым дули в задницу, перебирая по хвосту пальцами.

Неожиданно к Симплициусу приблизился молодчик, зажимавший под мышкой огромную жабу, все кишки которой были выворочены наружу из задницы и запиханы в глотку. При виде этой гнусности Симплициус начал блевать, а потом громко воскликнул: – Господь Иисус Христос!

Едва Симплициус произнес эти слова, как вся дьявольщина мгновенно исчезла. Тут же сделалась кромешная тьма, и он повалился наземь, осеняя себя крестным знаменем.

Было примерно девять часов, когда на Симплициуса наткнулся отряд фуражиров, которые разбудили его. Очнувшись, он увидел, что лежит посреди открытого поля.

Фуражиры привезли Симплициуса в лагерь под Магдебургом и представили своему полковнику. Полковник спросил его, куда тот намерен податься. Узнав, что Симплициусу все едино, он оставил его при себе, сделав своим пажем и приставив к нему наставника, мужа изрядно ученого, разумного и смиренного.

У полковника служил переписчик по имени Оливье, продувной плут и превеликий

пакостник. Этот копиист однажды сказал Симплициусу, что хозяева постоянных дворов потому называются трактирщиками, что прилежно трактуют о том, кто из постояльцев достанется Богу, а кто – дьяволу.

Совершенно иные беседы вел с Симплициусом наставник, который познакомил его со своим сыном, служившим в саксонской армии писарем и обладавшим совсем иными достоинствами, чем копиист. Звали этого писаря Ульрихом Херцбрудером. Симплициус и Херцбрудер крепко подружились, затем побратались навеки и дали клятву никогда не покидать друг друга.

Вскоре Симплициус заметил, что копиист жестоко завидует Херцбрудеру, ибо весьма опасался, что тот заступит должность полкового секретаря. Посему Симплициус заключил, что этот копиист строит планы, как бы подставить ножку его названному брату и привести его к падению.

На войне обычно ставят профосом, то есть полицейским и по совместительству палачом, старых испытанных солдат. В полку, где числился Симплициус, профосом был тертый и прожженный плут, а также большой злыдень. С ним водил дружбу копиист Оливье, почитавший своего друга не только за то, что он был профосом, но и за то, что профос считался чернокнижником и умел заклинать дьявола.

Однажды на пирушке по поводу разрешения полковницы от бремени сыном исчез золотой кубок полковника. Тогда полковник призвал профоса и приказал ему с помощью ворожбы открыть вора. Профос немедленно указал на молодого Херцбрудера. Возмущенный полковник гневно сказал, обращаясь к Херцбрудеру:

– Завтра поутру я собираюсь поставить тебя полковым секретарем, а теперь ты заслуживаешь виселицы, что непременно бы случилось, когда бы я не щадил твоего честного отца. Поэтому проваливай поскорее из моего лагеря и до окончания дней своих не смей показываться мне на глаза.

Юный Херцбрудер хотел вымолвить что-то в свое оправдание, однако никто не пожелал его выслушать.

Убитый горем отец, догадывавшийся, что эту баню его сыну устроили копиист и профос, предложил сыну найти способ уйти из отряда. Но тут встал вопрос о деньгах, которые требовались, чтобы откупиться. Денег у них не было. Тогда Симплициус предложил им свою сотню талеров. Старик и его сын пали ему на шею, не помня себя от радости.

Молодой Херцбрудер, уладив все дела и получив отставку, отправился в Гамбург, где на оставшиеся деньги купил двух лошадей и поступил в шведскую армию.

Старый же Херцбрудер, предрекший одному пьяному лейтенанту виселицу, был заколот этим пьянчужкой, за что того сразу же повесили.

Когда Симплициус лишился обоих Херцбрудеров, ему опостылел лагерь под Магдебургом. Поэтому, однажды отправившись за фуражом в ближайшую деревню, он решил улизнуть. В результате ряда перипетий Симплициус был спасен молодым Херцбрудером, но при этом сам Херцбрудер попал в плен, вследствие чего Симплициус стал слугой ротмистра того полка, в котором служил Херцбрудер. После смерти ротмистра Симплициуса записали в солдаты.

Когда дело доходило до схваток с неприятелем, Симплициус бросался в бой, как черт в пекло. Поэтому через короткое время он стал известен друзьям и врагам своей удалью. Ему поручали самые опасные предприятия, а при случае доверяли командовать целым отрядом. Почувствовав свою силу, он принялся грабить, и все знали, что награбленным наш сорви-голова щедро делится с друзьями. Оттого кошелек Симплициуса стал столь же увесист, как и его репутация. Вместе с тем он все больше делался безбожником, нечестивым и дерзким. Не было на свете такой плутни, которую бы не осмеливался учинить Симплициус. Но в конце концов он распрощался с военной службой и отправился

во Францию, сопровождая двух юношей, которых родители решили обучить французскому языку.

После ряда парижских приключений Симплициус решил вернуться в Германию.

По дороге на родину он, переболев оспой, был взят в плен шведами и против своей воли стал мушкетером. От этой почетной мушкетерской обязанности его освободил неожиданно появившийся Херцбрудер.

Приключения, приключения, приключения...

И вновь Херцбрудер, но на этот раз в роли нищего.

В компании Херцбрудера наш герой отправляется в Швейцарию, чтобы совершить паломничество в Эйнзидлен, аббатство бенедиктинцев, находящееся к югу от Цюриха.

Из Швейцарии их путь лежал в Вену, где Херцбрудер тяжело заболел. Устроив лечение друга, Симплициус отправился в Кельн к своей жене, с которой его не совсем деликатно бракосочетали перед поездкой во Францию. В Кельне он узнал, что жена, разрешившись от бремени сыном, покинула сей бренный мир. Вскоре ему пришлось распрощаться и с Херцбрудером, душа которого отлетела в мир иной.

Пораскинув мозгами, кое-что прикинув и кое к кому приоценившись, Симплициус женился вторично, но очень неудачно.

Однажды ему повстречался старый крестьянин, который вел на продажу козу. По большой бородавке, торчавшей у мужика на лбу, он узнал своего батьку из Шпессерта. Эта встреча повергла Симплициуса в большое изумление, но прежде чем открыться, он вначале спросил:

– Любезный, ты, часом, не из Шпессерта?

– Да, барин.

А не у тебя ли восемнадцать лет тому назад разорили и сожгли дом?

– Да, Боже ты милостивый!

– А не было ли у тебя в ту пору двух детей – взрослой дочери и мальчонки?

– Барин, девка правда была моей дочерью, а мальчонка нет. Мне принесла его война, и война же его у меня отняла.

Поскольку Симплициус был в обществе нескольких щеголей, то решил прервать разговор, чтобы не повредить своей репутации, если вдруг наружу выйдет какая-нибудь диковинная история о его рождении. Он начал обдумывать, каким образом снова встретиться со своим лжебатькой, а потому предложил купить у него козу, оплатив сделку вечером.

Вечером они встретились, и Симплициус заплатил за козу. Когда это дельце было spryснуто, он спросил, откуда взялся у мужика тот мальчонка, о котором сегодня утром шла речь. И вот, что узнал.

Когда Мансфельд проиграл сражение под Хёхстом, его разбитое войско рассыпалось повсюду. Много солдат забрело в Шпессерт, где они прятались в кустарниках. Тогда редко какой мужик ходил по зарослям без мушкета. Однажды в лесу раздались выстрелы. Через некоторое время наш сельхозтруженик увидел неподалеку от своего двора красивую молодую женщину на лошади. Она что-то лопотала. Заметив мужика, женщина начала умолять, чтобы ее отвели к повитухе, которая помогла бы ей разрешиться от бремени. Мужик взял под уздцы лошадь и отвел в чащобу, где скрывались его жена и дочь. Там-то незнакомка и родила мальчонку, о котором шла речь сегодня утром.

Когда был опорожнен еще один стакан, Симплициус спросил:

– Ну, а что случилось потом с этой женщиной?

– Разрешившись от бремени, она позвала меня в кумовья и назвала свое и мужнино имя, чтобы записать их в церковную книгу при крещении мальчика. Вскоре, однако, несчастная умерла, вверив нам сына.

– Как звали ту женщину, ее мужа и мальчонку? – взволнованно спросил Симплициус.

– Благородную женщину звали Сюзанна Рамзай, мужа, капитана, – Штернфельс фон Фуксгейм, а поскольку меня самого зовут Мельхиором, то я при крещении младенца нарек его своим именем и велел записать в церковную книгу Мельхиором Штернфельсом фон Фуксгеймом.

Таким образом Симплициус узнал, что доводится лесному отшельнику и сестре губернатора Рамзая сыном.

Симплициус-Мельхиор напоил своего крестного отца допьяна, а на другой день велел позвать его жену. Когда он открылся им, они этому поверили не прежде, покуда Симплициус не показал им на груди волосатое пятно, которое было у него от рождения.

Вскоре после того Симплициус вместе с крестным отправился в Шпессерт, чтобы раздобыть документы о своем происхождении. Эти документы были выправлены без особых трудов.

Как только жена Симплициуса узнала, что ее муж дворянин, она стала корчить знатную госпожу и своим нерадением расточать все в доме. Ее выходы муж сносил молча, ибо она тогда ходила на сносях.

В тот самый час, когда жена разрешалась от бремени, лежала в родах и служанка. По правде говоря, дитя, которое принесла служанка, было весьма схоже с Симплициусом, а то, что родила его жена, походило, как две капли воды, на их батрака. Вдобавок одна дама, к которой Симплициус имел свободный доступ, подложила к дверям его дома младенца с письменным извещением, что Симплициус доводится ему отцом. Увы, такая участь ждет всех тех, кто ведет безбожную и распутную жизнь, какой в то время предавался Симплициус, следуя своим скотским вожелениям.

Жена Симплициуса регулярно ублажалась вином, вследствие чего свела в гроб свое дитя, прижитое от работника, а вскоре и сама, тяжело заболев, сошла в могилу.

Когда наш герой обрел свободу, его кошелек порядочно отощал, а все домоводство было отягощено множеством челяди и скота. Поэтому он принял в дом своих крестников, от чего можно было ожидать прибыток. Действительно, в короткое время его двор прослыл самым лучшим в округе.

Однажды Симплициус отправился прогуляться на Кислые воды, где попал в компанию людей среднего достатка, от которых узнал много диковинного о Муммельзее, бездонном озере, расположенном поблизости.

И вот вместе с крестным, знавшим дорогу к озеру, Симплициус зашагал по направлению к Муммельзее. Когда они достигли озера, задул ветер и небо затянулось тучами. Крестный начал звать Симплициуса, но тот был занят тем, что бросал в озеро камни и не обращал на его призывы никакого внимания. Симплициус ждал, когда забулькают пузырьки, но вместо этого увидел, что в воде крутятся и трепыхаются какие-то создания, похожие на лягушек. Чем ближе они подплывали к поверхности, тем более становились похожими на людей.

– Ах! – воскликнул Симплициус. – Сколь дивны творения Создателя даже в бездне воды!

Едва успел он вымолвить эти слова, как один из сильфов (фр. *sylphe, sylphide*; в кельтской и германской мифологии, а также в средневековом фольклоре многих европейских народов – духи воздуха) выскочил из воды и промолвил:

– Что ты скажешь, когда опустишься в центр земли и узрешь наши селения?

Между тем из озера выныривали другие пловцы и пучили на Симплициуса глаза. Один из них бросил ему самоцвет величиной с голубиное яйцо и сказал:

– Возьми этот драгоценный камень, дабы было тебе потом что порассказать о нас и об этом озере.

Только Симплициус подхватил и спрятал камень, как у него все завертелось в голове, и он бултыхнулся в озеро. Очутившись в воде, Симплициус очнулся и под воздействием

силы, заключенной в камне, стал дышать водою, как воздухом. Одновременно он почувствовал, что может плавать в озере, как и водяные люди. Вскоре вместе с ним Симплициус ушел в пучину, где встретился с королем водяных человечков.

На вопрос короля о состоянии дел на земле Симплициус понес сущую околесицу, говоря, что земные духовные лица и светские владыки выше всяких похвал, купцы же торгуют не из жадности или прибыли, а лишь для того, чтобы снабжать своих ближних хорошими и нужными товарами. Медики пекутся только о здоровье своих пациентов. Ремесленники и слышать не хотят о какой-либо корысти или обмане. На земле ничего не знают о ростовщиках, а богатые люди помогают бедным из чистой христианской любви. Никто не чванится, ибо всяк ведаёт, что он смертен. И нигде не приметна зависть, ибо каждый почитает другого образом и подобием Божиим. Не сыщешь также пьяниц и выпивох, а если один другому поднесет винца, то оба довольствуются вполне христианским хмельком. Ныне нет уже больше скряг, остались только бережливые люди. Нет расточителей, но есть исключительно бережливые хозяева. Нет также головорезов, которых сменили храбрые и великодушные солдатики.

Когда Симплициус умолк, чтобы перевести дух от безбожного вранья, король сказал, что он узнал много полезного от него.

После этой аудиенции Симплициус отправился в путешествие и вскоре достиг дна Тихого океана. Из Тихого океана он перебрался к центру земли, наивно полагая, что центр земли внутри пуст и в этой пустоте бегают по кругу пигмеи, понуждая вращаться весь земной шар, дабы его повсюду освещало солнце, которое, по мнению древнегреческого астронома Аристарха и поляка Коперника, находится неподвижно посреди неба. За подобные суждения Симплициус был жестоко высмеян. Ему было предложено лучше поразмыслить над тем, какой подарок получить у короля.

В конце концов Симплициус возвратился домой и повел уединенную жизнь. Самой большой отрадой и утехой стало для него чтение книг. Однако в тот год в его края нахлынули французские, шведские и гессенские войска, чтобы отдохнуть, а затем осадить соседний имперский город. По этой причине все местные жители бежали в окрестные леса. Аналогичным образом поступил и Симплициус, оставив пустым дом, в котором расположился шведский полковник. Этот полковник, узнав, у кого он квартирует, добился знакомства с Симплициусом, которого завербовал в шведскую армию.

Вместе с полковником Симплициус поехал вначале в Лифляндию набирать свежий полк, а после неудачного вояжа они отправились в Москву, где полковнику якобы обещали высокую воеводскую должность.

Из Москвы Симплициус перебрался в Астрахань. Там его воровским образом полонила шайка кочевых татар, которые поменяли пленника на китайские товары маньчжурам, а те презентовали его как особую диковинку владыке Кореи.

Сделав ряд услуг корейскому владыке, Симплициус обрел свободу и через Японию отправился к португальцам в Макао, но по пути был захвачен магоментанскими морскими разбойниками. Пираты целый год таскали его по морям, пока не сторговались с несколькими купцами из египетской Александрии. В Константинополе он был продан турецкому султану, который в то время снаряжал галеры против Венеции. В Леванте турецкую галеру, одним из гребцов которой был Симплициус, захватили венецианцы. Так наш герой был вызволен из турецкого плена.

Очутившись в Венеции, Симплициус решил совершить паломничество в Рим и Лоретто, чтобы осмотреть эти знаменитые места и возблагодарить Бога за свое избавление.

Из Италии Симплициус благополучно вернулся в родной Шварцвальд, где крестник своим управлением привел двор в наилучшее состояние.

Симплициус пробыл в отлучке три года и несколько месяцев. За это время был

заключен мир, названный Вестфальским, то есть была закончена Тридцатилетняя война.

Читая книги и размышляя, Симплициус склонил себя к тому, чтобы стать отшельником. Выбрав совершенно дикую местность, он повел отшельническую жизнь.

В давние времена умерщвление плоти преимущественно состояло в молитве, посте и бдении. В этих упражнениях Симплициус был мало прилежен, предпочитая больше спать, чем молиться.

«Ах! – как-то раз мысленно воскликнул Симплициус. – Ты залег здесь, как медведь в берлоге, и не служишь ни Богу, ни людям. Разве не лучше, если я буду служить своим ближним, а они послужат мне?»

И начал наш герой заниматься паломничеством. В процессе этого паломничества он сошелся с бродягами и вскоре стал их предводителем. Когда Симплициус забредал в какое-нибудь местечко или пробирался в город, его тотчас обступал стар и млад, словно опытного шарлатана, который развлекает публику шутками и прибаутками. Одни принимали Симплициуса за пророка, другие – за сумасброда, третьи полагали, что он Вечный Жид, который принужден скитаться по свету до самого Страшного суда.

Меся дорожную грязь, Симплициус однажды набрел на дворянское поместье. В это время пошел сильный дождь, и он решил спрятаться под стенами замка. Его увидел хозяин замка и послал слугу, чтобы узнать, кто он такой и почему бродит вокруг дома в столь ужасную непогоду. Когда Симплициус все рассказал, а слуга пересказал это своему хозяину, путник был впущен в замок и отведен в людскую.

Спустя некоторое время Симплициуса пригласили отужинать с самим хозяином, который, угостив его на славу, пожелал узнать о житии и странствиях своего гостя.

Для сна Симплициусу отвели великолепную комнату. Он подумал, что подобный прием объясняется его набожностью и пилигримством. Но тут крылось совсем другое.

Когда Симплициус улегся в постель, хозяин замка сказал:

– Приятного сна тебе, Симплиций. Полагаю, ты не боишься привидений. Однако должен предупредить, что тех, которые бродят по этому покою, ты не прогонишь никакой плеткой.

С этими словами он вышел из спальни, оставив Симплициуса в смятении и страхе. Поразмыслив, он вскочил с постели в намерении выпрыгнуть в окошко. Но на окнах были железные решетки. Поэтому наш герой юркнул в постель, хотя и не мог заснуть, ожидая со страхом, что принесет ему ночь.

Около полуночи растворились двери, хотя и были закрыты изнутри на засов. Первым вошел почтенный старец с длинной седой бородой. За ним следовали трое, также мужи весьма почтенные. Когда они вошли в комнату, сразу стало так светло, как если бы они несли факелы. Симплициус тотчас сунул нос под одеяло, оставив снаружи одни глаза.

Старцы подступили к постели и принялись оглядывать лежащего в ней человека, а тот – их. Затем они отошли в угол комнаты, подняли одну из каменных плит и вытащили инструменты цирюльника. С этими инструментами они снова подступили к постели, предварительно поставив посреди комнаты стул и показывая на него, дали понять, что Симплициусу надлежит подняться с постели и усесться на стул для предстоящего бритья.

Так как Симплициус продолжал тихонько лежать, то самый важный из стариков начал срывать с него одеяло. Легко вообразить, какие мурашки побежали у Симплициуса по телу. Он уцепился что есть силы за одеяло и крикнул:

– Господа, что вам угодно?! Я бедный пилигрим, у которого ничего нет.

Один из старцев сказал:

– Я – предок владельца здешнего замка. Когда-то затеял со своим двоюродным братом несправедливую тяжбу из-за двух деревенок, принадлежавших ему по праву. С помощью всяких хитростей и уловок дело было повернуто так, что деревеньки были присуждены мне. После этого я принялся так стричь и драть своих подданных, что наскреб кучу денег,

которые спрятал тут в уголке, а сам до сих пор не расстаюсь с ремеслом цирюльника в расплату за собственное живодечество. Когда бы эти деньги вернулись к людям, с меня было бы снято проклятие тех, кого я свое время ограбил. Об этих прогрезениях ты должен рассказать моему правнуку.

С этими словами старец и сопровождающие его призраки отнесли все свои цирюльничьи инструменты на прежнее место, уложили плиту, поставили стул на прежнее место и гуськом вышли из комнаты.

Днем Симплициуса навестил владелец замка, которому тот поведал о своих ночных приключениях, а под конец сообщил о замурованных в спальне деньгах.

Хозяин и гость немедленно отправились на поиски этих денег. Однако вместо денег они нашли два горшка с красным и белым песком.

Тут Симплициус вспомнил о великом алхимике Теофрасте Парацельсе, который в своем сочинении «Оккультная философия» писал о трансмутации металлов. Поэтому, захватив оба горшка, наши кладоискатели отправились в кузницу, где поставили их на огонь. В результате в одном горшке оказался большой слиток золота, а в другом – слиток серебра.

Через несколько дней Симплициус продолжил свое путешествие в Италию.

Посетив Рим, он направил свои стопы в Геную, откуда на купеческом судне отплыл в Александрию с целью осуществить паломничество в Иерусалим. Однако вследствие мятежа одного турецкого паши задуманное паломничество осуществить не удалось. К тому же начала свирепствовать какая-то болезнь, и многие европейцы поспешили покинуть Александрию. К ним присоединился Симплициус, которого в окрестностях Каира захватили разбойники, переправившие его через Красное море в большой торговый город с целью продажи в рабство. Но здесь их разоблачили и осудили на галеры, а Симплициуса освободили, и он на португальском корабле поплыл в Португалию.

Недалеко от Мадагаскара корабль попал в сильную бурю и был брошен на камни. Симплициус и корабельный плотник спаслись, уцепившись за большой обломок судна. Этот обломок долго носило по морю, пока не прибило к берегу неведомого острова.

После отдыха Симплициус и плотник отправились на разведку, во время которой им повстречалось много непуганых птиц, а также найдены были лимоны, померанцы и кокосовые орехи, подкрепившие их силы.

В распоряжении наших вынужденных островитян были: топор, ложка, вилка, ножницы и рожок с порохом. Симплициус высушил на солнце порох, отсыпал немного на камень, обложил сухой травой и с помощью ножа высек огонь. Поймав несколько птиц, охотники тут же ошипали их, выпотрошили и насадили на вертел.

Обследовав остров, Симплициус и плотник стали держать совет, как устраивать далее свое хозяйство. Обсуждая злободневные вопросы, они прогуливались вдоль берега моря и вдруг заметили в море ящик. Когда его выбросило на берег, то стало видно, что в него крепко вцепилась полумертвая женщина. Ее начали приводить в чувства, и вскоре она шевельнулась.

– Это эфиопка с нашего корабля, – сказал плотник. – Она была в услужении у знатной португальской госпожи.

В ящике было найдено несколько кусков китайской материи, фарфоровая посуда и различное оружие.

Как-то раз, когда Симплициус собирал птичьи яйца, его товарищ, которому было около двадцати лет, начал обхаживать эфиопку, предлагая ей свою любовь. Та предложила ему стать единственным владыкой острова и с этой целью убить Симплициуса. И вот они сговорились убить потенциального конкурента.

Вернувшись, Симплициус присел к огню, чтобы вкусить приготовленную пищу. Едва только он сотворил крестное знамение, а также призвал на своих сотрапезников божье

благословение, как стряпуха мгновенно исчезла, а плотник лишился чувств. Когда же он пришел в себя, то пал перед Симплициусом на колени, стал каяться и просить прощение за злой умысел. Симплициус простил его. С того времени они повели более богобоязненную жизнь.

Поскольку товарищи по несчастью увидели, что им придется долго оставаться на острове, они изготовили мотыги и лопаты, с помощью которых отвели от моря канавы, чтобы выпаривать соль. Затем запрудили ручей так, что могли отводить воду, обнажая до дна старое русло, и собирать рыбу и раков. Нашли и подходящую для гончарных изделий глину, благодаря чему стали делать необходимую посуду.

Все было бы хорошо, если бы плотник не злоупотреблял пальмовым вином, которое свело его в могилу.

Через несколько лет Симплициуса обнаружили моряки голландского корабля. Однако он не проявил никакого желания покинуть остров. Прощаясь с отшельником, голландцы снабдили его увеличительным стеклом для извлечения огня, топором, лопатой, киркой, полдюжиной различных ножей, ножницами, двумя медными горшками, двумя кусками хлопчатой материи и кроликами для разведения их на острове.

Однажды к острову пристал плот с дикарями прегнусного вида, которые, надавав сильных тумачов Симплициусу и связав его, переправили свою добычу на плот, скорее всего для последующего употребления в пищу. Отшельника спас португальский корабль, доставивший его в Лиссабон.

Из Лиссабона Симплиций добрался до Амстердама, а оттуда направился в свой дом в Шварцвальде, где еще живы были крестник, крестница, а юный Симплициус вел благоразумную жизнь.

Ну и распривольное житье пошло у нашего странника. Симплициус стал прилежно водить крестника по трактирам. Где они появлялись звучали дудки и волынки, стучали кости, шелестели карты и журчало вино.

Ведя такую веселую жизнь, Симплициус довольно быстро опустошил свой кошелек. Но поскольку любая печаль ему была чужда, он продолжал всякими правдами и неправдами жить в свое удовольствие.

Вот она такая не слишком долгая история, более обстоятельно поведанная в толстой книжке замечательного немецкого прозаика XVII столетия Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена (1621 или 1622–1676).

Говорят, что этот рыжеволосый балагур и неутомимый рассказчик родился в марте не то 1621 года, не то 1622 года в небольшом немецком городке Гельнхаузене. Предки его, выходцы из Тюрингии, владели небольшой деревушкой неподалеку от Гельнхаузена, куда они впоследствии переселились и обюргерились. Отца наш будущий писатель потерял рано. В 1627 году матушка снова вышла замуж и перебралась во Франкфурт. Мальчик остался на попечении деда, пекаря и винодела, который определил его в латинскую лютеранскую школу. Но учиться ему долго не пришлось, так как в сентябре 1634 года город был захвачен имперскими войсками и полностью razoren. По-видимому, вместе с другими беженцами юноша укрылся в занятой шведским гарнизоном крепости Ганау. С осени 1637 года мы встречаем его в Вестфалии в роли конюха одного из отрядов имперской армии.

В конце 1639 года Гриммельсгаузен становится военным писарем у коменданта имперской крепости города Оффенбурга, барона Ганса Рейнхарда фон Шауэнбурга. На этой службе он состоял до мая 1647 года.

Через год после заключения Вестфальского мирного договора Гриммельсгаузен женится на дочери вахмистр-лейтенанта Катерине Хеннингер. Хотя Гриммельсгаузен был лютеранином, но бракосочетание осуществлялось по католическому обряду, на чем настояла невеста и ее родственники. Незадолго до женитьбы он установил свое

дворянское происхождение, и отныне стал именовать себя фон Гриммельсгаузен.

Получив место управляющего родовым поместьем баронов Шауэнбургов, Гриммельсгаузен в 1650 году направился к месту своей новой работы и поселился в деревне Гайзбах у подножия Шварцвальдских гор в баденском Ренхтале. Здесь он надзирал за поместьем, собирал подати с крепостных крестьян и постепенно обзаводился своим хозяйством.

В 1653 году Гриммельсгаузен перекупил пустошь у арендаторов Шауэнбурга, построил два дома, один из которых обменял на предоставленный ему ранее дом управляющего и открыл там трактир «У серебряной звезды», действующий и поныне.

Хозяйственные операции втянули Гриммельсгаузена в долги, и он вынужден был поступить на службу к страсбургскому врачу Иоганну Куферу, у которого исполнял обязанности эконома. В замке Уленбург, полученном врачом в «залоговый лен», была богатая библиотека, что пришлось особенно по душе любознательному эконому.

В 1665 году Гриммельсгаузен возвратился в Гайзбах, а в 1667 году перебирается в город Ренхен, принадлежавший страсбургскому епископству. Здесь он заступает должность претора, в обязанность которого входит разбор мелких судебных дел, составление имущественных актов и сбор податей.

17 августа 1676 года Гриммельсгаузен умер и был похоронен на кладбище в Ренхене, где в 1879 году ему был открыт памятник.

Достоверные портреты Гриммельсгаузена неизвестны, но говорят, он был высокого роста, крепкого сложения, отличался педантизмом, что, впрочем, не мешало ему отдавать свои симпатии крепко проперченному, соленому юмору, поскольку любил, зайдя в трактир, пропустить стаканчик доброго вина и от всей души посмеяться в компании простых бюргеров с неиспорченными мозгами и здоровым брюхом.

Главным художественным произведением Гриммельсгаузена является роман с пространным и довольно вычурным названием, которое на книжной обложке обычно сокращается до следующих вариантов: «Затейливые приключения немецкого Симплициссимуса», «Затейливый Симплициус Симплициссимус» или еще короче «Симплициссимус». В основе этого романа, увидевшего свет в 1668 году, лежит личный опыт писателя, приобретенный им в годы Тридцатилетней войны и позднее на поприще хозяйственно-управленческой деятельности, и опыт осмысления многих литературных произведений, внимательно и критически прочитанных им. Что касается последнего, то литературная эрудиция Гриммельсгаузена, как и его образованность, строились преимущественно на самообразовании и упорной работе над собой.

Роман по праву считается достоянием мировой культуры. Он продолжает народную повествовательную традицию, традицию народных шванков, а также традиции плутовского и героико-галантного романов.

Роман о Симплициусе Симплициссимусе состоит из пяти книг и «Continuatio» («Продолжения»), повествующих о необычных приключениях молодого человека в драматических коллизиях Тридцатилетней войны, а после ее окончания – о приключениях уже зрелого мужа.

Творческое наследие Гриммельсгаузена включает в себя романы, сказания, короткие рассказы, шванки, политические трактаты и листовки. К наиболее крупным произведениям писателя относятся произведения, составляющие своеобразную «симплициану». Это прежде всего «Прожженная обманщица и побродяжка Кураж», в которой рассказывается о постепенно опускающейся женщине», и «Диковинный Шпрингинсфельд», где изображается неуклонно грубеющий и разоряющийся ландскнехт. Известный немецкий писатель Бертольт Брехт (1898–1956) преобразовал историю Кураж в образ маркитантки в своей пьесе-хронике «Матушка Кураж и ее дети».

Познакомившись с книгой талантливого немецкого писателя и с самим писателем,

продолжим наши путешествия по миру людей.

«Новые христиане» и кое-что любопытное о каббалистике, но не только о ней. Нидерланды, освободившись от испанского владычества, стали важным плацдармом для пропаганды рационалистических идей Декарта. В республике процветали торговля и мануфактурное производство. Интересы торговли привлекали в страну множество людей различных вероисповеданий, побуждая правящие круги проявлять религиозную веротерпимость. В Европе не было другого такого государства, которое служило бы лучшим убежищем для инакомыслящих и гонимых за веру, чем Голландия. Именно в Нидерландах преследуемые инквизицией португальские евреи нашли себе не просто убежище, а новую родину.

Первые семьи еврейских изгнанников появились в Амстердаме в конце XVI века, а затем потянулись целые караваны португальских эмигрантов, благодаря которым Амстердам стали называть «новым большим Иерусалимом». К евреям относились терпимо и даже позволяли исповедовать иудаизм. Государство понимало выгоду от еврейской общины, поскольку эмигранты своим капиталом приносили несомненную пользу нидерландской торговле, в частности способствуя тому, чтобы ряд португальских владений в Ост-Индии перешел в руки Нидерландов.

За столетие своего пребывания в Португалии, откуда шла самая большая волна эмиграции «новых христиан», евреи подзабыли знания своего вероучения, охладели к ритуальной стороне иудейской религии и прониклись другими религиозно-нравственными ценностями. К тому же среди образованной части евреев амстердамской общины появилось немало вольнодумцев, слишком сдержанно относившихся к религиозным догматам. Для целей противодействия подобным умонастроениям в Амстердаме было создано семиклассное еврейское училище, в котором преподавание начиналось с обучения еврейскому языку и кончалось иудейским богословием.

Амстердамские раввины внимательнейшим образом следили за всем происходящим в Испании и Португалии, чтобы использовать трагедию «новых христиан» для разжигания религиозного фанатизма, призванного спаять общину и напрочь изгнать из нее возмутительный дух вольнодумства. На примерах работы инквизиции в Испании и Португалии они культивировали ненависть ко всякому, кто осмеливался коснуться догматов иудейской религии, имевшей столько мучеников на Пиренейском полуострове.

Преследуя вероотступников, амстердамские раввины сами же провоцировали такое вероотступничество, чрезмерно увлекаясь мистикой, которая в больших дозах приобретала черты вневероисповедной мистики, то есть черты ереси.

В то время в среде еврейства была распространена неоплатоническая мистика, которая выдавалась за откровение глубочайших таинств и содержалась в каббалистических книгах, учивших о проистечении мира из Бога и о возвращении душ к Богу.

Секрет этой мистики коренится в Талмуде, сборнике еврейских догматических, богословских, морально-правовых и бытовых предписаний, сложившихся в период с IV века до нашей эры по IV век нашей эры.

Основой Талмуда служит Библия, в особенности первая ее часть – Пятикнижие, или Моисеев закон, или Тора.

В 586 году до нашей эры Иудея попала под владычество Вавилонии. Захватчики разрушили знаменитый Иерусалимский храм, а значительную часть народа вывезли в Вавилонию. В плену среди евреев образовалась группа писцов, которые занимались систематизацией привезенных из Иерусалима священных текстов. Благодаря их усилиям возникли главные элементы Торы.

Кстати, нет худа без добра. Попав в Вавилонию, евреи попали в мир древней цивилизации и сумели с выгодой для себя приспособиться к жизни в условиях плена. Некоторые из них стали государственными писцами, что очень важно и полезно иметь в

виду. Дело в том, что, как мы уже знаем из ранее сказанного, величайшим достижением Месопотамской цивилизации было создание древнейших библиотек.

В Шумере писцы были заняты во всех сферах общественной жизни и экономики. В области государственного управления они занимали должности чиновников высокого ранга, а в храмах причислялись к разряду жрецов определенной категории. В сфере ремесла, полеводства, садоводства и скотоводства выступали надсмотрщиками и надзирателями. В области транспорта писцы были главным образом корабельщиками. Выступали они также в роли врачей, переводчиков и правоведов.

Таким образом, вавилонские евреи находились в благоприятных культурных условиях для занятий систематизацией, редактированием и переписыванием священных текстов.

С самого начала Талмуд связывал жизнь отдельного человека множеством предписаний, правил и обрядов, заставляя каждый поступок соотносить с велением религиозных законов. Эта мелочная и неукоснительная опека душила творческие порывы человека и невольно способствовала выработке оппозиционных настроений, нередко принимающих форму невероисповедной мистики. Наиболее ярко такое оппозиционное вольнодумство проявилось в знаменитой «Книге Творения», написанной неизвестным автором. Время ее написания нам также неизвестно; мы знаем только, что первые комментарии на это сочинение были даны в X–XIII веках.

В «Книге Творения» оспаривается библейская и талмудическая концепция Бога и человека. Ее автор отрицает учение Талмуда и Торы о человекоподобном Боге-промыслителе и доказывает, что Бог и материальный мир едины, то есть отстаивает пантеистическую религиозно-философскую доктрину.

Таинственность автора, неясный и многозначительный язык изложения дают повод рассматривать «Книгу Творения» как первое каббалистическое произведение.

«Каббала» (или «кабала») в переводе на русский язык означает «предание». Считается, что Каббала весьма древнего происхождения и являет собой тайное учение, состоящее из мистических приемов толкования Священного Писания и суммы правил, посредством которых раскрывается тайный смысл мироздания.

В Каббале различают теоретическую и практическую части. Ее теоретическая часть нацелена на поиск «тайн» Бога, тогда как практическая часть ориентирована на изучение способов магических комбинаций священных слов и молитв, благодаря чему предоставляется возможность повелевать вещами.

Одной из главных книг Каббалы является Зогар («Сияние»). Некоторые исследователи полагают, что Зогар был написан незаурядным фальсификатором иудаизма Моисеем де Леоне, жившем в XIII веке. Автор Зогара пропагандировал веру в сатану, в злых духов и привидений.

Если в центре Талмуда находится некая безликая тень человека, то Каббала посредством Зогара берет под защиту живого человека со всеми его страстями и помыслами. Это объясняет увлечение еврейских вольнодумцев учением Каббалы.

Впервые широкая читательская публика познакомилась с экзотикой Каббалы в XIX веке благодаря книге польского графа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе». В центре книги находится образ скитающегося Альфонса ван Вордена. Вместе с этим скитальцем мы совершим очередное небольшое путешествие.

События, о которых пойдет речь, произошли в горах Сьерра-Морены в XVIII веке. Тогда эту круглую горную цепь населяли одни только контрабандисты, разбойники да кучка цыган.

Священные законы чести повелевали капитану валлонской гвардии Альфонсу ван Вордену добраться до Мадрида кратчайшей дорогой, каковой была дорога через эти дьявольские места. Потеряв в пути погонщика и слугу, храбрый капитан прибыл к берегам Гвадалквивира, в долину Лос Эрманос, которая была когда-то ареной гнусных подвигов

трех братьев разбойников. Двоих из братьев поймали и вздернули на виселице при въезде в долину.

Оставив за собой эту долину, наш путник въехал в другую и вскоре увидел трактир.

Трактир был безлюден и мрачен. Но это не смутило капитана. Он решил заночевать в столь мрачном притоне.

Что из этого вышло, любознательный читатель может узнать сам, открыв книгу Яна Потоцкого. Я же хочу отметить следующее и страшно интересное, имеющее самое прямое отношение к Агасферу, то есть к Вечному Жиду.

Бедолага Альфонс ван Вордер, несмотря на все усилия, никак не мог выбраться из долины Лос Эрманос и периодически оказывался спящим под уже упомянутой виселицей. Однажды он застал там человека, который не подавал признаков жизни, причем на шее у того темнела веревка. Правда, при более детальном осмотре обнаружилось, что он не мертв, а только спит. Этим спящим был каббалист. Вот его рассказ о себе в изложении от третьего лица.

Настоящее имя каббалиста – рабби Садок Бен-Мамун. Он являлся чистопородным евреем. Признаться в этом в Испании было крайне небезопасно.

Спустя четыре года после рождения нашего каббалиста у его отца появилась на свет дочь под знаком Близнецов.

Когда Садоку пошел шестнадцатый год, его отец решил допустить сына и дочь к тайнам Каббалы. Сначала он дал им в руки Зогар. Из этой книги детям ничего нельзя было понять. Затем они углубились в бездны Таинственной Книги, в которой самую понятную часть можно попросту счесть загадкой. В конце концов они приступили к Большому и Малому Синедриону, в которых поверялись им наиболее поразительные тайны.

Каждый день Садок и его сестра замечали, что отец Мамун все более теряет силы. Наконец однажды он приказал позвать детей и, указав на песочные часы, сказал:

– Прежде чем пересыплется песок, меня уже не будет на этом свете. Поэтому хорошенько запомните мои слова. Сын мой, я предназначил тебе в супруги небожительниц – дочерей царя Соломона и царицы Савской. А для тебя, дочь моя, я предназначил в мужа близнецов Зодиака.

После этих слов старик исчез, а там, где он прежде покоился, дети увидели только горсть светящегося пепла.

Надежда приобрести бессмертие и двух небесных жен удвоило рвение Садока к каббалистическим наукам. Он начал трудиться над первыми строками Песни Песней. Едва был разложен первый стих, как раздался страшный грохот. Но Садок не испугался. Когда он кончил второй стих, лампа с его стола слетела на пол, подскочила несколько раз и остановилась перед большим зеркалом. Садок взглянул в зеркало и увидел кончики прелестных женских ножек. На следующую ночь он вновь принялся за дело и увидел две пары ножек до щиколоток. Двадцать четыре часа спустя наш любитель острых каббалистических ощущений начал замечать колени, но тут солнце вышло из-под знака Девы, и Садок вынужден был прервать свои труды.

Через некоторое время он захотел приняться за прерванный труд, но узнал, что через Кордову должен проезжать известный адепт каббалистики. Садок несколько задержался и только к вечеру добрался до трактира, который славился тем, что его регулярно осаждали разные злобные духи. Здесь он расположился в одной из комнат и заснул.

Среди ночи его разбудил бой часов. Невесть откуда выскочил маленький раввинчик в фут высотой, который начал отбивать поклоны перед налом. Садок тотчас же узнал, что это не злой дух, а гений двадцать седьмой степени. Раввинчик обратился к нему и сказал:

– Ты начал всю свою работу не в том порядке, в котором следовало, и в этом причина, почему увидел сперва ноги дочерей Соломоновых. Начни с последней строки.

Произнеся это, раввинчик исчез. Сказанное им противоречило всем принципам

каббалистики. Однако Садок был настолько неосмотрителен, что послушался его совета. В результате всех его магических манипуляций были представлены любознательному взору две весьма славненькие девицы. Потом последовала пламенная любовь...

На следующее утро Садок проснулся под виселицей между двумя гнусными трупами. На основе этого факта им был сделан вывод, что всему виной злобные духи.

Конечно, с такими духами шутки плохи. Поэтому разумно не связываться ни со злобными духами, ни с каббалистами, пусть даже беззлобными. А вот познакомиться с книгами Яна Потоцкого, Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Михаила Афанасьевича Булгакова и вашего покорного слуги стоит, хотя бы потому, что их и мое творчество демонстрирует любопытные образцы сочетания бытовых и фантастических элементов, сочетания, подчиненного определенным философским замыслам.

Однако без каббалиста и каббалистики нам пока не обойтись, ибо с их помощью мы сможем еще раз столкнуться с неутомимым странником Агасфером.

– Вот он! – неожиданно закричал каббалист. – Ах, негодник! Целых восемь дней тащился в Испанию из Африки!

Миг спустя Агасфер был в нескольких шагах от него.

– Ну, как?.. Имею ли я еще право на дочерей Соломоновых?

– Никоим образом! – гаркнул Агасфер. – Ты не только утратил всякое право на них, но даже всю власть, какой обладал над духами выше двадцать второй ступени. Очень надеюсь, что вскоре ты лишишься и той власти надо мной, которой коварно достиг.

Каббалист на минуту задумался, после чего произнес:

– Тем лучше, я пойду по стопам своей сестры. Как-нибудь в другой раз поговорим об этом подробнее, а пока, уважаемый странник, расскажи о своей жизни все правдиво и ясно.

И вот, что нам для начала было поведано.

Семейство Агасфера принадлежало к числу тех, которые служили первосвященнику Анании, верховному жрецу иерусалимского храма, переселившемуся в середине второго тысячелетия до нашей эры с группой своих единомышленников в Нижний Египет и обосновавшемуся там вблизи Гелиополиса. Деда Агасфера звали Гискиас. Когда прославленная Клеопатра, последняя царица Египта (51–30 годы до н. э.) из династии Птолемеев, сочеталась браком с братом своим Птолемеем Дионисом, Гискиас поступил к ней на службу в качестве придворного ювелира. Кроме того, ему было доверено приобретение для нужд двора дорогих материй и нарядов, а также должность главного распорядителя придворных празднеств.

Все приключения предков Агасфера, а также его собственные приключения нанизываются на ниточку, которая в конце концов обрывается, оставляя читателя в недоумении. Одна история порождает другую, другая – третью, но завершенного сюжета мы не находим. На Западе такой жанр получил название «шкатулочного романа» (одна шкатулка заключена в другую, другая – в третью и т. д.).

Польский историк и публицист Михаил Балиньский писал в XIX веке: «В первом ряду ученых людей XVIII века в Европе в качестве историка находится вне всякого сомнения граф Ян Потоцкий».

Ян Потоцкий родился 8 марта 1761 года в Пикове под Винницей в семье графа Юзефа Потоцкого. Вместе со своим младшим братом Северином он провел годы юности в Женеве и Лозанне, где получил разностороннее образование. Затем были годы обучения в Венской военно-инженерной академии.

В 1783 году Ян Потоцкий женился на княжне Юлии Любомирской, дочери великого коронного маршала Станислава и племянницы князя Адама Казимежа Чарторыского, генерала земель подольских, писателя, а также крупного политического деятеля.

С юных лет Ян Потоцкий был зачарован духом странствий. Состоя юношей в рядах

армии Священной Римской империи, он побывал в Италии, Сицилии, на Мальте и в Тунисе. Вскоре после возвращения из средиземноморского путешествия Потоцкий отправляется в Турцию и Египет, а затем некоторое время живет в Голландии и Франции.

Перу Потоцкого принадлежит сочинение «Путешествие в Турцию и Египет», написанное в эпистолярном жанре. Здесь впервые затрагивается тема Востока, которой он оставался верен всю свою последующую жизнь.

В 1797–1798 годах Потоцкий совершает путешествие в Астрахань и на Кавказ.

В чине тайного советника Российской империи наш неутомимый путешественник направляется на Дальний Восток в составе дипломатической миссии графа Ю. А. Головкина, возглавляя посольскую научную экспедицию. Официальной целью миссии являлось извещение маньчжурского императорского дома о вступлении на трон Александра I.

Это посольство постигла неудача. Еще в Урге, столице Тартарии, как тогда называли Монголию, цинские чиновники потребовали от посла исполнить унижительную церемонию коленопреклонения перед табличкой с именем императора. Посол ответил отказом. В результате дипломаты вынуждены были возвратиться в Россию.

2 декабря 1815 года Потоцкий вызвал своего капеллана и велел ему благословить серебряный шарик. Затем он удалился в библиотеку, вложил этот шарик в ствол пистолета и выстрелил себе в висок. О причинах этого во многом загадочного самоубийства спорят до сих пор.

Голландский философ, шлифовавший линзы. Барух Спиноза родился 24 октября 1632 года в семье зажиточного амстердамского купца Михаэля Спинозы (Деспинозы).

Фамилия Спинозы происходит от названия одного португальского городка. Дед Спинозы находился в числе «новых христиан», покинувших Пиренейский полуостров и нашедших пристанище в Амстердаме. Унаследовав от него небольшое имущество, отец Баруха занялся торговлей и быстро разбогател. Михаэль Спиноза был энергичен, рассудителен и лишен каких-либо предрассудков.

У Баруха имелось две старших сестры – Ревекка и Мириам.

Когда сын подросток, Михаэль Спиноза определил его в еврейскую школу, надеясь, что отпрыск получит хорошее богословское образование. В школе мальчик учился легко, проявляя любознательность и смекалку. Тогда же он обратился к каббалистическим книгам, которые посеяли первые сомнения в традиционной иудейской религиозности. Но так как он скрывал свои увлечения и мысли, то руководители училища смотрели на него как на будущее светило синагоги. Когда же наступило время духовной зрелости, Барух перестал таиться и открыто начал заниматься рационалистической философией, найдя опору в трудах Декарта.

Изучение в оригинале сочинений Декарта требовало знания латинского языка. И Спиноза под руководством ученого-гуманиста Франца ван ден Эндена, одного из наиболее передовых людей Амстердама, овладел латынью в совершенстве и стал называть себя по латыни Бенедиктом.

У Спинозы быстро росла неприязнь к твердолобому консерватизму идеологов иудаизма. Там, где раньше он искал свет, теперь ничего не находил, кроме мрака и нелепостей. В книгах Ветхого Завета им обнаруживается такое обилие противоречий, что ему больше не хочется заглядывать туда. Он смеется над каббалистическими болтунами и их совершенно абсурдными сентенциями.

Отказавшись от купеческой карьеры, Спиноза начинает отдаляться от еврейской общины Амстердама. Его отход от богословия и занятия рационалистической философией приводят к столкновению с синагогой, завершающемуся изгнанием вольнодумца как вероотступника.

Заметив у Спинозы «опасную болезнь» свободомыслия, раввины сразу не пошли с ним

на открытый разрыв. Да и сам Спиноза не собирался делать ничего такого, что могло бы спровоцировать скандал. Это было не в его натуре.

Раввинам доносили, что Спинозу частенько видят в обществе христиан, отделившихся от государственной церкви. Но особенно руководство общины тревожило его «тлетворное» влияние на молодежь, часть которой пыталась ему подражать.

Отпадение столь яркой личности от синагоги могло стать совершенно нежелательным примером для подражания. Что же делать?

По заданию раввинов два молодых человека втерлись в доверие к Спинозе с целью слежки и доносов. Однажды они завели с ним разговор о Боге, ангелах и человеческой душе, интересуясь при этом: телесен ли Бог? существуют ли ангелы? бессмертна ли душа?

Спиноза, уклоняясь от разговора, сказал:

– У вас же есть Моисей и пророки. Обращайтесь к ним, читайте священные тексты.

Но шпионы настаивали на ответе по существу поставленных вопросов. Тогда Спиноза не выдержал и буркнул:

– Да, на основании Библии Бога можно считать телесным существом. Ангелы – это призрачные фантомы, а душа – простой жизненный принцип.

На этом он прекратил беседу и остался глух ко всем попыткам продолжить обсуждение скользких религиозных вопросов.

Вследствие полученных от доносчиков сообщений Спиноза вызвали в синагогу и подвергли пристрастному допросу. На допросе присутствовали мнимые друзья, которые обвинили его в презрении к религиозному закону, в осмеянии веры и в еретических высказываниях о Боге, ангелах и человеческой душе.

Спиноза остался равнодушен к угрозам судей. Он даже осмелился заявить:

– Я жалею вас за эти неуклюжие гримасы и требую, чтобы вы опирались не на свидетельские показания доносчиков, а на точные и неопровержимые доказательства.

Попытки вразумления и угроз не удались. Тогда в ход было пущено испытанное веками средство – подкуп. Спинозе предложили годовое содержание в тысячу гульденов, если он останется иудеем и будет время от времени посещать синагогу. В ответ на это прозвучало:

– Я не принимаю ваше предложение, даже если бы сумма была в десять раз больше. Я не лицемер и ищу не денег, а ищу только правды.

Видя такое упорство, раввины начали распространять слухи, что Спиноза – вредный для еврейской общины человек. Не побрезговали они и таким крайним средством, как убийство.

Однажды вечером на Спинозу, выходящего из Синагоги, напал еврейский фанатик, вооруженный кинжалом. Спинозу спасла толпа, образовавшаяся у дверей синагоги. Убийце не удалось быстро протиснуться к жертве. Его кинжал лишь порезал платье философа.

После этого покушения Спиноза уже не мог считать себя в безопасности, находясь в Амстердаме. Он начинает искать убежище вне города.

Синагога, испытав все средства, вплоть до крайних, подвергла Спинозу великому отлучению. Произошло это в июле 1656 года.

Незадолго до отлучения Спиноза покинул Амстердам. Получив письменный приговор синагоги, он ответил на него протестом, но скорее не по религиозным соображениям, а в связи с бездоказательностью выдвинутых против него обвинений.

Новый период жизни мыслителя связан с деревушкой Оуверкерк, находившийся недалеко от Амстердама.

Еще у своих амстердамских друзей Спиноза освоил искусство шлифовки линз, спрос на которые постоянно увеличивался в связи с развитием морского и военного дела.

Зарекомендовав себя искусным оптиком, он мог продавать стекла по высоким ценам и

таким образом обеспечивать себе средствами к существованию.

В деревенской тиши Спиноза провел четыре года, а затем переехал в селение Рейнсбург. Спустя два года последовало переселение в Ворбург, близ Гааги, а вслед за этим была совершена поездка с длительным пребыванием в Амстердаме, где готовилось издание единственной вышедшей при его жизни и под его именем книги «Основы философии Декарта». Другая книга под названием «Богословско-политический трактат», одно из самых замечательных философских произведений XVII века, была опубликована анонимно в 1670 году с указанием ложного места публикации – Гамбург вместо Амстердама.

Чем объясняется эта анонимность?

В «Богословско-политическом трактате» Спиноза требовал свободы мысли и правомочности критики библейских основ веры. В данном случае он не только боролся с авторитетом церкви, но и принципиально отрицал его значение, доказывая неправомерность всякой церковной власти и призывая государство запретить любого рода владычество веры и насилия в делах веры.

Провозглашаемые Спинозой идеи вызвали определенные симпатии у нидерландских республиканцев, во главе которых стоял известный математик и политик Ян де Витта. Существует предположение, что именно по его просьбе Спиноза написал «Богословско-политический трактат». Возможно, благодаря этому видному политическому деятелю была отведена угроза расправы над философом после того, как стало известно, что «Трактат» написан Спинозой. Спасая философа, он, к сожалению, не спас себя в годину тяжелых испытаний для Нидерландов.

Людовик XIV развязал беспощадное избиение гугенотов, которое своей жестокостью превосходило Варфоломеевскую ночь. Из Франции начался массовый исход протестантов, которые толпами пересекали границу, увозя с собой капиталы, что оказалось губительным для экономики страны и ее финансов.

Вместо того чтобы прекратить террор, Людовик XIV начал искать виновников стремительного обнищания страны за пределами своего королевства. И такой «виновник» был найден в лице протестантов Голландии. Французские войска вторглись в Соединенные провинции.

Еще не закончилась война с Англией, когда Людовик XIV начал осуществлять свою завоевательную политику и отнял в 1667 году часть испанских Нидерландов. Так был положен конец старому антииспанскому союзу.

Весной 1672 года французский король в очередной раз объявил войну Нидерландам. 20 июня Утрехт был отдан во власть французского оружия.

Ответственность за слабость нидерландской обороны возложили на партию де Витта. Глава республики пал на эшафоте.

Спиноза внутренне содрогнулся, узнав о гибели де Витта и его брата Корнелия. Лидер республиканцев и философ сходились в том, что церковь не должна вмешиваться в государственные дела и не должна претендовать на политическую власть. Кальвинистские ортодоксы ненавидели одного и другого, часто ставя их имена вместе. В одном анонимном памфлете, появившемся сразу после гибели де Витта, говорилось, что «Богословско-политический трактат» написан с помощью дьявола в аду отпавшим иудеем и с ведома Яна де Витта. В 1674 году распоряжением властей было категорически запрещено распространение «Трактата».

Летом 1673 года Спиноза получил приглашение приехать в занятый французами Утрехт, где его желал видеть принц Кондэ, полководец французской армии. Будучи достаточно свободомыслящим, принц не считал автора «Трактата» орудием дьявола; для него Спиноза являлся просто интересной и знаменитой личностью.

Получив паспорт в Утрехте, Спиноза направился к принцу. Но встреча полководца и

философа не состоялась, так как Кондэ, выполняя свои военные обязанности, уехал из Утрехта. Тщетно философ ожидал его возвращения. Так и не дождавшись полководца, он вернулся домой.

Поездка в захваченный французами Утрехт была опрометчивым шагом. Враги Спинозы начали распускать слухи, будто философ – не только атеист, но и французский шпион. Эти слухи взволновали друзей Спинозы, опасавшихся, что подстрекатели спровоцируют толпу на штурм дома, грабеж и убийство. В ответ на предостережения друзей мыслитель сообщает в одном из писем: «Если толпа подымет хотя бы малейший шум перед домом, я выйду и прямо пойду к толпе, даже если бы она захотела поступить со мной так же, как с бедными Виттами. Я добрый республиканец и всегда имел в виду славу и благо государства».

В конце семидесятых годов Спиноза познакомился с Лейбницем, который, возвращаясь в Германию, посетил знаменитого философа в Гааге, о чем неоднократно потом упоминал. К сожалению, Лейбниц неправильно оценил характер Спинозы, посчитав его честолюбцем, отрицающим бессмертие души ради бессмертия своего имени.

Даже по свидетельству врагов философа, Спинозу отличало совершенное бескорыстие и непритязательность. Уединенная и тихая жизнь была привычным его состоянием. Единственным развлечением являлось курение трубки. По словам друзей, Спиноза был очень доступен и отзывчив в обращении. Всех удивляло его умение владеть своими страстями. Он никогда не давал заметить собеседникам даже непроизвольного проявления неудовольствия.

Работал Спиноза обычно по ночам. Ночное время располагало его к глубоким размышлениям.

Умер Спиноза, как и жил, – тихо и спокойно. 20 февраля 1677 года он после обеда сошел к своим хозяевам и долго беседовал с ними. В тот день он лег спать раньше обычного. На следующий день приехал его знакомый врач, который осмотрел своего друга, страдающего болезнью груди, и распорядился зарезать петуха, чтобы приготовить суп к обеду. Это было исполнено, и Спиноза с аппетитом поел. Когда хозяин и его жена вернулись с вечерни, они узнали, что их постоялец умер в три часа дня. 25 февраля Спинозу похоронили на христианском кладбище.

Спиноза был одним из главных представителей рационализма XVII века. Рационалистическая философия утверждала, что все существующее связано логической необходимостью. Следовательно, действительность во всех формах своего проявления разумна и не случайна, ибо если в мире существует случайность, тогда нельзя говорить о закономерности происходящего. В этом логически упорядоченном мире нет места антропоморфному Богу. В лучшем случае такой Бог становится внешним «щелчком» по отношению к созданному им миру. Чтобы вернуть его этому миру, необходимо отказаться от представления о какой-либо антропоморфной божественной личности и думать о Боге как о чисто разумной силе, пронизывающей всю Вселенную. Вот почему Спиноза ставил знак равенства между природой и Богом, тем самым утверждая в правах пантеистическое мировоззрение. В этого пантеистического Бога верил не только Спиноза, но и Вольтер, Гёте, Гегель.

Логизация действительности наталкивает Спинозу на новую трактовку человеческой свободы. Так, если наше познание могущественнее, чем наши страсти, то необходимым следствием этого является свобода от страстей. Чем яснее становится познание вещей, тем бессильнее становятся страсти и стремление к призрачным благам мира.

В новом культурном контексте Спиноза высказал знаменитые слова о том, что свобода есть познание необходимости. Иначе говоря, свобода противопоставляется им не необходимости, которая отрицает свободу человеческой воли, а принуждению и насилию. По мнению философа, наивные представления о свободе воли рождаются на основе

смутного и неопределенного знания человека, довольствующегося своим житейским опытом. Такой человек не способен постичь универсальную необходимость, царящую в природе, и воображает, что в ряде случаев волен действовать так, как ему заблагорассудится, хотя на самом деле он или слепо подчиняется необходимому порядку вещей, или своим аффектам-страстям.

Этическое учение Спинозы имеет и свои отличительные особенности. Естественное право у него тождественно законам природы, и поэтому каждое существо имеет столько прав, сколько имеет силы, необходимой для самосохранения. Эта сила есть сила труда, трудовой деятельности. Поэтому переход людей из естественного (досоциального) состояния в состояние государственного общежития Спиноза связывает не столько с заключением общественного договора, сколько с разделением труда между людьми в силу различия их способностей и разнообразия потребностей. Специализация трудовой деятельности гораздо теснее связывает людей в единое гражданское общество, чем все сочиненные ими законы о правилах совместной жизни.

Законы мира Спиноза разделяет на законы природы и законы самого государства.

Голландский философ полагал, что правление многих лучше, нежели правление одного. По его мнению, монархическая форма правления ведет к рабству. Для улучшения монархической формы правления необходимо привлекать к осуществлению власти народ, хотя бы в форме образования при монархе многочисленного совета, избираемого монархом из среды граждан. С мнением этого совета монарх должен считаться.

Лучшей формой государственного правления Спиноза считает республиканскую, которую он разделяет на аристократию и демократию. Если правителями является определенное число граждан, избранных народом, тогда получается аристократия. Если же правители выделяются в силу игры случая, мы имеем демократию.

Этико-правовые и политические идеи Спинозы далеко не сразу были оценены по достоинству. Атеистический подтекст его «Богословско-политического трактата» настораживал и отпугивал многих философов XVII–XVIII веков. Но уже в XIX столетии предпринимаются попытки вывернуть этот «атеизм» (пантеизм) наизнанку, выдав его едва ли не за оригинальную разновидность «философской религии», противостоящей религиозно-догматическим вероисповеданиям. Однако все это имеет мало общего с духом свободомыслия и самокритичности автора «Богословско-политического трактата».

Этот загадочный Лейбниц. В истории рационалистической философии видное место принадлежит Лейбницу, основоположнику идей современной математической логики, одному из творцов дифференциального исчисления. Он первым усмотрел пределы рационализма. Его философские труды и биография таят много загадок.

Когда Лейбницу было около пятидесяти лет, он выглядел худощавым человеком среднего роста с бледным лицом. Голос был слаб, слабы были и глаза, ибо он много читал и писал. Легко вскипал, но гнев проходил быстро. По словам одного из его современников, у философа была большая голова, маленькие, но острые глаза. В плечах был широк, хотя и сутуловат.

Фамилия Лейбница славянского происхождения (Лубенец). В своей биографии философ писал, что предки его по отцу были из Польши и Богемии. Его отец, Фридрих Лейбниц, являлся довольно известным юристом, выполнявшим обязанности делопроизводителя Лейпцигского университета. За время службы в университете он служил нотариусом и ассессором философского факультета, а также профессором морали. Его третья жена, Екатерина Шмукк, мать Лейбница, была дочерью известного профессора, преподававшего юридические науки. От этого брака 21 июня 1646 года родился Готфрид Вильгельм Лейбниц.

Мальчику исполнилось шесть лет, когда он потерял отца, старательно развивавшего в ребенке любознательность. По словам Лейбница, занятия с отцом, во время которых он

рассказывал сыну эпизоды из священной и светской истории, глубоко запомнились ему. От отца он унаследовал практическую сметку и деловитость.

После смерти главы семьи воспитание мальчика перешло в руки матери. Мать, умная и практичная женщина, проявляла большую заботу касательно образования сына. Она отдала Готфрида в одну из лучших школ Лейпцига.

Учителя довольно быстро разглядели в своем питомце весьма пытливого и трудолюбивого ученика, но, не блистая талантами и не доверяя талантам других, они старались удержать его развитие в тесных рамках стандартной школьной программы.

К двенадцати годам Готфрид хорошо овладел латинским языком и принялся за греческий. Ему не было и четырнадцати лет, когда он изумил своих школьных учителей блестящими филологическими и поэтическими способностями.

Накануне праздника Святой Троицы один из учеников должен был прочесть торжественную речь на латыни. Однако за три дня до этого он заболел, и никто не вызвался заменить его. Тогда Лейбниц предложил себя вместо заболевшего и за один день сочинил длинную стихотворную речь, которая вызвала одобрение и похвалу учителей.

Во времена Лейбница в школах преподавалась схоластическая логика, рассчитанная на бездумную зубрежку. К тому же она преподавалась, как правило, настолько сухо и бездарно, что вызывала нестерпимое отвращение у преподавателей и учеников. Однако юный Лейбниц сумел увидеть под тухлявым покровом схоластических формул животворное начало. Он догадывался, что цели развития логики как научной дисциплины и цели ее преподавания в школе не совпадают. Им предпринимаются попытки сопоставить логику и математику с тем, чтобы расположить элементы логики в математическом порядке – когда одно вытекает из другого.

В своих логических изысканиях Лейбниц не находит поддержки у школьных учителей. Они не только не разрешают его сомнений, но и говорят, что негоже мальчику делать попытки к изобретению новшеств в таких предметах, которые он еще недостаточно изучил.

Двигаясь по дороге познания, Лейбниц выдвинул и развил много интересных логических идей, которые по достоинству были оценены только в XX веке.

Осенью 1661 года Лейбниц поступает в университет своего родного города. Его цель – изучение юридических наук. Однако, не удовлетворяясь узким кругом вопросов юриспруденции, он начинает посещать лекции по философии и математике. Особой любовью у него пользовались лекции Якова Томазия, человека большой начитанности и недюжинного преподавательского таланта. Позднее он признавался, что Томазий во многом способствовал систематизации его знаний.

Увлекаясь математикой и натурфилософией, Лейбниц обнаруживает отсутствие надлежащих источников и грамотных преподавателей. В Германии университетская наука не могла похвастаться в области математики и естествознания. Увы, но это неопровержимый факт: точные науки преподавались из рук вон плохо. Университетский курс математики в поверхностном изложении профессора Кюна ограничивался «Началами» Евклида.

Желая углубить математические знания, Лейбниц после окончания курса философии отправился в соседний Йенский университет, который славился своим математиком Эргардом Вейгелем. Вейгель слыл широко образованным человеком, серьезно интересовавшимся вопросами механики, астрономии, юриспруденции и философии. К тому же он был решительным противником схоластики. В Германии ученых такой энциклопедической культуры называли полигисторами.

Ныне имя Вейгеля редко упоминается. В лучшем случае говорят о нем как о талантливом педагоге, являвшемся противником классической системы образования в гимназиях и одним из первых немецких профессоров XVII столетия, пытавшимся

заменить латинский язык немецким как в лекциях, так и в книгах. А между тем он оказал своими лекциями и работами достаточно сильное влияние не только на современников, включая Лейбница.

Так кто же он, Эргард Вейгель?

Вейгель родился в 1625 году. Когда ребенку минуло три года, его родители вынуждены были покинуть родной Пфальц и переселиться в Вунсидель, тогда бранденбургский город. Здесь Эргард стал посещать гимназию. По желанию отца школьное образование дополнялось домашним, поскольку при системе тогдашнего классического образования считалось лишним преподавать даже таблицу умножения.

Одиннадцати лет мальчик осиротел и стал собственным трудом добывать средства для продолжения своего образования. Он сочинял и писал для желающих письма, а также преподавал арифметику детям зажиточных родителей.

Скопив немного денег, Эргард в возрасте девятнадцати лет отправился в Галле заканчивать среднее образование и готовиться к поступлению в университет.

Занимаясь у местной знаменитости Шимпфера, Вейгель вскоре до того усовершенствовался в астрономии и астрологии, что патрон поручил ему ведение всех дел и даже – знак высокого доверия в те времена – составление календаря. Лейпцигские студенты специально ездили к нему, чтобы узнать свою судьбу и обучиться математике. Вейгель обладал педагогическим талантом и умел легко объяснять трудные вещи.

Денежные вознаграждения за обучение студентов позволили Вейгелю самому стать лейпцигским студентом. Двадцати пяти лет он получил степень магистра философии и стал читать лекции. Через три года наш магистр был приглашен на кафедру математики в Йену герцогом Вильгельмом Саксен-Веймарским, которого он в свое время за две недели научил распознавать светила на небесном своде.

Лекции Вейгеля пользовались большим успехом. Один из его курсов привлек более четырехсот слушателей, в результате чего этот курс пришлось читать за городской стеной, в чистом поле. Предмет этого курса был довольно своеобразен. Вейгель излагал свою реформу переименования созвездий, предлагая замену языческих имен вроде Марса, Венеры и т. п. не христианскими именами апостолов и святых, как предлагал юрист Юлий Шиллер, а геральдическими знаками европейских держав.

Кроме чтения лекций, Вейгель занимался составлением небесных глобусов и разными изобретениями, в списке которых, составленном им самим, значится даже *perpetuum mobile*. Сооруженный Вейгелем в Йене дом с водопроводом, подъемной машиной, астрономической обсерваторией считался одним из семи чудес Йены и просуществовал до 1898 года. Одно из его изобретений, скоропечатный станок, только потому не обессмертило имя ученого, что он сам отказался использовать его, опасаясь, что сокращение рабочих рук оставит без хлеба многих типографов.

Вейгель скончался в 1699 году. Через полгода после его смерти регенсбургский рейхстаг осуществил один из вейгелевских проектов, введя григорианский календарь во всех немецких землях.

Томазий и Вейгель оказали благотворное влияние на формирование философских и научных интересов Лейбница.

Возвратившись из Йены, Лейбниц уходит с головой в юридические науки и одновременно занимается практическим правоведением, знакомясь с конкретными юридическими актами и постановлениями.

В возрасте семнадцати лет он блестяще выдерживает экзамен на степень магистра «свободных искусств и мировой мудрости». Эта радость вскоре была омрачена тяжелым горем – смертью матери.

Оставив родной дом, Лейбниц навсегда покидает Лейпциг. Вначале он отправился в Нюрнберг, куда его увлекла молва о знаменитом обществе розенкрейцеров, во главе

которого стоял проповедник церкви св. Лаврентия Д. Вельфер. Ему захотелось стать членом этого тайного общества. Чтобы решить поставленную задачу, он вооружается сочинениями алхимиков, выписывает из них самые темные и нелепые места, а затем преподносит эту бессмыслицу главе розенкрейцеров с просьбой принять его сочинение как явное доказательство основательного знакомства с алхимическими тайнами. Попытка удалась: розенкрейцеры приняли Лейбница за истинного адепта и ввели его в состав своего общества. Ему было поручено вести протоколы общества.

Много лет спустя, вспоминая этот курьезный эпизод своей биографии, Лейбниц напишет: «Я не раскаиваюсь в случившемся. Впоследствии я, не столько по собственному влечению, сколько по желанию монархов, не раз предпринимал алхимические опыты. Моя любознательность не уменьшилась, но я сдерживал ее в пределах благоразумия».

В Нюрнберге Лейбниц случайно познакомился с приехавшим туда по своим делам бывшим майнцским министром И. Х. фон Бойнебургом. Это знакомство вскоре перешло в деловые и дружеские отношения.

Бойнебург, образованный немецкий аристократ, был одним из выдающихся дипломатов своего времени. По его совету Лейбниц поехал во Франкфурт-на-Майне, где напечатал сочинение о новом методе в юриспруденции, посвятив это сочинение курфюрсту Майнца И. Ф. фон Шенборну.

Вполне веротерпимый в делах религии, Шенборн одним из первых выступил против процессов о ведьмах и запретил в своем государстве их сжигание. Лейбниц высоко оценивал политические и моральные качества курфюрста.

Шенборну понравилась предлагаемая Лейбницем реформа юриспруденции. Как раз в это время он пытался составить новый свод законов. Через несколько лет Лейбниц занял видное положение при майнцском дворе, став канцелярским ревизии советником.

В Майнце Лейбниц написал несколько сочинений, одно из которых было посвящено вопросу о языке философских трактатов.

«Что такое хороший философский стиль? – спрашивает Лейбниц. – Что отличает философа от нефилософа? У обоих одни и те же объекты. Почему бы не пользоваться им одним и тем же языком?»

По мнению Лейбница, философ должен говорить и писать яснее и понятнее нефилософа. Философским делает стиль ясность изложения, а не пустые или темные слова. Туманные выражения приличны пророку, алхимику, оракулу или мистика, но только не философу. Есть лишь один случай, когда уместны технические выражения и специальные термины, а именно – когда можно одним выражением сказать то, что иначе пришлось бы объяснять многими словами. Краткость есть одно из требований хорошего стиля. Оправданно вводить искусственные термины в математику, механику и физику. Философам же следует избегать малопонятной терминологии. Лейбниц считает: чего нельзя вполне объяснить, изложив в популярной форме, то следует устранять из философии. В связи с этим он настаивает на необходимости излагать философию на живом национальном языке, не прячась за мертвую латынь схоластов. Правда, сам Лейбниц писал преимущественно по латыни и по-французски, но только потому, что стремился к европейской известности, а в то время немецкие сочинения не читались даже немецкими учеными.

Проживая в Майнце, Лейбниц много занимался политикой и дипломатией. Плодом этих занятий явился его известный «египетский проект». Дело в том, что свою цель как политика и дипломата Лейбниц видел в устранении опасности, исходившей для Германии от Франции и Турции.

В 1660 году турки совершили опустошительное вторжение в Венгрию. Захватническая политика была свойственна и Франции. Ее планы в отношении Голландии не могли не волновать не только немецких протестантов, но и католиков, опасющихся военной мощи

Франции. Вот почему поссорить Францию с Турцией было одной из важных задач германской дипломатии. Для ее осуществления необходимо было открыть театр военных действий в Египте, турецкой вотчине. Война с Турцией в этом географическом районе соответствовала интересам французской политики, что учитывал Лейбниц, разрабатывая свой «египетский проект». Предвидя войну Людовика XIV с Голландией, грозящую миру Западной Европы, Лейбниц стремился своим проектом предотвратить эту войну и перенацелить Францию на военный конфликт с Турцией.

В 1671 году Лейбниц и Бойнебург детально обсудили «египетский проект». Осенью того же года проект был представлен курфюрсту Майнца, который одобрил его. Теперь возник вопрос: в какой форме подать «египетский проект» Людовику XIV? После долгих обсуждений решено было написать письмо, сопроводив его разъяснительной запиской. В конечном итоге письмо и записка были вручены по дипломатическим каналам французскому королю.

Людовик XIV не дал письменного ответа, но изъявил желание получить более подробные объяснения от автора проекта. Было решено послать Лейбница в Париж.

18 марта 1672 года Лейбниц выехал в Париж. Французская столица манила его не только как автора «египетского проекта», но и как ученого, стремящегося расширить свой научный кругозор.

Во Франции с Лейбницем обошлись весьма любезно, но Людовик XIV не дал ему аудиенции. Дипломатическая миссия оказалась неудачной. Вместо похода в Египет своевольный и капризный французский монарх объявил войну Голландии.

После того как вспыхнула нидерландская война, курфюрст Майнца начал энергично проводить политику примирения враждующих сторон. Особая роль отводилась английскому кабинету Карла II. В Лондон было направлено посольство, в составе которого находился Лейбниц.

Когда в английской столице проходили переговоры, умер курфюрст Майнца. Переговоры пришлось прервать, и немецкие послы поспешили на родину. Обратный путь их лежал через Париж, где Лейбниц с разрешения нового курфюрста задержался на несколько лет, номинально числясь на майнцской службе, но не получая никакого содержания.

Париж сделал Лейбница первоклассным математиком. Знакомство с парижскими учеными позволило ему получить такие сведения, без которых трудно было претендовать на математическую славу.

В то время в научных кругах Франции господствовали последователи Декарта и друзья Паскаля. В Париже проживал Христиан Гюйгенс, основатель теории маятника и учения о волнообразном движении. По указанию Гюйгенса Лейбниц тщательно изучил математические работы Паскаля. В одном из своих писем немецкий ученый скажет, что после Галилея и Декарта он более всего обязан своим математическим образованием Гюйгенсу.

Под влиянием сочинений Паскаля и его арифметической машины Лейбниц тратит много сил и денег на усовершенствование этой машины. Если машина Паскаля совершала лишь два простейших действия – сложение и вычитание, то модель, придуманная Лейбницем, могла умножать, делить, возводить в степень и извлекать корни. В 1673 году Лейбниц представил модель в академии Парижа и Лондона. Арно, Гюйгенс и многие другие французские и английские ученые восхищались изобретением Лейбница, признавая, что это изобретение – важный шаг вперед по сравнению с арифметической машиной Паскаля. Благодаря своему изобретению Лейбниц стал иностранным членом Лондонской Академии наук. Эта Академия, известная как Лондонское Королевское Общество, приняла Лейбница в свои члены через год после вступления в ее ряды Ньютона.

Настоящие занятия теоретической математикой начались для Лейбница лишь после посещения Лондона, где в то время жили такие известные ученые, как Бойль, Гук, Ньютон.

1675 год – последний год пребывания Лейбница в Париже. Тогда-то им и было открыто дифференциальное и интегральное исчисления, положившие начало новой эры в математике. Аналогичный метод был изобретен раньше Ньютоном, но Лейбниц опередил великого англичанина, опубликовав результаты своих математических изысканий в 1684 году. Известный трактат Ньютона «Метод флюксий» был написан еще в 1672 году, но появился в печати только после смерти ученого. Впервые же читающая публика узнала о «флюксиях» Ньютона из первого издания его «Математических начал натуральной философии» в 1687 году.

Хотя Лейбниц и не знал о методе флюксий, но мог быть наведен на свое открытие письмами Ньютона. Как бы там ни было, несомненно одно: лейбницевский метод математического анализа стал гораздо более популярным, чем метод Ньютона. Разрабатывая метод исчисления бесконечно малых величин, Лейбниц ввел в научный оборот такие термины, как «алгоритм», «функция», «дифференциал», «координаты».

Свои парижские научные занятия Лейбниц прервал в 1676 году в связи с получением приглашения в Ганновер на должность советника при ганноверском герцоге Иоганне Фридрихе. Живя в Париже без должностной оплаты, на скромные средства, Лейбниц не прочь был принять какое-либо выгодное денежное предложение. Кстати, еще министры Людовика XIV намекали Лейбницу, что единственным препятствием для поступления на французскую службу является лютеранство немецкого ученого. Если Лейбниц перейдет в католичество, то служба ему обеспечена. Лейбниц на это не согласился.

По пути в Ганновер Лейбниц посетил Гаагу с целью знакомства со Спинозой. К тому времени уже сложились основные черты его философского учения. Поэтому Спиноза не мог оказать на него сильное влияние.

Философия Лейбница во многих своих пунктах объясняется его математическими интересами и прежде всего открытием дифференциального исчисления. Вряд ли кто-то рискнет оспаривать утверждение, что лейбницевский математический метод находится в теснейшей связи с его позднейшим учением о монадах – бесконечно малых элементах, на основе понятий о которых он пытался дать собственную трактовку строения Вселенной. По мнению его биографов, идея учения Лейбница о мировой гармонии впервые была выражена еще в беседах с янсенистами. В противоположность Паскалю, видевшему всюду зло и страдание и требовавшему лишь христианской покорности, Лейбниц пытался доказать, что при всем том наш мир есть наилучший из возможных миров.

С конца 1676 года и вплоть до самой смерти в 1716 году Лейбниц служил при ганноверском дворе, пережив троекратную смену правителей.

Ганноверский герцог Иоганн Фридрих, о котором Лейбниц отзывался в самых лучших выражениях, интересовался алхимией. По его поручению Лейбниц стал заниматься алхимическими опытами, в которых он поднаторел у розенкрейцеров. Эти опыты сблизили его с гамбургским алхимиком Брандтом, носившимся с одной крайне сомнительной идейкой, вычитанной из какой-то алхимической книги. В книге говорилось, что из мочи добывается некое жидкое вещество, посредством которого серебро может быть превращено в золото. Предприняв ряд опытов, Брандт вместо «философского камня» нашел вещество, светящееся в темноте, к тому же необычайно горючее и ядовитое. Это вещество он назвал фосфором.

Узнав о результатах алхимических опытов Брандта, Лейбниц убедил герцога пригласить искусника к своему двору. Явившись в Ганновер, алхимик рьяно взялся за дело. Воспользовавшись лагерными сборами, он употребил не одну бочку солдатской мочи для опытов и добыл весьма значительное количество фосфора. За это Брандт был

вознагражден пожизненной пенсией.

Долгое время при ганноверском дворе процветал алхимик Бехер, прославившийся своей теорией «флогистона», а также сварливостью и завистливостью. С появлением конкурента в лице Лейбница сей завистник развил бурную деятельность по дискредитации философа. Хотя из этого ничего не вышло, но крови Лейбницу он попортил немало.

В 1679 году умер Иоганн Фридрих. Преемником его стал Эрнст Август, ярый противник французской гегемонии. Это облегчало деятельность Лейбница на политическом поприще.

Не без подстрекательства со стороны французских дипломатов Турция объявила в 1683 году войну Австрии. Все надежды Лейбница на столкновение Франции с Турцией из-за Египта навсегда рухнули. В ответ на эти события он написал памфлет «Христианнейший Марс». По отзывам историков, это была сильнейшая политическая сатира из всех, когда-либо сочиненных против Людовика XIV.

Несмотря на свою политическую деятельность, Лейбниц не оставлял занятий математикой, особенно в области дифференциального исчисления. Этим занятиям благоприятствовало основание в Лейпциге первого германского научного журнала под названием «Труды ученых». Лейбниц стал едва ли не душой этого журнала. Он поместил там множество статей по всем отраслям знаний, рефераты и рецензии. В 1684 году им было опубликовано систематическое изложение дифференциального исчисления.

Вскоре после вступления на ганноверский престол герцога Эрнста Августа Лейбница назначили официальным историографом ганноверского дома. Новый историограф посетил Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг, собирая соответствующие исторические документы.

Во Франкфурте-на-Майне Лейбниц познакомился с известным лингвистом и востоковедом Иовом Людольфом, который предложил ему основать Немецкое Историческое Общество. Это предложение заинтересовало Лейбница. Обдумывая его, он пришел к мысли, что организация научного общества, изучающего немецкую историю, послужило бы примером для создания учреждения, которое распространило бы свою деятельность на все науки. Так зародился план основания Немецкой Академии наук.

Летом 1688 года Лейбниц приехал в Вену с дипломатической миссией, чтобы как-то устранить или поубавить раздражение Вены по поводу заключения Эрнстом Августом союза с Людовиком XIV. Хотя этот союз не был враждебен империи, тем не менее он изрядно настроил против Ганновера самого императора.

В Вене философ все чаще задумывался над вопросом о поступлении на службу к императору. Один из его старых знакомых когда-то уже хлопотал о нем перед императором. Теперь же сам император, на которого произвел большое впечатление памфлет Лейбница, направленный против французской внешней политики, предложил философу через своего гофканцлера остаться в Вене и поступить на государственную службу. Однако Лейбниц попросил императора разрешить отложить ответ до тех пор, пока он не закончит порученные ему генеалогические изыскания, а для этого надо ехать в Италию. Так был навсегда упущен благоприятный для Лейбница шанс. Об этом философ с большим сожалением вспоминал, когда спустя много лет, покинутый всеми, употребил много усилий, чтобы закрепиться в Вене, но Вена высокомерно молчала.

В январе 1689 года Лейбниц оставил Вену и направился в Рим, где его приняли с почетом. Антикварий и папский секретарь Фабретти показал ему христианские катакомбы и хранившуюся в сосудах кровь мучеников.

На папский двор Лейбниц произвел такое благоприятное впечатление, что ему предложили занять должность хранителя ватиканской библиотеки. Эта должность часто служила ступенью к кардинальскому сану. Предложение было чрезвычайно заманчиво, но

неосуществимо, так как от Лейбница требовался переход в лоно римской церкви.

При всей своей склонности к политическим и религиозным компромиссам Лейбниц не упускал случая выступить в защиту свободы научной мысли. Во время пребывания в Италии он несколько раз убеждал итальянских ученых сделать представление папе по поводу сохраняющегося запрещения на официальное признание системы Коперника.

«Важно пристыдить клеветников, – дипломатично писал он в одном из своих писем, – которые утверждают, будто Рим – враг истины».

Таким советом философ хотел вооружить «ходовков» к понтифику, чтобы те внушили папе мысль об абсурдности подобных запретов, от которых теряет в авторитете только римский престол.

Полугодовое пребывание в Риме расширило круг знакомств Лейбница и обогатило его научными сведениями. Он имел возможность пользоваться ватиканской библиотекой, стал членом Римского физико-математического общества, познакомился с иезуитским патером Клавдием Филиппом Гримальди, недавно возвратившимся из Китая.

Еще до знакомства с Гримальди Лейбниц живо интересовался Китаем. От патера он узнал о древнем китайском счислении. Рассказы миссионера навели его на мысль изобрести новую арифметику, в которой достаточно двух цифр – 1 и 0. Эта двоичная система счисления настолько понравилась философу, что он усмотрел в ней нечто глубоко символическое. По его мнению, двоичная система показывает как бы воочию, что единицы (монады) достаточно для построения картины Вселенной, ибо комбинации единицы и нуля, дающие всевозможные числа, – это символический аналог комбинаций монад и небытия, дающих всевозможные миры.

Гений Лейбница заявил о себе и в этот раз, наметив философско-теоретический путь к решению сложных кибернетических задач.

Как известно, электронно-вычислительная машина (ЭВМ) представляет, в сущности, систему переключателей, имеющих два состояния – закрытое и открытое. Эти два состояния соответствуют числовым значениям. Поскольку таких состояний только два, постольку необходимо найти способ преобразования чисел из десятичной системы в двоичную систему, в которых только и может работать нынешняя ЭВМ.

Известная всем нам система счисления называется позиционной. В данной системе каждая цифра занимает строго определенную позицию. Если какая-то цифра сдвигается на один знак влево, то увеличивает свое значение в 10 раз. Эта же цифра, будучи сдвинутой на один знак вправо, составляет лишь 1/10 от своего предыдущего значения.

Десятичная система использует 10 цифр: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

С математической точки зрения наиболее удобной является двоичная система счисления, оперирующая только двумя цифрами – 0 и 1.

Число различных цифр, используемых в любой системе счисления, называется основанием системы счисления. Например, в десятичной системе основание равно 10, а в двоичной – 2.

Итак, в каждой системе счисления цифры упорядочены определенным образом в соответствии с их значениями (позициями). Продвижение цифры принято называть заменой ее следующей по величине. Так, в десятичной системе продвинуть цифру 0 – значит заменить ее цифрой 1, продвинуть цифру 1 – значит заменить ее цифрой 2 и т. д. В двоичной системе продвижение 0 означает замену его на 1, а продвижение 1 означает замену ее на 0.

Места слева от первой цифры всякого числа можно считать заполненными нулями в любом удобном для нас количестве. Математики условились считать, что в каждой системе счисления первым целым числом является число 0000. Применяя принятое правило счета, они утверждают, что второе целое число в любой системе счисления записывается в виде 0001. Следующие после 0001 целые числа в разных системах

счисления имеют разные значения. Например, в десятичной системе это будет 0002, а в двоичной – 0010.

Число 10101 в двоичной системе равно числу 21 в десятичной системе. Это можно записать, используя внизу цифр индексы для обозначения основания системы счисления, следующим образом: $10101_2 = 21_{10}$.

Иногда для перевода чисел из одной системы в другую используется табличный метод, но чаще используется более простой метод. Так, чтобы перевести любое число, записанное в некоторой системе счисления, в эквивалентное ему целое число в десятичной системе, нужно представить данное число в виде многочлена, являющего собой сумму степеней основания (записанного в десятичной системе) с коэффициентами, которыми служат цифры исходного числа, и сложить члены этого многочлена по правилам сложения чисел в десятичной системе счисления. Чтобы сказанное сделать более ясным, обратимся к примерам.

Пусть $a, b, c, \dots, k$ – цифры, используемые в некоей системе счисления с основанием p . Тогда, например, число $b g d a b j b a r$ будет выглядеть так:

$$p^6 \times b + p^5 \times g + p^4 \times d + p^3 \times a + p^2 \times b + p \times j + a + d$$

Правила (алгоритмы) сложения, вычитания, умножения и деления применимы к различным позиционным системам счисления. Например, правила сложения и умножения выглядят в двоичной системе следующим образом:

$$\begin{aligned} 0 + 0 &= 0 & 0 + 1 &= 1 & 1 + 0 &= 1 & 1 + 1 &= 10 \\ 1 \times 0 &= 0 & 1 \times 1 &= 1 & 0 \times 0 &= 0 & 0 \times 1 &= 0 \end{aligned}$$

В кибернетических устройствах используются, помимо двоичной системы счисления, и другие виды числовых кодов. Основная причина, по которой в вычислительной технике используется двоичный код, заключается в той относительной легкости, благодаря которой можно аппаратно реализовать лишь два различных состояния.

Точные методы математического исследования контактно-релейных устройств появились сравнительно недавно. Одним из первых важных вкладов в эту область науки сделал американский ученый Клод Элвуд Шеннон (1916–2001), построивший исчисление, основанное на ряде постулатов, которые описывают основные идеи теории релейных цепей. Кроме того, было показано, что это исчисление вытекает из некоторых элементарных для математической логики положений исчисления высказываний, которое обязано своим происхождением алгебре логики, разработанной англичанином Джорджем Булем (1815–1864).

Трудами Шеннона и других ученых XX века был заложен фундамент логического синтеза контактно-релейных устройств. Ранее же интересные релейные устройства проектировались и строились не на основе хорошо разработанной теории, а благодаря технической смекалке талантливых инженеров.

Необходимо иметь в виду, что релейное устройство можно рассматривать как некоторый преобразователь, который получает информацию одного вида и выдает информацию другого вида. Релейное устройство в качестве преобразователя информации должно функционировать в соответствии с определенными правилами, которые закладываются в него проектировщиком. Иными словами, в задачу проектировщика входит установление некоторой системы формальных правил, что является отличительной чертой математической логики.

Правильно спроектированное релейное устройство есть своего рода логическое устройство, которое реализует логические соотношения между входами и выходами,

установленными проектировщиком.

В постулатах и теоремах так называемой алгебраической логики релейных цепей цифры и переменные подчиняются правилам, которые в большинстве случаев совпадают с правилами обычной алгебры и арифметики. Однако существует ряд выражений, которые не подчиняются обычным правилам. Почему?

Увы, но переменные в алгебре релейных цепей не имеют численного значения. Впрочем, это и к лучшему. Инженер всегда может твердо сказать, что цепь замкнута или разомкнута, не философствуя при ответах на вопрос о том, насколько она замкнута или насколько она разомкнута. Вот почему алгебра релейных цепей является не алгеброй чисел, а алгеброй состояний.

Пусть читатель не удивляется, но используемые в данном случае цифры 0 и 1 не выражают количественных соотношений. Они символизируют только два возможных состояния проводимости – цепь либо замкнута, либо разомкнута. Цифру 0, равно как и 1, можно использовать и для представления разомкнутого состояния цепи, и для представления замкнутой цепи. Привязанность к стереотипам мышления только мешают понять самые простые вещи, а именно: бездушной машине в высшей степени безразлично, какой смысл люди вкладывают в свои цифры.

Открыв соответствующий учебник, читатель узнает, что простыми методами записи условий работы контактно-релейных устройств являются так называемые таблицы состояний. Таблицы состояний – это своего рода градусники. С помощью таких «градусников» каждая из n (многочисленных) входных переменных может принимать два и только два значения – 0 или 1 (разомкнуто или замкнуто). Соответственно, число возможных комбинаций переменных будет равно $2n$. Эти комбинации удобно записывать в виде таблицы, используя 1 для представления наличия входного воздействия и 0 – для его отсутствия.

Существенной особенностью таблицы состояний является то, что она обеспечивает проектировщику автоматическую проверку полноты описания работы релейного устройства. Эта таблица позволяет анализировать контактную технологическую структуру путем записи в систематическом порядке состояний ее выходов для всех возможных состояний входов. Что из этого следует?

Из этого следует весьма важное заключение, а именно: технические проекты рассматриваемого типа должны базироваться на прочном теоретическом фундаменте, каковым в нашем случае является математическая логика, ибо явно просматривается аналогия между законами функционирования контактных электрических цепей и законами логики. Различные ученые независимо друг от друга пришли к выводу, что в решении ряда сложных электроинженерных задач можно использовать аппарат современной математической логики. Время не только подтвердило эти выводы, но и возвело логику в ранг дисциплины, без использования которой невозможно представить современный научно-технический прогресс. Одновременно была пересмотрена историческая эволюция логической мысли, благодаря чему не только еще больше возвысился авторитет ученых прошлого, включая Лейбница, но и открылись новые перспективы использования логического инструментария, как в случае с лейбницеваидеями двоичной системы счисления.

А теперь спустимся с научных высот на грешную землю, чтобы последовать за великим немецким ученым.

В обратный путь из Рима Лейбниц отправился осенью 1689 года. Во время продолжительного итальянского путешествия им было собрано множество исторических документов большой ценности. Это побудило его составить сборник документов. Так возник монументальный труд, до сих пор являющийся важным источником для истории Средних веков.

Когда философ вернулся в Германию, он заметил изменения к худшему в политической жизни ганноверского двора, последовавшие после смерти курфюрста Иоганна Фридриха. София-Шарлотта, единственная дочь ганноверского княжеского дома и бывшая воспитанница Лейбница, вышла замуж за бранденбургского принца Фридриха III, который в 1688 году стал курфюрстом Бранденбурга.

Фридрих III был тщеславный и пустой человек, любивший роскошь и блеск показной мишуры. София-Шарлотта – полная противоположность своему мужу. Это была серьезная, вдумчивая и мечтательная женщина, которую тяготила пустота и бессмысленность придворной жизни. Долгое время между ней и Лейбницем велась переписка. Благодаря этим письмам Лейбниц открыл для себя глубину душевной жизни Софии-Шарлотты.

После смерти курфюрста Эрнста Августа в 1689 году положение Лейбница в Ганновере ухудшилось, так как преемник курфюрста не был способен по достоинству оценить Лейбница и относился к нему, как к заурядному придворному чиновнику. Философ начал подумывать о переезде в Берлин под покровительство Софии-Шарлотты. В одном из писем к ней он сообщил о своих планах основания в Берлине Академии наук, которая могла бы не уступать научным обществам Парижа и Лондона.

Планы Лейбница удались. 18 марта 1700 года Фридрих III подписал декрет, выражавший соизволение на основание в Берлине обсерватории и Академии наук. Через два дня после этого Лейбниц получил официальное приглашение в Берлин для организации нового научного учреждения.

11 июля 1700 года Лейбниц был назначен первым президентом Берлинского Научного Общества, позднее переименованного в Берлинскую Академию наук. Ему было обещано жалованье и другие доходы. Однако спустя пять лет, когда умерла от простуды хрупкая и болезненная София-Шарлотта, положение Лейбница в Берлине настолько ухудшилось, что дальнейшее его пребывание там стало невозможным. Достаточно сказать, что новый прусский король Фридрих-Вильгельм I, всегда ходивший в военной форме, фактически прикрыл Берлинское Научное Общество. О Лейбнице же он говорил, что «этот парень» не пригоден даже для того, чтобы стоять в карауле. Единственный университетский диспут, устроенный по приказу короля, был посвящен теме: «Все ученые – болтуны и балбесы».

В течении первого десятилетия существования Научного Общества Лейбниц ежегодно бывал в Берлине и проводил там несколько месяцев. Но с каждым годом Берлин встречал его все прохладнее. Дошло до того, что Научное Общество начало выбирать новых членов, не осведомляя об этом своего президента. Без его ведома назначили вице-президент, а над ним самим поставили директора. Глубоко оскорбленный всем этим, Лейбниц в 1710 году отказался от очередной поездки в Берлин. Впрочем, была и другая причина, удержавшая его в Ганновере. Дело в том, что курфюрст Георг Людвиг с самого начала лейбницевого президентства весьма косо смотрел на его регулярные поездки в Берлин и однажды даже высказал свое крайнее неудовольствие поведением придворного чиновника. Эти неудовольствия курфюрста подогревались постоянными дразгами и ссорами между берлинским и ганноверским дворами. К тому же в самом Берлине Лейбница считали «ганноверским шпионом», что стимулировало антилейбницевские настроения у членов Научного Общества.

Открывая Научное Общество в Берлине, Лейбниц мечтал о создании таких же научных организаций во всех просвещенных странах мира. Эти научные общества должны были поддерживать регулярные связи и стать «незримой республикой ученых» в форме федерации обществ ученых. Не был забыт и Петербург.

Лейбницу было более пятидесяти лет, когда он впервые встретился с русским царем Петром I. Произошло это в середине лета 1697 года в замке Копенбрюк, близ Ганновера. В то время двадцатипятилетний самодержец путешествовал по Европе, намереваясь

посетить Голландию с целью изучения морского дела.

До этой встречи с молодым и энергичным русским царем Лейбниц имел о России самые смутные представления как о нецивилизованной, полуварварской стране.

Первое знакомство Лейбница с Петром I было непродолжительным, но тем не менее у философа осталось сильное и яркое впечатление от этого свидания.

Второй раз царь и философ встретились осенью 1711 года при следующих обстоятельствах. Одна из принцесс брауншвейгской фамилии, София-Христина, вышла замуж за царевича Алексея. Дед невесты, Антон Ульрих, взял с собой Лейбница на торжества по этому поводу. Теперь Лейбниц увидел не молодого прожектера, а дальновидного политика, основателя Петербурга, победителя шведов под Полтавой. Хотя беседы с царем были непродолжительными, но весьма содержательными. Петр I не без удовольствия беседовал с философом, внимательно выслушивая его идеи и предложения. Особенно его заинтересовал план реформы учебного дела и проект учреждения Академии наук в Петербурге.

Осенью следующего года Петр I прибыл в Карлсбад. По желанию царя Лейбниц сопровождал его в Теплиц и Дрезден. Во время этого путешествия был разработан во всех деталях план русской Академии наук. Академия была основана уже после смерти Лейбница.

Это свидание с Петром I имело важные следствия для Лейбница: его приняли на русскую службу в высоком звании тайного юстиц-советника с пенсией в две тысячи гульденов.

Справедливости ради надо отметить, что роль Лейбница в учреждении Российской Академии наук оспаривалась академиком В. И. Вернадским. По мнению Вернадского, Лейбниц не играл в истории образования Петербургской Академии той роли, какую имел в основании Берлинской, хотя в развитие идеи Российской Академии он внес определенный вклад. Окончательное же решение о создании Академии Петр I принял только после посещения Парижской Академии, и в январе 1724 года это решение воплотилось в жизнь посредством утверждения царем проекта основания Российской Академии наук, составленного по его поручению лейб-медиком и заведующим Кунсткамерой Л. Блюментростом.

Более сдержанную и осторожную оценку этого решения дает историк Российской Академии Ю. Х. Копелевич.

Однако, как мне кажется, главным в создании Российской Академии были не внешние влияния на Петра I и не посещение им Парижа, а факторы сугубо внутреннего порядка. Дело в том, что Академия знаменовала для царя-реформатора не только и даже не столько новый этап в развитии русской науки, сколько контроль за просвещением в интересах государственного строительства в духе абсолютной монархии. Для этого высшее образование и научные исследования необходимо было вывести из сферы церковного контроля, а сама церковь должна была безропотно подчиниться воле абсолютного монарха, отказавшись от всяких претензий на ту или иную форму государственной власти.

Как довести до конца начатую в XVII столетии борьбу абсолютной монархии за подчинение церкви светской власти и утверждение идеи светского, государственного суверенитета?

Для этого требуется официально, на правительственном уровне закрепить зависимость «священства» от «царства». Подобное закрепление достигается учреждением в 1721 году Духовной коллегии, вскоре переименованной в Синод. В Синод входили назначаемые царем церковные иерархи, за деятельностью которых присматривал обер-прокурор, назначаемый царем из числа офицеров, то есть из числа тех лиц, которые по своему государственному статусу призваны безоговорочно и четко выполнять государеву волю.

Следует ли в новых условиях слепо копировать западноевропейский опыт, создавая университеты?

Нет, не следует, ибо эти университеты во многом еще проникнуты духом схоластики и больше сил тратят на философско-богословские споры, чем на занятия практически значимыми научными изысканиями. Идея Академии в духе Лейбница больше импонирует царю своей практической нацеленностью и привязанностью к государственному аппарату. Очевидно, именно эти соображения повлияли на его решение создать в Российской Империи новый тип научного учреждения.

Между прочим, само слово «академия» происходит от названия священной оливковой рощи, находившейся к северо-западу от Афин. Своим названием эта небольшая роща обязана мифическому афинскому герою Академу, который указал Диоскурам (сыновьям Зевса) место, где была укрыта их сестра Елена, похищенная Тесеем, сыном афинского царя. Считалось, что Академ похоронен именно в данной роще.

Под сенью олив этой рощи великий древнегреческий философ Платон обучал желающих философии.

Постепенно слово «Академ» приобрело значение «высшая школа». В этом значении оно использовалось в эллинистическом Египте царем Птолемеем I (начало IV века до н. э.) для указания на высшие учебные заведения Александрии, а также некоторыми средневековыми научными кружками арабского Востока, мусульманскими халифами Испании и европейскими королями, патронирующими науки и искусства.

Возвращаясь к немецкому философу, замечу, что в последний раз Лейбниц видел Петра I незадолго до своей смерти. Об этом свидании он писал: «Я воспользовался несколькими днями, чтобы провести их с великим русским монархом; затем я поехал с ним в Герренгаузен подле Ганновера и был с ним там два дня. Удивляюсь в этом государе столь же его гуманности, сколь познаниям и острому суждению».

Если Петр I сумел по достоинству оценить таланты Лейбница, то этого нельзя сказать о Георге I, который смотрел на ученого только как на своего придворного историографа, стоившего ему слишком много денег. Последние годы жизни Лейбница были отравлены непрекращающимися придирами Георга I, который публично заявил, что Лейбниц – не тот человек, которому следует верить.

«Ганновер – моя тюрьма», – сказал однажды философ.

Ядовитым жалом явился для лишенного свободы творчества и окруженного недоброжелателями философа некто Георг Экгард, который в 1713 году стал формальным сотрудником Лейбница. Вскоре курфюрст Георг назначил Экгарда историографом, а затем – вторым библиотекарем после Лейбница.

Экгард был лъстив, угодлив, завистлив, обременен долгами. Он очень хотел вытеснить Лейбница с его места при дворе. С этой целью сей преотвратительный субъект шпионил за ученым и постоянно снабжал курфюрста и его министра Бернсторфа клеветническими доносами.

Лейбниц умер при странных обстоятельствах 14 ноября 1716 года. Последние годы он страдал подагрой. Из всех лекарств доверял тому, которое было ему когда-то подарено приятелем-иезуитом. Приняв лекарство, он почувствовал себя очень дурно. Прибывший врач нашел положение настолько опасным, что сам поспешил в аптеку за лекарством. Во время его отсутствия Лейбниц почувствовал приближение смерти, хотел что-то написать, но был уже не в силах даже прочесть написанное. Тогда он лег в постель, закрыл глаза и умер. Произошло это около десяти часов вечера.

Ходили слухи, что философ был отравлен. Поговаривали о причастности к его смерти Экгарда.

Ганноверцы равнодушно встретили известие о смерти выдающегося соотечественника. Целый месяц тело философа лежало в церковном подвале без погребения.

Почему?

Кто-то пустил слух о самоубийстве придворного историографа, объясняя этим задержку в погребении. Как известно, церковь запрещала хоронить на христианских кладбищах самоубийц.

Но вернее всего причиной задержки было неприязненное отношение лютеранских пасторов к свободомыслящему философу, который равнодушно относился к обрядовой стороне религии, редко ходил в церковь и к причастию. Церковники, зная, что Лейбниц был в немилости у курфюрста, рискнули поставить под сомнение саму возможность захоронения этого «безбожника» на христианском кладбище.

Похороны были настолько скромными и поспешными, что один из приятелей Лейбница написал в своих воспоминаниях: «Его погребли скорее как разбойника, чем как человека, каким он был в действительности, являясь гордостью своей страны».

Место, где покоятся останки великого философа, неизвестно.

Королевское Научное Общество в Берлине ни словом не помянуло о кончине своего основателя и президента. Смолчало и Королевское Научное Общество в Лондоне, не пожелавшее почтить память соперника Ньютона. Только в Парижской Академии наук писатель и ученый-популяризатор Бернар Ле Бовье Фонтенель (1657–1757) прочел похвальную речь Лейбницу, в которой признал его одним из величайших ученых и философов всех времен.

Главными философскими сочинениями Лейбница считаются: «Новые опыты о человеческом разуме», «Теодицея» и «Монадология».

Что такое монада?

Монада – это не «единица» в арифметическом смысле слова. Монада – это не материальный атом. Монада – это некое подобие математической точки, которая лишена пространственной протяженности. Физический смысл монады состоит в том, что она есть своеобразный центр физических сил. Монады не возникают и не гибнут. Их «возраст» равен «возрасту» мира. «Поэтому сумма Вселенной всегда одна и та же», – напишет Лейбниц. Из принципа постоянства и сохранения монады вытекает другой важный принцип: «Сумма всех движущих сил природы постоянна, в природе всегда сохраняется одно и то же количество живой силы». Эта формулировка была первым шагом к формулировке принципа сохранения энергии.

Можно предположить, что благодаря такому пониманию монады Лейбниц и в этом случае пошел дальше Ньютона. Судите сами, для Ньютона книга Природы написана корпускулярными буквами и словами. Но именно математический синтаксис связывает их и придает свой смысл тексту данной книги.

Мир Ньютона составлен из четырех элементов: материя, то есть бесконечное число частиц, отделенных друг от друга, твердых и неизменных, но не тождественных друг другу; движение, которое переносит частицы в бесконечной и гомогенной пустыне пространства; пространство, в котором тела и корпускулы совершают свое движение; тяготение, которое связывает весь физический мир и удерживает как некую целостность. Однако, если следовать логике рассуждений Ньютона, тяготение не должно быть элементом конструкции данного мира и рассматривается либо как гиперфизическая сила Бога, либо как математическая структура, которая устанавливает правила синтаксиса в божественной книге Природы.

Введение, наряду с тяготением, пустоты в концепцию ньютоновского мира, несмотря на огромные физические и математические трудности (скажем, действие на расстоянии), было решающе важным шагом для науки Нового времени. Именно этот шаг позволил Ньютону противопоставить и одновременно объединить дискретность материи и непрерывность пространства. Атомистическая структура материи представляла собой достаточно твердое основание для применения к природе математической динамики как

эффективного инструмента анализа. Корпускулярная структура материи является фундаментом отношений, выражающих пространственную специфику.

Хотя мир Ньютона составлен главным образом из пустоты, лишь незначительная часть которой заполнена материей, все-таки это – мир, а не хаотическая груда изолированных и чуждых друг другу атомов. Ведь все атомы связаны воедино посредством простого математического закона – закона тяготения, согласно которому каждый из них находится в отношении со всеми остальными атомами. Таким образом, каждый из этих атомов участвует в построении системы мира и играет в ней свою роль.

Применение закона всемирного тяготения устанавливает физическое единство Универсума и придает ему в то же время интеллектуальное единство. Одна и та же совокупность законов управляет всеми движениями в бесконечном Универсуме.

Как известно, сам Ньютон никогда не допускал, чтобы тяготение было сугубо физической силой. Он неоднократно повторял, что тяготение – это исключительно «математическая сила», то есть некое конвенциональное понятие, не извлекаемое не из материи, не из Бога. Однако никто, за редким исключением, не разделял этой ньютоновской точки зрения. Все первое поколение учеников Ньютона принимало силу тяготения как реальное свойство материи, причем свойство физическое и существенное. Непонимание физической сущности тяготения не является основанием для отрицания физического факта тяготения. Если тяготение – это факт, то мы должны принять его точно так же, как мы принимаем другие физические факты или свойства физических тел.

Лейбниц хотя математически и не сформулировал нечто подобное ньютоновскому закону всемирного тяготения, но идея этого закона была для него достаточно очевидна, поскольку утверждалось, что монада – это своеобразный центр физических сил на субатомарном уровне. Словом, здесь есть над чем глубоко призадуматься и предположить кое-что интересное для современной науки.

Итак, лейбницевский мир состоит из непрерывного ряда (континуума) монад, определяющих не только физический смысл мира, но и закономерности этого мира, одной из которых является единство материи и духа, поскольку посредством монад образуется прочная связь между физической природой и духом, а также между бессознательным и сознанием. Так благодаря своему учению о монадах Лейбниц первым начал развивать идею сложного строения психики у человека и животных, предполагающую наличие двух уровней – сознания и бессознательного. Бессознательное (перцепция) есть внутреннее состояние монады, тогда как сознание (апперцепция) есть познание этого внутреннего бессознательного состояния. Сознание присуще не всем монадам.

На основе своей монадологии Лейбниц приходит к выводу, что Декарт ошибался, рассматривая животных в качестве автоматов. Согласно Лейбницу, животные, подобно человеку, обладают душевными способностями, но не имеют духовной жизни. В этом смысле животное – индивидуум, но не личность. Душа животного может чувствовать, но не знать.

Лейбницевская монадология связана также с его учением о предустановленной гармонии и с понятием Бога. По Лейбницу, существование мира само по себе не доказывает существования Бога. Существование Бога выводится из наличия мирового порядка, связывающего воедино бесчисленное множество монад. Бог – это наивысшая монада, наивысший центр силового притяжения. Если нет иного силового центра, то наш мир, подчиняющийся закону мировой гармонии, есть наилучший из возможных миров.

Как объяснить зло, царящее в этом «наилучшем из возможных миров»?

Отвечая на этот вопрос, Лейбниц разрабатывает учение о теодицее (богооправдании). Проблематика теодицеи – это лейбницевский вариант традиционной проблематики христианского богословия, в фокусе которой находится вопрос о том, как снять с Бога ответственность за зло, царящее в мире. Однако для нас лейбницевский трактат

«Теодицея» интересен не столько своими философско-богословскими вопросами, сколько тем, что данный трактат может быть рассмотрен и с совершенно иной стороны, а именно – как философский фундамент прав Бога и человека на определенные действия, оцениваемые с этико-правовой точки зрения.

Надо учитывать, что Лейбниц, будучи юристом по образованию и в ряде случаев по своим должностным функциям в качестве придворного чиновника, много внимания уделял в философии и даже в логике юридическим вопросам, одним из самых животрепещущих для XVII века. Это нельзя игнорировать при чтении «Теодицеи». Тем не менее данная особенность «Теодицеи» часто предавалась забвению в советской философской литературе по той простой причине, что философия права объявлялась «буржуазной наукой», которая заслуживает только испепеляющей критики. Впрочем, и в зарубежной литературе дела с лейбницеvской философией права обстоят не лучшим образом, но уже по другим причинам, касающимся традиции рассматривать творчество немецкого философа преимущественно с точки зрения теории познания и логики.

К этому следует добавить, что «Теодицея» как бы завершает, подводит итоги развитию идей философии права в лейбницеvских сочинениях, часто и не случайно насыщенных экскурсами в область богословия. Еще в своих юношеских опытах по юриспруденции Лейбниц находил большое сходство между юриспруденцией и богословием, но не потому, что юриспруденция пользовалась богословской методологией, запечатленной в каноническом праве, а потому, что богословие, как полагал Лейбниц, во многом позаимствовала методы юриспруденции. Он любил подчеркивать следующее: естественное право не потому верно, что так повелевает Бог, а потому, что Бог предписывает нам соблюдение естественного права в силу его истинности. На этом основании философ уверял, что юрист, как и геометр, может быть даже атеистом.

В своих этико-философских сочинениях и в «Теодицеи» Лейбниц подвергает доказательной критике понятие свободной воли. Чем вызвана подобная критика?

По мнению Лейбница, феномен свободной воли сродни феномену чуда, поскольку он не описывается в терминах детерминации, то есть не описываются в терминах причинно-следственных отношений. С богословской точки зрения Бог в своей сущности мыслится как некое мистическое начало, как источник необъяснимых чудес, творящий эти чудеса на основе своей бесконечной и причинно не обусловленной воли. В отличие от Бога, человеческая воля всегда детерминирована, то есть всегда обусловлена теми или иными конкретными причинами. Поэтому абсолютно свободная воля для человека – мираж и не более. И все же свобода дана человеку, но дана в единстве с необходимостью, которая имеет свои градации и свои разновидности, что отражается и на свободе действий человека. Эти градации необходимости Лейбниц попытался проанализировать средствами логики, благодаря чему внес определенный вклад в развитие так называемой модальной логики.

Любопытно отметить, что Лейбниц в одном из своих писем к Я. Томазиу резко порицает атеизм Ж. Бодена, с чьей рукописью «Разговор семерых о возвышенных тайнах сокровенных вещей» он был хорошо знаком. Судя по всему, немецкого философа не устраивала не столько боденовская критика религии, сколько отсутствие логического рационализма в этой критике, вследствие чего создавалось впечатление, что Боден выступает больше в роли политического оппонента церкви, нежели в роли философа, озабоченного моральными проблемами верующего сознания. Действительно, адвокат Парижского парламента не претендовал на лавры философа-рационалиста. Ему не чужды были и довольно примитивные суеверия, о чем свидетельствует его сочинение «Демономания колдунов». Однако Лейбниц не заметил главного: Боден – сын своего времени, а в то время и позже в XVII столетии в колдовство верило немало крупных мыслителей, среди которых были и свободомыслящий литератор Жан де Лабрюйер (1645–

1696), автор талантливо написанной книги «Характеры, или нравы нашего века», и всем известный религиозный скептик Пьер Бейль (1647–1706), автор знаменитого «Исторического и критического словаря», и многие другие. Но дело не в колдовстве, а в том, что Боден осмелился выступить против дурных советников короля, рядившихся в одежды чернокнижников и ведунов. Его требования суровых наказаний для колдунов и ведьм, «плясавших» возле трона, носили, как легко догадаться, политический характер, связанный с защитой принципа абсолютного суверенитета монархии, с борьбой против центробежных феодальных тенденций. Поэтому с позиций сегодняшнего дня обвинения Бодена в атеизме выглядят чем-то смехотворным, но, учитывая время, в которое жил Лейбниц, слово «атеизм» следует понимать как отрицание традиционных форм теизма, но не отрицание теизма как такового, ибо взамен ему предлагается философски истолкованный деизм. Именно этот устаревший вариант деизма в духе идеологии социниан Лейбниц и не приемлет, возлагая большие надежды на рационалистическую философию, которую он считает «божественным даром», могущим «спасти благочестивых и благоразумных людей от катастрофы наступающего атеизма». Таким образом, критикуя Бодена, всячески отмежевываясь от него, Лейбниц фактически продолжает его линию, но только в ином культурном и политическом контексте, заменяя ортодоксальную религию философской теодицеей, замешанной на идеях монадологии. Иначе это оценить и нельзя, ибо автор «Теодицеи» с одобрением пишет о том, что не кто иной, как Иисус Христос «возвел естественную религию в закон и придал ей силу общепризнанного догмата». Но ведь за естественную религию, противоположную религии сверхъестественного, ратует и Боден. Поэтому только учет конкретно-исторической специфики жизни и деятельности Бодена и Лейбница позволяет понять, в чем оба сходились, а в чем расходились.

Если Генрих IV виртуозно поменял протестантство на корону французского короля-католика, вдохновив тем самым деиста Бодена на отстаивание идеи суверенитета, то от лютеранского философа Лейбница не требовалось советовать надменным немецким курфюрстам срочно перейти в католическую веру, чтобы объединить Германию в единое целое по образцу Франции. Правда, в Германии католицизм по-прежнему оставался надежной опорой феодализма. Так, например, абсолютизм в Баварии был теснейшим образом связан с католической церковью, которая, как крупнейший землевладелец, прилагала все силы, чтобы лишить третье сословие права голоса. К тому времени Реформация в значительной степени утратила свой революционный пыл из-за перехода бюргерства на сторону владетельных князей. Следует принимать во внимание и тот факт, что в Германии, раздробленной на множество княжеств, государственно-правовые теории абсолютистского государства развивались с целью обоснования княжеского абсолютизма как божьей милости, что явно не способствовало созданию единого централизованного немецкого государства.

В этих социально-политических условиях, окрашенных в религиозные тона, вопрос отношения человека к Богу занимал решающее место во многих философских и этико-правовых трактатах. В них Бог представлялся высшей гармонией, которая бралась за образец для наведения порядка в хаотическом земном устройстве, то есть отношение к Богу в данных сочинениях не исчерпывалось догматической верой в потусторонний мир. Философы пытались обнаружить в Боге свои представления о благоразумии и добродетели, пригодные для решения земных проблем, и все больше удалялись от сугубо богословских ответов на волнующие их вопросы. Поэтому на пороге XVIII века литературная деятельность Лейбница и Х. Томазия, несмотря на обилие богословской терминологии в их сочинениях, являла собой тенденцию к секуляризации духовной атмосферы немецкого общества, подготавливала почву для деятелей немецкого Просвещения.

В этом «лучшем из возможных миров», сотрясаемом то одной, то другой войной, все должно идти своим чередом, постепенно возвышаясь от неразумия к разуму, от зла к добру, от войны к миру. Так считал Лейбниц, оценивая печальные результаты непрекращающихся военных конфликтов в Европе. Он призывал государей к мирному решению спорных международных проблем, ратовал за путь эволюционных реформ, а не за «революционный» мордобой во имя интересов власть предержащих.

Если оценивать зло с помощью лейбницевской монадологии, то его следует понимать как проявление факта развития мира. По мере развития этого «наилучшего из возможных миров» происходит уменьшение зла, зло как бы уходит и растворяется в прошлом. Аналогичное имеет место и в государственном строительстве. Немецкие политики в лице власть имущих в конце концов должны понять, что целое лучше, сильнее и прочнее его отдельных частей, что прочность этого целого в виде процветающего государства создается не мечом, а пером законодателя, постепенными политическими реформами.

Своей теорией «возможных миров» Лейбниц объявлял земной мир вполне достойным человека полем деятельности, что противоречило догматам христианства, согласно которым реальный мир – лишь земная юдоль страданий, а «лучший из возможных миров» – это загробный мир. К сожалению, «наилучший из возможных миров» в XX веке начал давать такие эволюционные сбои, что опроверг лейбницевскую теодицею и одновременно выпустил из его монад атомного «джинна».

Но до XX века еще шагать и шагать трудными, непроторенными путями, упираясь в стены равнодушия, проваливаясь в трясину бездушия, страдая от шквалов воинствующей глупости и косности. Наука Нового времени, обильно одобренная идеями философского рационализма, только-только начинает крепнуть, входя в суровый XVIII век, но оптимизма ей не занимать. Упования на силу человеческого разума помогают смело мыслящим ученым преодолевать жизненные невзгоды и враждебное непонимание окружающего мира, наполненного всесильными призраками уходящего прошлого.

Через год после незаметной кончины великого Лейбница в Европе будут проведены первые прививки против оспы, которые до того времени проводились только в Китае и Турции. Еще через год А. де Муавр, опираясь на работы Я. Бернулли и Х. Гюйгенса, начнет заниматься исследованиями в области исчисления вероятностей и статистики, а Э. Галлей рассмотрит собственное движение неподвижных звезд. В этом же году будет опубликована карта манящего Лейбница Китая, составленная на основе астрономических измерений. Через пару лет в Москве напечатают первую в России книгу по истории науки и техники, а в 1724 году Петр I примет окончательное решение о создании в Петербурге Академии наук.

Скрипучее колесо истории сделает еще один оборот. Наступит 1725 год. В этом году Дж. Брэдли будет наблюдать аберрацию света неподвижных звезд, благодаря чему впоследствии выведет из этих наблюдений значение скорости распространения света, которое совпадет с установленной в 1676 году О. Рёмером величиной. Тогда же будут опубликованы результаты многолетних измерений положения звезд английского астронома Дж. Флемстида, осуществленных в Гринвичской астрономической обсерватории. В руки ученых попадет первый астрономический каталог современного типа, содержащий данные о положении 2852 звезд с точностью порядка $10''$. И в это же время в далекой России перестанет излучать свет яркая звезда человеческая: навсегда закроются глаза Петра Великого, который, превратив государство в империю, тем самым изрядно озадачит благодарных и неблагодарных потомков вопросами о том, как жить дальше в «самостийных княжествах», возникших на необъятных просторах некогда единого и великого Отечества.

Свет угасшей звезды – зримая связь времен, но связь неуловимая, как солнечный зайчик. Стоит ли его ловить? Не лучше ли осветить им зодчих и строителей Храма

Истории, в котором человек должен ощущать воистину космическую ответственность за свою судьбу и судьбы людские? Не превратить бы только этот Храм в хранилище безрассудства и злобных вожделений! Печальных уроков последнего хватает. О них чаще других вспоминают философы и поэты. Прислушаемся к ним.

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенно палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный –
И прольется с неба страшный свет.
Это Млечный Путь расцвел внезапно
Садом ослепительных планет.

Н. С. Гумилёв